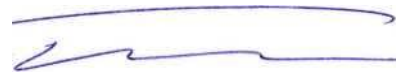

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Маркус Сергей Альбертович

**ЮРИДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук,
доцент,

Старовойтова Ольга Эдуардовна

Санкт-Петербург - 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	21
1.1. Понятие и сущность национальной безопасности Российской Федерации.....	21
1.2. Элементы национальной безопасности и их правовые основы...	38
1.3. Содержание и особенности правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	52
ГЛАВА 2. ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	69
2.1. Понятие юридических средств и их классификация.....	69
2.2. Правотворческие средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	83
2.3. Правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	99
2.4. Правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	117
ГЛАВА 3. ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	134
3.1. Критерии эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	134
3.2. Международное сотрудничество и участие Российской Федерации в интеграционных процессах как способ повышения эффективности юридических средств обеспечения ее национальной безопасности.....	148
3.3. Оптимизация использования юридических средств в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации: авторская концепция.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Беспрецедентные по своему масштабу и экзистенциальные по содержанию вызовы и угрозы, с которыми в настоящее время сталкивается Россия, кризис существующих моделей правового, политического, социально-экономического и духовного развития, претензии стран коллективного Запада на моральное лидерство и усиливающаяся нестабильность в мире обуславливают значимость обеспечения национальной безопасности государства и многократно повышают актуальность и злободневность вопросов, связанных с реализацией его национальных интересов.

В силу того, что национальная безопасность государства заключается, прежде всего, в защищенности и способности полноценно реализовать его национальные интересы, которые, в свою очередь, представляют собой весьма разнообразный спектр объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, проблематика обеспечения национальной безопасности тесно связана практически со всеми сферами жизнедеятельности общества: его правовым, политическим, финансово-экономическим, культурным, духовно-нравственным и иным развитием.

Таким образом, национальная безопасность государства является комплексным институтом, правовое обеспечение которого реализуется в различных направлениях, что значительно повышает проблематичность и актуальность разработки действенной и соответствующей сложившимся геополитическим реалиям системы юридических средств, способных ее обеспечить на должном уровне.

Именно юридические средства обеспечения национальной безопасности являются тем *общим знаменателем*, который в условиях проводимой Россией Специальной военной операции на Украине и реализуемой ею стратегии по созданию справедливого и многополярного

мироустройства, способен объединить различные векторы использования ресурсов и потенциала нашего государства в единый механизм правового регулирования, позволяющий гарантировать реализацию национальных интересов не любой ценой, но с сохранением всех ключевых признаков поступательно развивающейся и эволюционирующей правовой государственности.

Эффективное обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях предполагает неизбежное *расширение границ правового регулирования*, использование юридических средств для координации таких сфер общественной жизни, которые традиционно находились вне пределов правовой регламентации. Вместе с тем, складывающиеся геополитические реалии, попытки очернить имидж России, подорвать ее национальное единство и размывать цивилизационную идентичность обуславливают необходимость правового регулирования вопросов, связанных с укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, развитием патриотизма, воспитанием и обучением детей и молодежи, контролем за пропагандой аморального образа жизни и т.д.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации должно опираться на эффективные и социально востребованные *юридические средства*, а их разработка и систематизация является важнейшей задачей, решение которой не только нивелирует негативные последствия юридификации современного общества, но и позволит гарантированно реализовать национальные интересы государства.

Степень научной разработанности темы исследования. В силу того, что национальная безопасность государства является актуальным и предельно широким объектом изучения, данной проблематике посвящено значительное количество исследований, затрагивающих те или иные ее аспекты.

Если проблема безопасности человека возникла с появлением самого общества и исследовалась в трудах многочисленных философов с древнейших

времен, то вопросы, связанные с общественной и государственной безопасностью одними из первых затронули Конфуций, Платон и Аристотель¹, положившие начало дискуссии о соотношении личного, общественного и государственного.

В Средние века вопросы соотношения личной, общественной и государственной безопасности активно исследовались Т. Гоббсом, Б. Спинозой, Д. Локком, Н. Макиавелли, Ж. Боденом² и другими учеными. В Новое время о внутренней и внешней безопасности государства рассуждал И. Кант, о воздействии внешних и внутренних угроз на государство писал Г. Гегель³.

Потенциал государства противостоять внешним и внутренним вызовам и угрозам при его способности обеспечить гармоничное сосуществование интересов личности, общества и государства исследовался в трудах таких видных русских ученых, как Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, А.П. Куницын, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Н.М. Карамзин, Л.Н. Гумилев, И.Е. Андреевский и др.⁴

Вместе с тем, сама категория «национальная безопасность» стала предметом исследования гораздо позже – с середины XX века, что было обусловлено потребностями юридической практики и нормативным закреплением данного термина в национальном законодательстве ряда зарубежных государств. Однако исследование термина «национальная

¹ См.: Платон. Государство. // Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., Мысль, 1994. 512 с.; Аристотель. Политика. // Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., Мысль, 1984. 560 с.; Конфуций. Искусство властвовать: пер. с кит. М., Белые альвы, 2001. 288 с.

² См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., Мысль, 2001. 112 с.; Спиноза Б. Политический трактат. Электронный ресурс // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Spinoza_P_tr.pdf (дата обращения: 30.01.25 г.); Макиавелли Н. Государь. М., Планета, 1990. 79 с.; Локк Д. Два трактата о правлении // Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., Мысль, 1988. С. 160-164.

³ См.: Кант И. К вечному миру. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., Мысль, 1966. 543 с.; Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 7. М.; Л., 1929. 496 с.

⁴ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3 ч. Ч. 2. Социология. М.: Тип. товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1896. 437 с.; Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., Университ. тип., 1901. 248 с.; Бердяев Н.А. Судьба России // Родина. 1989. № 2. С. 62–66; Куницын А.П. Право естественное СПб., Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. Ч. 1. 135 с.; Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. М., Рарог, 1992. 616 с.; Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., Эксмо, 2020. 506 с.; Андреевский И.Е. Русское государственное право. СПб., М.О. Вольф, 1866. 496 с. и др.

безопасность» осуществлялось преимущественно через призму государственной безопасности как практически синонимичного понятия.

Национальная безопасность как самостоятельная категория и правовое обеспечение национальных интересов Российской Федерации получили освещение в трудах таких исследователей, как С.А. Авакьян, Б.Б. Бидова, А.В. Блюм, В.И. Булавин, Я.В. Васильева, С.Н. Гриняев, А.А. Дик, В.А. Каламанов, И.Б. Кардашова, А.А. Карцхия, В.А. Колокольцев, А.А. Куковский, Э.А. Мамонтова, П.Л. Мареев, Д.А. Медведев, Ю.И. Мигачев, Н.А. Молчанов, А.И. Подберезкин, А.О. Поддубный, А.М. Попов, А.А. Прохожев, А.В. Путинцев, В.Л. Райгородский, Д.А. Райский, В.М. Реуф, А.Г. Савицкий, В.П. Сальников, А.В. Степанов, С.В. Степашин, Ф.Н. Удычак, А.Г. Хабибулин, Е.Н. Хазов, С.Ю. Чапчиков, Л.Т. Чихладзе, А.В. Шободоева, Н.Д. Эриашвили и др⁵.

⁵ См.: Авакьян С.А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. 2009. № 6. С. 2-10; Бидова Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ. Дис. ... докт. юрид. наук. Грозный, 2021. 567 с.; Булавин В.И. Национальная безопасность современной России. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Нижний Новгород, 1999. 152 с.; Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. СПб., Фонд «Университет», 1999. 192 с.; Васильева Я.В. Основы теории национальной безопасности. Учебное пособие в двух частях. Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда, 2022. 144 с.; Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. М., АНО ЦСОиП, 2021. 171 с.; Кардашова И.Б. Национальные ценности в предмете административного права // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 8 - 12; Карцхия А.А. Новые элементы национальной безопасности: национальный и международный аспект // Вопросы кибербезопасности. 2020. № 6 (40). С. 72-82; Колокольцев В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005. 496 с.; Куковский А.А. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. 237 с.; Основы теории национальной безопасности. Учебное пособие. / А.В. Блюм, А.А. Дик, Э.А. Мамонтова, А.М. Попов. Тамбов, Тамбовский государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2017. 96 с.; Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–51; Основы национальной безопасности. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / Н.Д. Эриашвили, Е.Н. Хазов, Л.Т. Чихладзе и др. М., ЮНИТИ, 2018. 335 с.; Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М., Издательский дом «Международные отношения», 2023. 1594 с.; Поддубный А.О., Удычак Ф.Н. К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 6 – 11; Попов Г.Г. Миграционная безопасность России (Институционально-правовой анализ). Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 140 с.; Общая теория национальной безопасности. Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2. М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с. Путинцев А.В. Правовой режим противодействия факторам-угрозам национальной безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 222 с.; Райгородский В.Л. Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 283 с.; Райский Д.А. Национальная безопасность России в контексте сетевых войн в условиях меняющейся мировой архитектуры. Дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016. 257 с.; Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 2. С. 28-35; Савицкий А.Г. Национальная безопасность. Россия в мире. Учебник для студентов вузов. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 463 с.; Степанов А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-

Отдельные, специфические проблемы правового обеспечения национальной безопасности как комплексной, собирательной категории, равно как и составляющих ее *элементов* были рассмотрены такими учеными, как М.А. Бажина, В.И. Гасумянов, Я.П. Горбунова, Е.В. Горенская, С.В. Гунич, А.С. Дугенец, С.Г. Евтушенко, А.А. Зозуля, Э.И. Ибрагимова, К.А. Краснова, М.А. Куликов, В.С. Латыпов, А.А. Малиновский, К.В. Маслов, А.А. Мохов, К.С. Нежинская, С.Б. Немченко, С.Л. Нудель, Л.В. Павлова, Т.А. Полякова, Г.Г. Попов, В.М. Редкоус, Е.В. Резников, С.В. Сабаева, В.П. Сальников, Э.Т. Сибатуллина, А.А. Смирнов, В.В. Субочев, Р.Г. Халиуллин, Е.Г. Хоменко, В.М. Шкварок и др.⁶

правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Выпуск 2 (28). С. 8-18; Степашин С.В. Безопасность человека и общества: политико-правовые вопросы. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт, 1994. 239 с.; Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1994. 246 с.; Степашин С.В., Шульц В.Л. Вопросы безопасности в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации: учебник для вузов по направлению «Менеджмент» специальности «Государственное и муниципальное управление». СПб., ИПЦ СПбГУ, 1994. 505 с.; Удычак Ф.Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 174 с.; Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. М., Формула права, 2008. 272 с.; Шободоева А.В. Основы теории национальной безопасности. Курс лекций. Иркутск, Изд-во БГУ. 2018. 228 с.

⁶ См.: Бажина М.А. Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // Транспортное право. 2023. № 1. С. 6 – 14; Гасумянов В.И. Корпоративная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретические аспекты // Власть. 2018. № 1. С. 7-21; Горбунова Я.П. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности России в области культуры: проблемы теории и практики // Административное право и процесс. 2022. № 9. С. 63 – 67; Дугенец А.С., Павлова Л.В. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 22 – 25; Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 199 с.; Зозуля А.А., Немченко С.Б. Государственная безопасность как понятие в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 34-41; Краснова К.А., Сибатуллина Э.Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3. С. 6–9; Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023. 412 с.; Латыпов В.С. Уголовно-процессуальное законодательство современной России в обеспечении национальной безопасности страны // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 96–107; Малиновский А.А. Злоупотребление правом как юридический феномен. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. 404 с.; Мохов А.А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. № 6. С. 62 – 67; Нудель С.Л., Горенская Е.В. Уголовная политика в области обеспечения энергетической безопасности // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 101 – 114; Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства. Монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]. Под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2024. 423 с.; Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 7 – 15; Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 47 с.; Сабаева С.В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 30 – 34; Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13-21; Субочев В.В., Куликов М.А.

Тем не менее, в обозначенных работах изучение юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации осуществляется лишь применительно к конкретному направлению деятельности органов государственной власти, к защите определенного вида национальных интересов, обеспечения безопасности какой-либо из сфер общественных отношений, либо в контексте критического анализа отдельных нормативно-правовых или правореализационных актов.

Вместе с тем, полагаем востребованным исследование национальной безопасности посредством анализа системы юридических средств, в котором основное внимание должно быть сфокусировано на правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средствах, позволяющих через призму правового инструментализма изучить как сложившуюся юридическую практику в рассматриваемой области, так и наметить пути ее дальнейшего развития и оптимизации.

В отмеченной связи значительный интерес представляют труды ученых, фокусирующих свое внимание как на природе и сущности юридических средств, так и на их оптимальном использовании в механизме правового регулирования (С.С. Алексеев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Завадская, А.А. Зелепукин, В.Б. Исаков, В.П. Казимирчук, Д.А. Керимов, Н.М. Конин, А.П. Коробова, Е.Г. Лукьянова, А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.В. Оксамытный, Т.Н. Радько, В.А. Сапун, В.М. Сырых, В.В. Трофимов, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, К.В. Шундилов, А.И. Экимов, Л.С. Явич и др.).

Характер вызовов и угроз современной России обуславливает особое внимание к весьма актуальным работам, рассматривающим специфику использования юридических средств в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в создании механизма охраны и защиты информационных, идеологических и

Манипулирование юридическими целями и средствами: основы теории // Право и управление. XXI век. 2023. № 4 (69). С. 41-53; Халиуллин Р.Г. Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 231 с.; Шкварок В.М. Теоретические основы и классификация угроз экономической безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 198 с.

цивилизационных основ российской государственности (С. Бенхабиб, Н.С. Волкова, В.В. Денисенко, В.Д. Зорькин, И.Б. Кардашова, К.Д. Корякин, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, В.С. Нерсесянц, А.А. Сергеев, В.В. Субочев, И.А. Умнова-Конюхова, Т.Я. Хабриева, О.И. Цыбулевская и др.⁷).

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения в сфере правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Предметом диссертационного исследования выступают правотворческие, правоприменительные, правоинтерпретационные и иные юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, специфика их создания и использования в юридической практике, отражения в правовой доктрине, а также пути и способы повышения их эффективности в сложившихся геополитических реалиях.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении новых научных знаний об общественных отношениях в сфере правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации путем комплексного общетеоретического анализа юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и путей повышения их эффективности в сложившихся геополитических условиях.

Обозначенная цель диссертационного исследования предопределила необходимость решения следующих **задач**:

- исследовать сущность такой многоаспектной категории, как национальная безопасность, и выявить ее элементы;

⁷ См.: Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос, 2003. 289 с.; Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М., Проспект, 2022. 240 с.; Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. 154 с.; Кардашова И.Б. Национальные ценности в предмете административного права // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 8 – 12; Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 294 с.; Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., Норма, 2009. 550 с.; Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сборник статей. М., 2000. С. 6 – 10; Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Pro et Contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 30-37; Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403-414; Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Матузова Н. И. Саратов, Саратов. Гос. Акад. Права, 2004. 219 с.

- раскрыть содержание и особенности правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации как предельно широкого объекта правового регулирования;

- осуществить анализ природы и содержания юридических средств, а также предложить их классификацию;

- провести исследование сущности, значения и потенциала правотворческих, правоприменительных, правоинтерпретационных и иных юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

- выявить и обосновать критерии эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

- изучить значение и раскрыть потенциал международного сотрудничества и участия Российской Федерации в интеграционных процессах как способа повышения эффективности юридических средств обеспечения ее национальной безопасности;

- разработать авторскую концепцию оптимизации использования юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Методология и методы исследования. Комплексный и многоаспектный характер объекта диссертационного исследования, его цель и задачи, обусловили активное использование как общенаучных, так и частнонаучных методов познания.

Важнейшим методом исследования выступила материалистическая диалектика, которая позволила проанализировать правовое обеспечение национальной безопасности через призму правовой охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации, обосновать дуалистическую природу юридических средств как средств-установлений (институциональных образований) и средств (деяний), а также выявить потенциал и особенности правотворческих, правоприменительных, правоинтерпретационных и иных юридических

средств обеспечения национальной безопасности, которые специфично проявляют свои свойства и динамично развиваются в правовой жизни современного российского общества.

Использование формально-юридического метода позволило сформулировать ряд авторских определений (правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного средства обеспечения национальной безопасности, оптимизации использования юридических средств обеспечения национальной безопасности), обозначить критерии эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности.

Сравнительно-правовой метод исследования позволил не только изучить и сопоставить доктрины и стратегии обеспечения национальной безопасности различных государств, но и проанализировать потенциал правотворческих, правоприменительных, правоинтерпретационных и иных юридических средств в процессе охраны, защиты и создания условий для гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации.

Изменчивость геополитической ситуации, а также масштабность вызовов и угроз, с которыми столкнулась Россия, обусловили необходимость активного использования метода правового моделирования в попытках как предвидеть возможные направления повышения эффективности использования юридических средств обеспечения национальной безопасности, так и оценки их потенциала в содействии реализации национальных интересов государства.

В силу того, что эффективное правовое обеспечение национальной безопасности возможно лишь посредством слаженно работающей системы соответствующих юридических средств, в диссертационной работе особое внимание уделялось системному и структурно-функциональным методам, позволившим обосновать взаимозависимость различных по своей природе

юридических средств, а также выявить ключевые признаки и характеристики их системного функционирования в процессе обеспечения гарантированной реализации национальных интересов государства.

Так как реализация национальных интересов Российской Федерации и достижение ее стратегических приоритетов охватывает практически все сферы современного российского общества, и не ограничивается лишь его правовой жизнью, в работе применялись социолого-правовые, политико-правовые, лингвоюридические и другие частнонаучные методы, позволившие систематизировать и рассмотреть различные стратегии и способы обеспечения национальной безопасности государства в контексте их правового регулирования.

Нормативную базу исследования составили нормы Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов, подзаконных нормативно-правовых актов, особенно Указов Президента Российской Федерации и Постановлений Правительства Российской Федерации, регулирующих сферу национальной безопасности, а также нормы международных правовых актов, положения законодательства и документы стратегического планирования ряда зарубежных стран, касающихся вопросов национальной безопасности. При проведении исследования использовались теоретико-правовые позиции, изложенные в актах Конституционного Суда Российской Федерации.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили труды как представителей общей теории права и государства, так и отраслевых юридических наук.

Особую значимость при проведении диссертационного исследования представляли работы, раскрывающие сущность инструментальной теории права, механизма правового регулирования, юридических средств, различных аспектов правового воздействия на общественные отношения. Также автор опирался на труды ученых, затрагивающих проблематику правового обеспечения и обеспечительных правовых режимов, соотношения правовой

охраны и защиты. В диссертационном исследовании использовались и работы ученых-юристов, изучающих вопросы укрепления и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как важнейшей основы национальной безопасности государства, специфику российской правовой доктрины и цивилизационной самобытности ее правовой системы.

Среди обозначенных исследований можно выделить труды таких известных ученых, как С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, М.И. Байтин, В.М. Баранов, А.М. Васильев, Н.В. Витрук, Н.Н. Вопленко, Р.Е. Гукасян, В.В. Денисенко, И.Я. Дюрягин, В.Д. Зорькин, В.Б. Исаков, В.П. Казимирчук, В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лазарев, Н.С. Малеин, А.А. Малиновский, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, Л.А. Морозова, В.С. Нерсесянц, С.В. Поленина, Б.И. Пугинский, В.В. Субочев, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, В.В. Трофимов, С.Ю. Филиппова, Т.Я. Хабриева, О.И. Цыбулевская, Д.М. Чечот, Н.А. Шайкенов, А.И. Экимов, Л.С. Явич и др.

Эмпирическую основу диссертационного исследования представляют правоприменительные акты Верховного Суда РФ, арбитражных судов, судов общей юрисдикции.

Изучая отдельные аспекты реализации национальных интересов, автор анализировал публицистические статьи, а также выступления высших должностных лиц Российской Федерации, позволяющие глубже вникнуть в специфику предмета исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем обеспечение национальной безопасности Российской Федерации впервые проанализировано через призму системы правотворческих, правоприменительных правоинтерпретационных и иных юридических средств, позволяющих выявить специфику охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов государства на основе правового инструментализма и реально складывающейся юридической практики.

Помимо этого, научная новизна работы заключается в следующем:

1. проведено разграничение элементов национальной безопасности Российской Федерации и отдельных видов личной, общественной и государственной безопасности, а также осуществлен анализ их правовых основ;
2. предложено авторское видение сущности и содержания правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;
3. исследованы природа, содержание, специфика и потенциал правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности в их системном взаимодействии и взаимообусловленности;
4. разработаны критерии эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и предложены способы ее повышения;
5. обоснована авторская концепция оптимизации использования юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ использования термина «национальная безопасность» в нормативно-правовых актах Российской Федерации свидетельствует о том, что официальная интерпретация национальной безопасности трансформировалась от достаточно традиционного ее понимания как состояния защищенности интересов личности, общества и государства к *состоянию защищенности* национальных интересов, под которыми, в свою очередь, понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

В силу этого автором предлагается понимание национальной безопасности как *защищенности* национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при которой обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и

уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, суверенитет, государственная целостность и сбалансированное развитие Российской Федерации.

2. Систему национальной безопасности Российской Федерации образуют три базовых элемента:

1. *национальные интересы;*
2. *стратегические национальные приоритеты;*
3. тесно связанные и предопределенные как национальными интересами, так и стратегическими национальными приоритетами *виды безопасности*, прямо закрепленные или вытекающие из смысла действующего законодательства.

Национальные интересы, национальные приоритеты и каждый из видов безопасности также представляют собой систему различных элементов, что позволяет судить о национальной безопасности как о сложной системе, состоящей из множества подсистем.

3. Правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации определяется как создание и использование системы юридических средств, направленных на *охрану, защиту и гарантированную реализацию* ее национальных интересов.

Правовое обеспечение национальной безопасности государства является одной из важнейших форм *юридификации* современного общества.

4. *Правотворческие средства* обеспечения национальной безопасности автор определяет двояко: как деятельность компетентных субъектов по созданию юридических норм, равно как и сами юридические нормы и содержащиеся в них институциональные установления (инструменты), направленные на охрану, защиту и гарантированную реализацию национальных интересов Российской Федерации, а также содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

5. *Правоприменительное средство* обеспечения национальной безопасности Российской Федерации определяется как осуществляемая в процедурно-процессуальной форме деятельность уполномоченных субъектов, направленная на регулирование правоотношений посредством вынесения индивидуально-определенных правоприменительных актов, так и сами акты применения права, являющиеся результатом данной деятельности, направленные на охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации, а также содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

6. *Правоинтерпретационные средства* обеспечения национальной безопасности Российской Федерации определяются как деятельность, направленная на уяснение и разъяснение смысла нормативно-правовых предписаний, а также акты официального и неофициального толкования права, имеющие своей целью охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации, содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

7. *Критерии эффективности* юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются комплексными и интегративными показателями оценки достижения целей, связанных с реализацией национальных интересов Российской Федерации, а также соответствия данных средств традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества и их направленности на достижение долговременного позитивного общесоциального эффекта.

Предлагается выделять следующие *критерии эффективности* юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации:

- защищенность национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз;
- укрепление и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

- максимально возможная реализация субъективных прав и законных интересов субъектов права;

- легитимность и социальная востребованность используемых юридических средств;

- укрепление позиций Российской Федерации в формировании справедливого многополярного мира, развитие взаимовыгодного и равноправного сотрудничества России с иностранными государствами, усиление ее влияния в мировой экономике, в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве.

8. Сложившаяся геополитическая обстановка убедительно свидетельствует о том, что именно *международное сотрудничество* и участие Российской Федерации в различных *интеграционных процессах* во многом определяют не только влияние государства на международной арене, но и защищенность его стратегических интересов, а также устойчивость перед лицом различных вызовов и угроз.

Международное сотрудничество и участие России в интеграционных процессах выполняет *стимулирующую, охранительную, информационную и контрольную функции* в отношении юридических средств обеспечения национальной безопасности, а также позволяет повысить их эффективность благодаря использованию положительного опыта иностранных правопорядков.

9. Эффективность юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и их оптимизация – взаимозависимые, но не тождественные понятия.

Оптимизация юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представляет собой процесс создания эффективно функционирующей их *системы*, в которой правотворческие, правореализационные, правоинтерпретационные и иные юридические средства обеспечивают максимально полную реализацию национальных интересов Российской Федерации.

Целью оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является повышение уровня национальной безопасности государства до максимально возможного, исходя из геополитической обстановки, а также социально-экономического, информационного-технологического и иного потенциала государства.

К *способам* оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации следует относить:

- построение эффективной *системы* соответствующих юридических средств и обеспечение слаженного взаимодействия всех ее звеньев;

- усиление взаимодействия органов публичной власти и институтов *гражданского общества*;

- опора на *традиционные российские духовно-нравственные ценности* в процессе как создания, так и использования юридических средств обеспечения национальной безопасности;

- использование *неюридических* по своему содержанию средств в обеспечении эффективности правотворческих, правореализационных, правоинтерпретационных и иных юридических средств обеспечения национальной безопасности;

- повышение уровня *правового сознания и правовой культуры* в обществе;

- активизацию *международного сотрудничества* и участия Российской Федерации в интеграционных процессах и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в представленной работе обосновывается авторская концепция системы юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и предлагаются пути и механизмы повышения ее эффективности.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации рассматривается через призму правового инструментализма, что является научной новизной в рамках развития теории юридических средств.

Таким образом, сформулированные в работе выводы позволяют более глубоко исследовать роль правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного процессов в правовой жизни современного российского общества.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации исследуются в контексте *актуальных* вызовов и угроз как суверенитету и цивилизационной идентичности российского государства, так и реализации его ключевых национальных интересов. Изложенные в работе предложения и рекомендации могут быть использованы в дальнейшем совершенствовании правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного процессов, а также в правовом регулировании деятельности по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Результаты диссертационного исследования могут также использоваться в процессе преподавания таких учебных дисциплин, как теория государства и права, философия права, основы российской государственности и ряда других отраслевых юридических дисциплин.

Достоверность результатов исследования сформулированных соискателем научных положений и выводов, использованием широкого круга источников. Автором изучен крупный массив научных трудов, а также законодательных актов и материалов правоприменительной практики, включая более 300 источников, в число которых вошли свыше 50 нормативных правовых актов Российской Федерации, различные международные правовые акты и правовых акты зарубежных государств, более 60 монографий и изданий специальной литературы, свыше 120 научных статей, 27 авторефератов и рукописей диссертаций.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные выводы диссертационного исследования отражены в научных публикациях автора, общий объем которых превышает 4,5 п.л., в числе которых статьи в

научных журналах, включенных ВАК при Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, а также статьи в прочих научных изданиях.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе участия автора в международных, всероссийских и региональных научных конференциях, круглых столах, методологических семинарах, в числе которых: Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы» (г. Москва, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 8 января 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «XXVIII Державинские чтения» (г. Москва, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 21 ноября 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы» (г. Санкт-Петербург, ФГКВУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации», 26 марта 2025 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества в современной России: пути оптимизации» (г. Саратов, Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 27 марта 2025 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Государственно-правовая жизнь и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (г. Саратов, Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 10 апреля 2025 г.).

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ⁸

1.1. Понятие и сущность национальной безопасности Российской Федерации

Беспрецедентные по своему масштабу вызовы и угрозы, с которыми в настоящее время сталкивается Россия, многократно повышают значимость и злободневность вопросов, связанных с обеспечением ее национальной безопасности. Более того, как российская, так и зарубежная юридическая доктрина во многом именно с национальной безопасностью и ее эффективным обеспечением связывает стабильное развитие государства и укрепление его ключевых институтов, равно как и гармоничное сосуществование личных и общественных интересов.

В отмеченной связи представляется весьма актуальным и своевременным исследовать понятие и сущность такого многоаспектного термина, как «национальная безопасность». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что данное исследование является далеко не простым как с онтологической, так и методологической точек зрения по следующим причинам.

Во-первых, термин «национальная безопасность» получил весьма широкое освещение в научной литературе и достаточно *по-разному* трактуется учеными, его исследующими. Более того, актуальность обеспечения национальной безопасности в современных геополитических реалиях обусловила появление целого ряда учебных дисциплин, связанных с теми или иными ее аспектами, что, в свою очередь, вызвало появление значительного

⁸ Основные научные результаты, изложенные в данной главе, нашли отражение в следующих публикациях диссертанта: Маркус С.А. Элементы национальной безопасности Российской Федерации и их правовые основы: дискуссионные аспекты // Философия права. 2024. № 1 (108). С. 33-40; Маркус С.А. Национальная безопасность Российской Федерации как комплексная категория и объект правового исследования // Правовая культура. 2024. № 2 (57). С. 43-52; Маркус С.А. Содержание и особенности правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Юрист-Правоведь. 2024. № 3 (110). С. 24-32.

количества интересных и содержательных учебных и учебно-методических разработок по изучаемой проблематике⁹, которые также не могут «похвастаться» единством трактовок и интерпретаций изучаемой категории.

Во-вторых, данный термин достаточно давно употребляется в несколько различных контекстах как в российских, так и зарубежных нормативно-правовых актах и иных официальных документах, что также не может не приниматься во внимание при проведении *научного* анализа сущности национальной безопасности, ведь юридическая доктрина и юридическая практика – два взаимосвязанных и взаимозависимых элемента правовой системы, которые не могут быть полностью самодостаточными и изолированными друг от друга.

В-третьих, содержание национальной безопасности, ее элементный состав и разновидности, также интерпретируются весьма субъективно представителями общей теории права и отраслевых юридических наук, что требует разработки целостной и непротиворечивой авторской концепции понятия и сущности национальной безопасности, которая и может быть в дальнейшем положена в основу оптимизации юридических ее обеспечения.

Не ставя своей целью в рамках данного анализа исследование генезиса таких понятий как «безопасность», «государственная безопасность», «общественная безопасность» и «безопасность личности»¹⁰, которые,

⁹ См., например: Общая теория национальной безопасности. Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2. М., Изд-во РАГС, 2005. 344 с.; Савицкий А.Г. Национальная безопасность. Россия в мире. Учебник для студентов вузов. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 463 с.; Шободоева А.В. Основы теории национальной безопасности. Курс лекций. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. 228 с.; Основы национальной безопасности. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / Н.Д. Эриашвили, Е.Н. Хазов, Л.Т. Чихладзе и др. М., ЮНИТИ, 2018. 335 с.; Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности. Учебник для вузов. 3-е изд. М., Юрайт, 2023. 334 с. и др.

¹⁰ Подробнее см.: Беляев В.П., Беляева Г.С., Чапчиков С.Ю. Эволюция понятия национальной безопасности (историко-правовой срез) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. № 3 (32). С. 45-53; Халлиулин Р.Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 33-38; Босхамджиева Н.А. Историческое развитие феномена национальной безопасности // Безопасность бизнеса. 2009. № 4. С. 36-39; Колокольцев В.А. Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 248 с.; Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства. Монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]. Под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва., ИНФРА-М, 2024. 423 с.; Степашин С.В., Шульц В.Л. Вопросы безопасности в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации: учебник для вузов по направлению

безусловно, повлияли на само возникновение и содержание термина «национальная безопасность», остановимся сугубо на аспектах, непосредственно связанных со становлением национальной безопасности как термина и, одновременно, важнейшей правовой категории.

В отмеченной связи следует отметить, что проблема безопасности человека возникла с появлением самого человеческого общества и стала предметом пристального анализа философов с древнейших времен. Естественно, что на заре человеческой цивилизации понятие безопасности трактовалось лишь как отсутствие непосредственной угрозы для жизни человека и только в трудах Платона и Аристотеля стало использоваться по отношению к *обществу и государству*.

Так, Платон делал акцент как на защите государства от *внешних* врагов, так и на необходимости ограничения возможностей для самих граждан *внутри* государства «творить зло»¹¹, таким образом, выделяя, по сути, внешний и внутренний аспект безопасности общества и государства (хотя данные социальные институты им же во многом отождествлялись).

Аристотель обращался к понятию безопасности общества в контексте «неправильного государственного устройства», которое способно представлять угрозу не только отдельной личности, но и самому обществу и государству¹², что позволяет говорить о том, что еще во времена античности проводилось определенное *разграничение* между безопасностью личности, общества и самого государства.

Очевидно, что проблема сосуществования интересов личности, общества и государства была актуальна всегда, но наиболее активно она стала изучаться в Средние века. Так, о «внутреннем мире» и обеспечении безопасности граждан в условиях войны «всех против всех» писал Т. Гоббс,

«Менеджмент» специальности «Государственное и муниципальное управление». СПб., ИПЦ СПбГТУ, 1994. 505 с.; Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. М., Формула права, 2008. 272 с. и др.

¹¹ См.: Платон. Государство. // Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., Мысль, 1994. С. 160-162.

¹² См.: Аристотель. Политика. // Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., Мысль, 1984. С. 420-424.

подчеркивая, что «цель государства – главным образом обеспечение безопасности»¹³. Нравственным ценностям, религии и иным духовными основам общества как залого безопасного сосуществования интересов личности, общества и государства, не приводящего к разрушительным последствиям и катаклизмам, в своих работах уделяли внимание Б. Спиноза¹⁴, Д. Локк¹⁵, Н. Макиавелли¹⁶ и другие известные ученые.

В Новое время о сущности внутренней и внешней безопасности государства писал И. Кант¹⁷, а об устойчивости государства перед внешними и внутренними угрозами размышлял Г. Гегель¹⁸.

Различные аспекты безопасности государства с точки зрения его способности противостоять внешним вызовам и внутренним угрозам, обеспечивая при этом упомянутое гармоничное сосуществование интересов личности, общества и государства, исследовались в трудах таких видных русских ученых, как Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, А.П. Куницын, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Н.М. Карамзин, Л.Н. Гумилев, И.Е. Андреевский и др.¹⁹

Вместе с тем, непосредственно сам термин «национальная безопасность» стал предметом научного анализа несколько позже, что объясняется развитием *не столько юридической доктрины, сколько юридической практики.*

¹³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., Мысль, 2001. С. 66.

¹⁴ Спиноза Б. Политический трактат. Электронный ресурс // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Spinoza_P_tr.pdf (дата обращения: 30.04.24 г.).

¹⁵ Локк Д. Два трактата о правлении // Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., Мысль, 1988. С. 160-164.

¹⁶ См.: Макиавелли Н. Государь. М., Планета, 1990. С. 24-30.

¹⁷ Кант И. К вечному миру // Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., Мысль, 1966. С. 270-274.

¹⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права // Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. М., Мысль, 1977. С. 85-90; Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид - Гегель - Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. Москва, Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с.

¹⁹ Подробнее см.: Беляев В.П., Беляева Г.С., Чапчиков С.Ю. Указ. соч. С. 47-49; Кардашова И.Б. Указ. соч. С. 17-19; Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность. Монография. / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]. Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2025. С. 11-82.

Анализ генезиса использования таких категорий как «безопасность», «государственная безопасность», и «национальная безопасность» в законодательстве и история исследования этих категорий в юридической доктрине позволяет сделать вывод о том, что в данном случае юридическая практика «идет впереди» юридической науки, задавая последний вектор в отношении методологии изучения как национальной безопасности и ее элементов, так и иных видов безопасности.

Многие историки права отмечают, что понятие «государственная безопасность» сформировалось в русской научной литературе к середине 19 в. под влиянием Наполеоновских войн, когда безопасность стала трактоваться как мирное сосуществование суверенных государств, которое во многом и должно обеспечиваться силой *самого государства*. Т.е. в научных исследованиях стала доминировать точка зрения, что сфера безопасности – это монополия государства²⁰.

Так, термины «государственный порядок» и «общественная безопасность» стали активно употребляться в российском законодательстве, начиная с издания в 1881 г. «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»²¹, который представлял собой своеобразный ответ на убийство Александра II.

В научной литературе сложился разделяемый многими специалистами подход к *периодизации* научных исследований, связанных с государственной и общественной безопасностью нашего государства в послереволюционный период.

Анализ работ И.Б. Кардашовой, В.П. Беляева, Г.С. Беляевой, С.Ю. Чапчикова, С.Н. Гриняева, П.Л. Мареева, Д.А. Медведева, А.А. Прохожева и других специалистов позволяет заключить, что в т.н. *первый* этап (продолжавшийся с 1917 г. до 1930-х гг.) проблемы государственной

²⁰ См.: Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. М., АНО ЦСОиП, 2021. С. 15.

²¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1. СПб., 1885. С. 262–264.

безопасности рассматривались с точки зрения необходимости защиты как от внешних, так и от *внутренних* угроз молодому советскому государству, которые могли исходить, в том числе и со стороны контрреволюционных сил.

Второй этап (с 1936 г. до середины 1980 гг.) был предопределен спецификой существования государства, в котором было завершено «построение социализма» и в котором обеспечение государственной безопасности стало исключительно прерогативой компетентных органов, а освещение ее различных аспектов в научной литературе осуществлялось через призму вызовов и угроз антисоветской деятельности, которая координировалась во многом иностранными спецслужбами. Именно в этот период термин «государственная безопасность» стал использоваться в качестве устоявшейся и достаточно емкой категории, в которой, тем не менее, практически не было места интересам личности и общества в качестве ее неотъемлемой составляющей.

Третий этап, солидаризируясь с позицией упомянутых ученых, можно связать с периодом перестройки (1985-1990-е гг.), когда категория «государственная безопасность» претерпела существенную трансформацию и стала интерпретироваться через призму «нового политического мышления»²², которое делало акцент не только на безопасности России как отдельного суверенного государства, но и на системе международной безопасности с явно выраженным акцентом на общечеловеческих ценностях²³.

Изложенное позволяет сделать *вывод* о том, что использование термина «безопасность» в различных его интерпретациях как в законодательстве, так и в научных исследованиях (в различные исторические периоды) затрагивало следующие с ней связанные *аспекты*:

- защиту государства от *внешних* и *внутренних* угроз;

²² См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 1988. 281 с.

²³ См.: Кардашова И.Б. Указ. соч. С. 18-20; Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Указ. соч. С. 16-18; Беляев В.П., Беляева Г.С., Чапчиков С.Ю. Указ. соч. С. 47-49; Общая теория национальной безопасности. ... С. 15.

- пропаганду и *идеологическую* работу, направленную на подавление «инакомыслия» и формирование в обществе соответствующих ценностей и установок;

- обеспечение определенного, требуемого временем (соответствующей эпохой) баланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства как основы сильного, дееспособного государства, способного эффективно влиять на социальные процессы²⁴;

- необходимость правильного построения и оптимизации международных отношений, позволяющих не только обезопасить собственные границы, но и создать эффективные объединения, учитывающие схожие национальные интересы государств.

Непосредственно же сам термин «национальные интересы» впервые был озвучен Т. Рузвельтом в послании к Конгрессу США в 1904 г., когда он пытался оправдать установление жесткого контроля над зоной Панамского канала ничем иным, как интересами «национальной безопасности» США²⁵. Как справедливо подчеркивается в литературе, уже в начале XX века национальная безопасность США тесно связывалась с ее экономическими интересами и рассматривалась в том числе как обеспечение ее *доминирования* и выживаемости в условиях нестабильности мировых экономических процессов²⁶.

В 1947 г. в США был принят закон «О национальной безопасности» (National Security Act of 1947²⁷), в котором предусматривалось создание Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления в

²⁴ См.: Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125-135.

²⁵ Подробнее см.: Халиуллин Р.Г. Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 23; Кардашова И.Б. Национальные ценности в предмете административного права // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 8-12.

²⁶ См.: Хоменко Е.Г. Национальная платежная система как гарантия суверенитета и экономической безопасности России // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 10 – 16; Шкварок В.М. Теоретические основы и классификация угроз экономической безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 44.

²⁷ См.: National Security Act of 1947 // URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/national-security-act> (дата обращения: 30.04.24 г.).

целях укрепления «национальной безопасности» (“to promote the national security”) без каких-либо трактовок того, что именно понимается под национальной безопасностью. Однако, исходя из сути данного закона очевидно, что речь идет об укреплении военных и разведывательных позиций США в целях гарантии их национальных интересов и государственной безопасности. Полагаем, что в данном законе термин «национальная безопасность» используется синонимично *государственной безопасности*.

Безусловно, с течением времени понимание термина национальная безопасность существенно *расширилось*. Так, Стратегия национальной безопасности США 2002 г. делает акцент на том, что США могут первыми применять военную силу в целях предупреждения и упреждения «враждебных действий» других стран и даже для того, чтобы устранить потенциальные угрозы прежде, чем они сформируются²⁸.

В Стратегии национальной безопасности США 2010 г. подчеркивается, что США принадлежит ведущая роль в поддержании мирового порядка и они будут продолжать активно распространять свои ценности по всему миру²⁹, а Стратегия национальной безопасности США от 2017 г. исходит из ключевых приоритетов внешней политики Д. Трампа, заключающихся в защите «американского образа жизни», «распространении американского влияния», «укрепления мира при помощи силы» и др., которые весьма существенно *расширяют перечень вопросов*, относимых к национальной безопасности США³⁰. В Стратегии национальной безопасности от 2022 г. США прямо называют Россию и Китай своими противниками и к вызовам своей национальной безопасности относят *чрезвычайно широкий круг вопросов*:

²⁸ См.: The National Security Strategy of the USA. September 2002. // URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 30.04.24 г.).

²⁹ См.: The National Security Strategy of the USA. May 2010. // URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 30.04.24 г.).

³⁰ См.: The National Security Strategy of the USA. December. 2017. // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 30.04.24 г.).

обороноспособность государства, изменение климата, развитие здравоохранения, миграционные процессы и т.д.³¹

Подобная практика отнесения весьма широкого круга проблем и вопросов к национальной безопасности характерна для различных государств мира³².

Таким образом, изложенные этапы эволюции понимания безопасности позволяют прийти к следующим *выводам*.

Если на заре возникновения государственности безопасность как личности, так и самого общества в целом еще понималась с акцентом на отсутствие каких-либо угроз существованию отдельного человека и его способность реализовать определенные интересы, то процесс укрепления институтов государственности был напрямую связан с принципиальным изменением подходов к определению безопасности.

Безопасность стала трактоваться через призму сосуществования интересов личности, общества и государства, причем с определяющей ролью государства как своеобразного гаранта данной безопасности. Постепенно термин «безопасность» стал активно употребляться и в законодательстве именно в контексте *государственной безопасности*, которая, тем не менее, выступала широкой категорией, подразумевающей баланс в обеспечении гармоничного сосуществования упомянутой триады интересов.

Развитие государственности, необходимость повышения эффективности государственного управления, равно как и усложнение международной повестки, возникновение новых вызовов и угроз интересам государств, привели к еще большей многоаспектности термина «государственная безопасность», наряду с которым стал употребляться более емкий и «благозвучный» термин «национальная безопасность», позволяющий

³¹ См.: The National Security Strategy of the USA. October. 2022. // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 30.04.24 г.).

³² См.: The Spanish Security Strategy // URL: file:///C:/Users/User/Downloads/EES_eng.pdf (дата обращения: 4.12.2023г.); A National Security Strategy for Sweden: Balancing Risks and Opportunities in the 21st Century // URL: https://archive.org/details/DTIC_AD1018366 (дата обращения: 30.04.24 г.).

сместить акцент с явного приоритета государственных интересов на интересы всех граждан, всего многонационального общества, проживающего на территории отдельно взятого государства, тем не менее, не умаляя позиции *государства* как гаранта надежной охраны и защиты интересов остальных участников триады – общества и личности.

Сравнительно-правовой анализ как упомянутых выше, так и иных нормативно-правовых, правоприменительных, правоинтерпретационных актов и юридической доктрин различных государств³³ позволяет прийти к выводу, что в настоящее время термин «национальная безопасность» стал общеупотребительным и практически вытеснил из правотворческой и правоприменительной юридической техники термин «государственная безопасность», который стал употребляться лишь в контексте указания на определенный подвид (элемент) национальной безопасности.

Вместе с тем, нельзя не заострить внимание и на том, что зачастую многоаспектность термина «национальная безопасность» используется в процессе государственного управления для *оправдания* определенной внутренней или внешней политики государства, отдельных непопулярных решений или избранной стратегии решения конкретных проблем, как это было нами проиллюстрировано на примере целого ряда стратегий национальной безопасности США.

В России одним из первых законов, в котором в исследуемом нами контексте термин «безопасность» получил официальное закрепление является Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности», в котором под безопасностью понимается «*состояние защищенности* (выделено нами: М.С.) жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», а жизненно важные интересы, в свою очередь, трактуются

³³ См., например: Buzan B., *People, State and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Chapel Hill, 1983; Snider D.S. *The National Security Strategy: Documenting Strategic Vision* // Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. Carlisle Barracks, March 15, 1995. 20 p.; *Integrated security for Germany. National Security Strategy*. 2022. // URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-Executive-Summary-EN.pdf> (дата обращения: 30.04.24 г.).

как «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства»³⁴.

Вновь очевиден тот факт, что интересы личности, общества и государства являются ключевым приоритетом в обеспечении безопасности государства³⁵ и именно их защищенность от внутренних и внешних угроз и выступает ее сущностной основой.

В целом, несмотря на ряд критических замечаний, высказанных в адрес формулировок данного закона³⁶, приведенное определение представляется на момент принятия закона вполне приемлемым. Не вполне проработанным, по нашему мнению, выглядит лишь определение жизненно важных интересов, которые трактуются как «совокупность потребностей». Достаточно очевидно, что интерес и потребность – не одно и то же, и совокупность каких-либо потребностей, даже очень важных с точки зрения прогрессивного развития личности, в интересы их автоматически не превращает³⁷.

Непосредственно сам термин «национальная безопасность» был впервые использован в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 № 24-ФЗ, где законодатель в качестве основных направлений государственной политики в сфере информатизации обозначил «обеспечение национальной безопасности в сфере информатизации»³⁸.

³⁴ См.: Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 769.

³⁵ См.: Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. СПб., Фонд «Университет», 1999. С. 41-45; Удычак Ф.Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 12-16; Эбзеев Б.С. Государство как образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире и согласии / Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста). Монография / отв. ред. Е. А. Фролова. Москва, Проспект, 2025. С. 28-43 и др.

³⁶ См.: Общая теория национальной безопасности. ... С. 14-17 и др.

³⁷ См.: Субочев В.В. Интерес и право: анализ взаимосвязи // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3. С. 59-63.

³⁸ См.: Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 20.02.1995. № 8. Ст. 609.

Несколько позже данная Законом РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» дефиниция безопасности с небольшими изменениями была использована в Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию от 13 июня 1996 г. В отмеченном документе национальная безопасность понималась как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства³⁹.

Одним из важнейших действующих нормативно-правовых актов, определяющих основы национальной безопасности России, является Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, который регламентирует деятельность по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности и *иных* видов безопасности. Так, в ст. 1 этого ФЗ установлено, что перечисленные термины далее будут употребляться как «безопасность» и «национальная безопасность», не давая конкретных определений используемым понятиям и, в определенном смысле, отождествляя их⁴⁰.

Наиболее детально и глубоко смысл и содержание анализируемого понятия раскрыт в концепциях и стратегиях национальной безопасности, которые принимались в нашей стране, начиная с 1997 года.

Так, если в первоначальной версии Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17.12.1997 г. № 1300 самой национальной безопасности определение не было дано⁴¹, то в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ в редакции от 10 января 2000 г. № 24 под национальной безопасностью Российской Федерации стала

³⁹ См.: Послание Президента Российской Федерации по национальной безопасности Федеральному Собранию. М., 1996. С. 8.

⁴⁰ См.: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 2.

⁴¹ См.: Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.12.1997. № 52. Ст. 5909.

пониматься безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации⁴².

На смену концепциям национальной безопасности пришли стратегии национальной безопасности, первая из которых была утверждена Указом Президента РФ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г. №537⁴³. В данном документе национальная безопасность понималась как *«состояние защищенности личности, общества и государства (выделено нами: М.С.) от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»*⁴⁴.

В действующей же Стратегии национальной безопасности⁴⁵ понимание ключевых терминов претерпело определенные изменения. Так, в настоящее время под национальной безопасностью официально понимается *«состояние защищенности национальных интересов (выделено нами: М.С.) Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»*⁴⁶.

Таким образом, официальная интерпретация национальной безопасности трансформировалась от достаточно традиционного ее понимания как состояния защищенности интересов личности, общества и

⁴² См.: Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.01.2000. № 2. Ст. 170.

⁴³ См.: Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2444.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁴⁶ Там же.

государства к состоянию защищенности *национальных интересов*, под которыми, в свою очередь, понимаются объективно значимые *потребности* личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии⁴⁷.

Следует отметить, что значительное количество научных трактовок термина «национальная безопасность» могут быть, все же, сведены к нескольким общим знаменателям.

Так, большинство ученых трактуют национальную безопасность в той или иной формулировке исходя из методологического посыла о том, что она представляет собой «*состояние защищенности*». Это может быть соответствующее *состояние* страны⁴⁸, качественное и количественное *состояние* российского общества, государства и его граждан⁴⁹, *состояние* защищенности жизненно важных *интересов* личности, общества и государства⁵⁰, *состояние* защищенности непосредственно личности, общества и государства⁵¹, *состояние* нормального функционирования и развития национальной политико-правовой системы⁵² и т.д.

Вместе с тем, встречаются и весьма обоснованные позиции отдельных ученых, которые достаточно критично настроены к определению национальной безопасности как к определенному *состоянию* защищенности (интересов личности, общества, государства и иных объектов). Так, ряд авторов полагает, что национальная безопасность – это не состояние, а именно

⁴⁷ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁴⁸ См.: Булавин В.И. Национальная безопасность современной России. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Нижний Новгород, 1999. С. 8; Колокольцев В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005. С. 21.

⁴⁹ См.: Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и международные конфликты: Теоретико-правовой анализ. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. С. 15.

⁵⁰ См.: Попов Г.Г. Миграционная безопасность России (Институционально-правовой анализ). Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 36; Куковский А.А. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

⁵¹ См.: Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 15–17; Нежинская К.С. Национальная и демографическая политика как направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: проблемы нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики // Юридический мир. 2013. № 3. С. 64–67.

⁵² См.: Поддубный А.О., Удычак Ф.Н. К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 6-7.

защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства⁵³, *безопасность* всего многонационального народа России⁵⁴, *совокупность внутренних и внешних условий*, обеспечивающих достойную жизнь граждан и защиту интересов общества⁵⁵, государственно-правовой *институт*⁵⁶ и т.д.

Данная позиция представляется нам более взвешенной и аргументированной, т.к. «состояние защищенности» и сама «защищенность» - несколько *не тождественные* понятия.

Защищенность национальных интересов России можно трактовать как определенное *их состояние*, предполагающее их максимально возможную в данных условиях реализацию, при которой не нарушаются права и свободы граждан, обеспечиваются достойные качество и уровень их жизни и соблюдаются иные условия, предусмотренные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Однако состояние защищенности – несколько абстрактное и, в определенной степени, аморфное понятие, которое может быть использовано и тогда, когда о *реальной* защищенности национальных интересов говорить преждевременно, но некое, то или иное, «состояние их защищенности» налицо.

Опираясь на Стратегию национальной безопасности, мы предлагаем, исходить из того, что **национальная безопасность** – это *защищенность* национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при которой обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и

⁵³ См.: Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

⁵⁴ См.: Краснова К.А., Сибатулина Э.Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3. С. 6–9.

⁵⁵ См.: Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–49.

⁵⁶ Подробнее см.: Степанов А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Выпуск 2 (28). С. 8-18.

согласие в стране, суверенитет, государственная целостность и сбалансированное развитие Российской Федерации.

Таким образом, мы позволили себе в научных целях внести следующие *коррективы* в официальную дефиницию национальной безопасности:

1. «состояние защищенности» национальных интересов скорректировано на «защищенность» национальных интересов, что представляется более обоснованным по изложенным выше причинам;

2. обеспечение *охраны* суверенитета, независимости и государственной целостности заменено на обеспечение суверенитета и государственной целостности. Полагаем, что обеспечение суверенитета и государственной целостности – более точное и однозначное понятие, чем обеспечение *охраны* суверенитета и государственной целостности, ведь обеспечение *охраны* каких-либо ценностей еще не означает обеспечения их сохранности, подобно тому, как создание хороших условий для какой-либо деятельности еще не означает того, что данная деятельность будет выполнена качественно и в срок. Кроме того, полагаем, что суверенитет государства с однозначностью предполагает и его независимость, поэтому указание на обеспечение независимости государства мы посчитали в данном контексте излишним;

3. обеспечение социально-экономического развития страны было скорректировано на «сбалансированное развитие Российской Федерации», т.к. сбалансированное развитие государства - более широкое понятие и предполагает как социально-экономическое, так и *иное* (политическое, культурное и др.) развитие государства.

Изложенное позволяет выделить следующие **сущностные признаки** национальной безопасности.

1. Национальная безопасность, что вытекает из определения данного термина, это, прежде всего, *защищенность национальных интересов* России. Другими словами, это обеспечение максимально возможного в данных условиях удовлетворения объективно значимых потребностей личности, общества и государства в *безопасности и устойчивом развитии*.

2. Национальная безопасность - это не просто защищенность национальных интересов как от внешних, так и от внутренних угроз. Это такая защищенность национальных интересов, при которой:

- граждане не ущемлены в реализации своих конституционных (как минимум) прав и свобод, а качество и уровень их жизни находится на достойном уровне;

- обеспечены суверенитет и целостность государства;

- в стране царят гражданский мир и согласие при сохранении политического и идеологического плюрализма;

- обеспечивается гармоничное и разностороннее развитие государства.

Соблюдение перечисленных условий представляется чрезвычайно значимым, ведь *не всякий* обеспечительный режим может создать условия для гармоничного развития объекта охраны и защиты.

3. Обеспечение национальной безопасности – полисубъектная деятельность, в ней принимают участие как органы публичной власти, так и местного самоуправления.

4. Национальная безопасность может быть обеспечена лишь посредством реализации *комплекса* правовых, политических, военных, социально-экономических, информационных, организационных и *иных* мер, направленных как на противодействие угрозам национальной безопасности, так и на обеспечение защищенности национальных интересов.

Официальная интерпретация национальных интересов как объективно значимых потребностей личности, общества и государства не только в безопасности, *но и* в устойчивом развитии, позволяет отнести национальную безопасность к *наиболее широкому*, собирательному термину, который включает в себя как государственную, личную, общественную, так и *иные* разновидности безопасности, равно как и ее обеспечение – весь возможный арсенал средств (в том числе и юридических), которые могут быть использованы органами публичной власти и различными институтами гражданского общества для противодействия любым ее угрозам.

Следует отметить, что возникновение такого понятия, как «национальная безопасность» - вполне закономерное явление, представляющееся следствием:

- эволюции самого государства как важнейшего социального института, призванного постоянно повышать свою эффективность как аппарата управления при одновременном обеспечении гармоничного сосуществование личных и общественных интересов;

- усложнения социальных отношений, роста количества тех объективно значимых потребностей, удовлетворение которых представляет собой неотъемлемое условие полноценного развития личности, общества и государства;

- динамичного развития как внутри государства, так и за его пределами условий и факторов, способных существенно затруднить или сделать вовсе невозможной реализацию его национальных интересов.

Таким образом, обеспечение национальной безопасности – важнейший приоритет как для органов публичной власти, институтов гражданского общества, так и для каждого гражданина Российской Федерации, заинтересованного в гармоничном и поступательном развитии своей страны.

1.2. Элементы национальной безопасности и их правовые основы

В силу того, что национальная безопасность является *предельно широкой* категорией, представляющей собой защищенность национальных интересов Российской Федерации, обширный и, по сути, открытый перечень которых закреплен в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400⁵⁷, вопрос об элементах национальной безопасности является весьма актуальным как с научной, так и

⁵⁷ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

с практической точек зрения, т.к. действующее законодательство оставляет определенное место для дискуссии по данному важному вопросу.

Более того, изучение элементного состава многоаспектной категории «национальная безопасность» позволит не только более глубоко вникнуть в ее сущность, но и прояснить подходы относительно форм и методов ее обеспечения.

Следует констатировать тот факт, что как в научной литературе, так и в законодательстве интерпретация элементов национальной безопасности осуществляется, исходя из различных позиций, поэтому единства мнений на этот счет не наблюдается.

Основным «камнем преткновения» представляется вопрос о том, являются ли отдельные разновидности безопасности (к примеру, такие как безопасность личности, общественная безопасность, экономическая безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность и т.д.) *видами* самой национальной безопасности, или, все же, составляющими ее *элементами*.

Другими не менее значимыми, и во многом связанными с указанным выше, являются вопросы о том, что если, все же, безопасность личности, экономическая, информационная и другие виды безопасности – это виды национальной безопасности, то что представляет собой *систему* самой национальной безопасности - ведь точки зрения многих специалистов сводятся к тому, что если национальная безопасность – комплексная и «важная» категория, следовательно, она должна обязательно представлять собой систему и как, в таком случае, система национальной безопасности будет соотноситься с таким понятием как система *обеспечения* национальной безопасности.

Полагая сформулированные выше вопросы весьма значимыми, попробуем в них разобраться и представить авторское видение элементного состава национальной безопасности.

Прежде всего, считаем целесообразным обратиться к действовавшей до недавнего времени Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683, в которой после определения самой национальной безопасности было прямо указано, что «национальная безопасность *включает в себя* (выделено нами: М.С.) оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности»⁵⁸.

Другими словами, официальная доктрина национальной безопасности прямо отнесла *открытый* перечень различных *видов безопасности* (ведь фраза «прежде всего» говорит о том, что перечисляются лишь наиболее значимые, но *не все* виды безопасности, а действующее законодательство может создать правовую основу и для *других* видов безопасности) к составляющим *элементам* (на что указывает фраза «включает в себя») национальной безопасности. То есть национальная безопасность официально интерпретировалась как широкая, собирательная категория, включающая в себя различные виды безопасности.

Действующая Стратегия национальной безопасности данное указание не содержит, но подход к определению самой национальной безопасности и к стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации по ее обеспечению не меняет, в рассматриваемом контексте, сущности позиции Президента РФ, утвердившего своим указом данную Стратегию.

Обозначенный подход, согласно которому национальная безопасность включает в себя в качестве *элементов* различные виды безопасности, также подтверждается целым рядом иных нормативно-правовых актов. Так, к

⁵⁸ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016г. № 1 (часть II). Ст. 212. Пункт 6.

примеру, в ст. 1 ФЗ «О безопасности»⁵⁹ перечислены виды безопасности, которые вполне «вписываются» в собирательное понятие национальной безопасности. В п. 1 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. идет речь о *реализации* стратегических национальных приоритетов, разработанных в Стратегии *национальной безопасности*, и в этой связи об экономической безопасности как о важнейшей разновидности безопасности⁶⁰.

Безусловно, в нормативно-правовых актах содержится и иной контекст употребления термина национальная безопасность, нежели в смысле соотношения национальной безопасности как родового понятия и видов безопасности как ее составляющих элементов. К примеру, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации сказано, что она представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение *национальной безопасности в информационной сфере*⁶¹.

Вместе с тем, данная официальная позиция подчеркивает, что информационная сфера является *составной частью* национальной безопасности как более широкого, собирательного и, в данном контексте, родового понятия.

Таким образом, национальная безопасность является комплексной категорией и предельно широким, собирательным понятием, *включающим в себя, в качестве своих элементов различные виды безопасности* (экономическую, информационную, государственную, общественную и т.д.). В этой связи представляется гораздо более обоснованным исследовать национальную безопасность и ее *элементы* (которыми выступают различные виды безопасности), нежели вести речь о *видах национальной безопасности*,

⁵⁹ См.: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 2.

⁶⁰ См.: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.

⁶¹ См.: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

что выглядит несколько беспочвенно, т.к. в подобном случае к видовому понятию «национальная безопасность» нет соотносимого родового понятия.

Другими словами, применительно к контексту использования термина «национальная безопасность» представляется логичной следующая логическая связь понятий: безопасность – национальная безопасность – иные виды безопасности (информационная, экономическая, общественная и т.д.) как *элементы* национальной безопасности.

Представленная позиция разделяется в научных исследованиях целого ряда специалистов.

К примеру, А.А. Карцхия справедливо рассуждает о биологической безопасности, кибербезопасности, инвестиционной и предпринимательской безопасности и иных актуальных видах безопасности как о новых *элементах* национальной безопасности⁶². Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних А.С. Дугенец и Л.В. Павлова рассматривают через призму составляющей (другими словами – *элемента*) национальной безопасности⁶³.

О пограничной безопасности как *подсистеме* национальной безопасности ведет речь П.А. Маккамбаев⁶⁴, а С.В. Сабаева затрагивает крайне актуальную на сегодняшний день цивилизационную безопасность России как составляющий *элемент* ее национальной безопасности⁶⁵. Государственная, общественная, экономическая, информационная и иные виды безопасности

⁶² См.: Карцхия А.А. Новые элементы национальной безопасности: национальный и международный аспект // Вопросы кибербезопасности. 2020. № 6 (40). С. 72-82.

⁶³ См.: Дугенец А.С., Павлова Л.В. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 22-25.

⁶⁴ См.: Маккамбаев П.А. Административно-правовые меры в системе обеспечения пограничной безопасности Республики Узбекистан // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 59-61.

⁶⁵ См.: Сабаева С.В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 30-34.

исследуются Э.И. Ибрагимовой также через призму *компонентов* (элементов) национальной безопасности⁶⁶.

Вместе с тем, в целом ряде весьма интересных научных исследований по обозначенной проблематике прослеживается иной подход.

Так, А.А. Зозуля и С.Б. Немченко отмечают, что «обособленность и специфика объекта защиты позволяют выделять государственную безопасность как один из *видов* (выделено нами: М.С.) национальной безопасности»⁶⁷. Примерно по таким же основаниям налоговую безопасность как вид национальной безопасности исследует К.В. Маслов⁶⁸, экономическую безопасность как вид национальной безопасности - С.Л. Нудель и Е.В. Горенская⁶⁹, экологическую безопасность – Е.Н. Абанина и Е.А. Сухова⁷⁰, общественную безопасность – С.И. Гирько⁷¹.

Вместе с тем, изучение упомянутых работ позволяет заключить, что никто из перечисленных ученых, не рассматривает государственную, налоговую, экономическую и иные виды безопасности *вне* контекста национальной безопасности как собирательного, родового понятия. Другими словами, рассматривая различные виды безопасности (государственную, налоговую, экономическую и др.) не как *элементы*, но как *виды* самой национальной безопасности, указанные ученые, тем не менее, исследуют их в контексте *общего* (национальная безопасность) и *частного* (конкретные виды безопасности).

⁶⁶ См.: Ибрагимова Э. И. Компоненты национальной безопасности РФ // Молодой ученый. 2023. № 36 (483). С. 177-179.

⁶⁷ Зозуля А.А., Немченко С.Б. Государственная безопасность как понятие в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 36.

⁶⁸ См.: Маслов К.В. Угрозы налоговой безопасности государства: правовое измерение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 187-207.

⁶⁹ См.: Нудель С.Л., Горенская Е.В. Уголовная политика в области обеспечения энергетической безопасности // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 101-114.

⁷⁰ См.: Абанина Е.Н., Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития. М., Юстицинформ, 2022. 222 с.

⁷¹ Гирько С.И. Современный вектор развития Концепции общественной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 26-30.

В научной литературе обосновываются и принципиально иные позиции в отношении системности национальной безопасности как комплексной категории.

К примеру, А.А. Прохожев совместно с коллективом авторов рассматривают *систему* национальной безопасности через призму взаимодействия *интересов* (личности, общества и государства, а также национальных интересов и ценностей), *угроз* национальной безопасности и *факторов* (внешних и внутренних), влияющих на ее состояние⁷².

Данная позиция практически в *неизменном* виде обосновывается в работе С.Н. Гриняева, П.Л. Мареева и Д.А. Медведева, в которой авторы также видят системность национальной безопасности во взаимодействии национальных интересов, угроз национальной безопасности и факторов на нее влияющих⁷³.

Полагаем, что с данной точкой зрения достаточно трудно согласиться. *Во-первых*, угрозы национальной безопасности следует, по нашему мнению, и относить к факторам, непосредственно влияющим на национальную безопасность⁷⁴. В этом и заключается сам смысл такого понятия, как «угроза» и как раз из такого понимания угрозы (как фактора) исходит и Стратегия национальной безопасности. *Во-вторых*, взаимодействие национальных интересов и угроз (как внутренних, так и внешних) как фактора, *внешнего* по отношению к национальной безопасности, не составляет саму систему национальной безопасности. Ведь указанные ученые сами ведут речь о том, что угрозы (и иные факторы) воздействуют *на* национальную безопасность, которая, если она действительно система, *уже* должна представлять собой

⁷² См.: Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2. М., Изд-во РАГС, 2005. 344 с.

⁷³ См.: Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. М., АНО ЦСОиП, 2021. С. 56.

⁷⁴ См.: Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]. Под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва., ИНФРА-М, 2024. С. 231-240.

связь каких-либо элементов вне зависимости от того, что и как на нее воздействует.

Иначе, следуя от противного, получается, что национальная безопасность представляет собой систему лишь только в силу того, что ей постоянно что-то угрожает и что-то на нее воздействует. Хотя очевидно, что подобные случаи называются взаимодействием системы с *внешней средой*.

Несколько трансформировав вышеприведенную позицию, еще менее обоснованную точку зрения на систему национальной безопасности излагает И.Б. Кардашова, полагая, что «система национальной безопасности состоит из следующих основных элементов: - национальные интересы; - угрозы национальной безопасности и другие негативные факторы воздействия на национальные интересы; - система обеспечения национальной безопасности»⁷⁵.

Данная позиция также вызывает целый ряд возражений, *помимо* вышеизложенных, относительно допустимости отнесения угроз и иных факторов, воздействующих на национальную безопасность к самой системе национальной безопасности. Так, не вполне понятно, почему И.Б. Кардашова относит к системе национальной безопасности наряду с угрозами лишь *негативные* факторы, воздействующие на национальные интересы. Почему *позитивные* факторы не вписываются в логику рассуждения автора о системности?

Следующий элемент системы национальной безопасности, выделенный автором – «система обеспечения национальной безопасности», так же далеко не безупречен. Следуя логике автора, систему национальной безопасности образует другая система – в данном случае система ее обеспечения. Безусловно, существуют различные сложные системы, состоящие из подсистем, и национальная безопасность – одна из них. Но чтобы вести речь о подсистемах какой-либо системы, необходимо сначала

⁷⁵ Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности. Учебник для вузов. 3-е изд. М., Издательство Юрайт, 2023. С. 47.

выделить элементы основной системы, а потом уже вести речь о мерах обеспечения ее стабильности или сохранности.

Также полагаем, что национальная безопасность как система и система обеспечения национальной безопасности – нетождественные понятия, подобно тому, как «система права» и «правовая система» - различные правовые категории.

Считаем целесообразным исходить из того, что систему национальной безопасности образуют три базовых элемента:

1. *национальные интересы* (или взаимодействующие между собой объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, что и понимается в Стратегии национальной безопасности под национальными интересами);

2. *стратегические национальные приоритеты*, под которыми официально понимаются важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации;

3. тесно связанные и предопределенные как национальными интересами, так стратегическими национальными приоритетами *виды безопасности*, прямо закрепленные или вытекающие из смысла действующего законодательства.

В свою очередь, отдельные национальные интересы, национальные приоритеты, равно как и каждый из видов безопасности также может представлять собой сложную систему различных элементов, что и делает саму национальную безопасность системой, состоящей из подсистем.

Безусловно, каждый из элементов национальной безопасности имеет под собой правовую основу и закрепление в текстах нормативно-правовых актов.

Национальные интересы Российской Федерации получили прямое закрепление в Стратегии национальной безопасности и обозначены таким образом, что данный перечень можно считать, по сути, открытым.

К примеру, сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, поддержание гражданского мира и согласия в стране, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия⁷⁶, равно как и другие национальные интересы, заключают в себе целый ряд объективно значимых потребностей и интересов, которые, в свою очередь, могут быть представлены в качестве составляющих элементов (*подсистем*) перечисленных национальных интересов.

Безусловно, национальные интересы как важнейшая категория и центральный элемент системы национальной безопасности получили как прямое закрепление, так и развитие, отражение в различных нормативно-правовых, правоприменительных и правоинтерпретационных актах.

К примеру, в Концепции внешней политики Российской Федерации перечислены национальные интересы государства во внешнеполитической сфере⁷⁷, в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации – национальные интересы в гуманитарной сфере за рубежом, среди которых особо следует выделить защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁷⁸. Вместе с тем, данный национальный интерес находит свое дальнейшее развитие в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809⁷⁹.

Это подтверждает вышеизложенную мысль о том, что каждый национальный интерес Российской Федерации представляет собой систему,

⁷⁶ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁷⁷ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

⁷⁸ См.: Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 12.09.2022. № 37. Ст. 6315.

⁷⁹ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

состоящую из нескольких *подсистем*, которые также либо напрямую закрепляются, либо отражаются в действующем законодательстве.

Так, в действующем законодательстве прямо закреплены весьма многочисленные национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане, среди которых также можно выделить такие комплексные, многоаспектные интересы как сохранение за нашей страной статуса великой морской державы, развитие морского потенциала и укрепление обороноспособности в Мировом океане и др.⁸⁰

Также получили прямое закрепление и конкретизацию национальные интересы Российской Федерации в сфере продовольственной безопасности⁸¹, в информационной сфере⁸² и в целом ряде других важных сфер общественной жизни.

Иногда национальные интересы Российской Федерации, равно как и стратегические национальные приоритеты, не будучи конкретизированными в нормативно-правовом акте, *координируют направления* деятельности соответствующих органов публичной власти в определенной сфере. Так, ст. 32 Федерального закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 № 164-ФЗ предусматривает, что именно национальные интересы Российской Федерации могут предопределить меры, даже *не носящие экономического характера*, но направленные на регулирование внешней торговли, если эти меры, к примеру, необходимы для соблюдения общественной морали или правопорядка⁸³.

Интересы национальной безопасности в соответствии со ст. 1360 ГК РФ уполномочивают Правительство РФ использовать изобретение, полезную

⁸⁰ См.: Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.08.2022. № 31. Ст. 5699.

⁸¹ См.: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 345.

⁸² См.: Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

⁸³ См.: Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4850.

модель или промышленный образец без согласия патентообладателя с последующим уведомлением его об этом и выплатой соответствующей компенсации.

Самым непосредственным образом категория «национальные интересы» влияет как на правоприменительную, так и на правоинтерпретационную практику. Так, 31 октября 2023 г. Конституционный Суд РФ вынес Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на несоответствие Конституции РФ отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14 марта 2022 г. № 58-ФЗ, руководствуясь во многом тем, что данные положения закона были приняты «в целях защиты *национальных интересов* (выделено нами: М.С.) Российской Федерации в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций»⁸⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что национальные интересы Российской Федерации, выступая одним из основных элементов системы национальной безопасности: а) находят непосредственное закрепление не только в Стратегии национальной безопасности, но и в многочисленных нормативно-правовых актах; б) определяют действия органов публичной власти в различных сферах общественной жизни, даже если и не конкретизируются непосредственно; в) влияют на правоприменительную и правоинтерпретационную практику.

Именно национальные интересы определяют стратегические национальные приоритеты, которые, в свою очередь, мобилизуют деятельность органов публичной власти, институтов гражданского общества, равно как и усилия отдельных граждан по их достижению.

⁸⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 № 2896-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Инвест Ко» на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 8 Федерального закона от 14 марта 2022 года № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=789602&ysclid=lpqx13scz0872323098#dgmLvхТСYtLEvcjj> (дата обращения: 30.04.24 г.).

В подобной теснейшей «связке» с национальными интересами стратегические национальные приоритеты обозначаются в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ⁸⁵, именно национальные приоритеты и национальные интересы лежат в основе Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204⁸⁶, который предопределил разработку и активную реализацию Национальных проектов России, ознаменовавших собой, без преувеличения, новую ступень развития государственного управления на современном этапе.

Системное взаимодействие национальных интересов и стратегических национальных приоритетов предопределяет как само существование, так и эффективное функционирование *третьего элемента* системы национальной безопасности – различных видов безопасности.

Подчеркнем, что в данном контексте речь идет не просто о всевозможных видах безопасности, относящихся к безопасности как к родовому понятию. Как нами уже подчеркивалось выше, *национальная безопасность* в рассматриваемом контексте будет выступать *родовым понятием* для всех тех видов безопасности, которые и являются ее элементами.

Анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что список видов безопасности, выступающих элементами национальной безопасности (а не видами национальной безопасности, на чем и заострялось внимание ранее), также является открытым, что свидетельствует как о неограниченном правотворческом потенциале органов публичной власти в сфере обеспечения национальной безопасности, так и об определенной

⁸⁵ См.: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

⁸⁶ См.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 14.05.2018. № 20. Ст. 2817.

юридификации современного общества, являющейся неизбежностью и ответом на многочисленные вызовы и угрозы гармоничному сосуществованию общественных, личных и государственных интересов⁸⁷.

Так, к элементам национальной безопасности можно отнести следующие виды безопасности, нашедшие непосредственное закрепление в действующих нормативно-правовых актах: безопасность личности, безопасность государства, общественную безопасность, информационную, экономическую, промышленную, транспортную, экологическую, биологическую, продовольственную, энергетическую, ядерную безопасность, а также деятельность органов публичной власти по обеспечению безопасности традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, безопасности предпринимательской деятельности и осуществления инвестиций, освоения Мирового океана и т.д.

Органы публичной власти Российской Федерации осуществляют деятельность по обеспечению защищенности национальных интересов в самых разных сферах и областях, и во многом эта деятельность может быть отнесена как к особому *виду безопасности*, так и *элементу* национальной безопасности.

Таким образом, вновь подтверждается тезис о том, что национальная безопасность представляет собой систему взаимосвязанных и предопределяющих эффективность друг друга элементов: национальных интересов, стратегических национальных приоритетов и различных видов безопасности, которые не только нашли непосредственное отражение в действующем законодательстве, но и выступают важнейшим объектом правового обеспечения, *мобилизуя* для этого правотворческий, правоприменительный, правоинтерпретационный, правообучающий и иной

⁸⁷ Подробнее см.: Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11; Адамянц С.Т. Юридификация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования. Право и управление. XXI век. 2022. № 18 (4). С. 47-54.

потенциал как органов публичной власти, так и институтов гражданского общества.

1.3. Содержание и особенности правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Вопросы, связанные с правовым обеспечением национальной безопасности, представляются чрезвычайно значимыми как с теоретико-правовой, так и практической точки зрения, по целому ряду причин.

Во-первых, беспредметно рассуждать о содержании, признаках и эффективности правового обеспечения национальной безопасности, если содержание самого термина «правовое обеспечение» не конкретизировано и употребляется лишь как связка слов в предложении, призванная указать на то, что национальная безопасность «имеет отношение к праву» и должна защищаться правовыми средствами.

Во-вторых, именно *правовое обеспечение* национальной безопасности – *квинтэссенция* состояния защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, о котором говорится как в Стратегии национальной безопасности, так и многочисленных нормативно-правовых актах, закрепляющих национальную безопасность в качестве своего основного приоритета.

В-третьих, грамотное употребление термина «правовое обеспечение» позволит как избежать целого ряда *правотворческих ошибок*, так и конкретизировать, упорядочить юридические средства, которые предполагается использовать для создания правового режима охраны, защиты и гарантированности отдельных элементов национальной безопасности.

Следует констатировать тот факт, что в значительном количестве работ, посвященных правовому обеспечению национальной безопасности, сам термин «правовое обеспечение» используется авторами достаточно произвольно, не определяя строгих рамок для предмета научного анализа.

Без конкретизации того, что же вкладывается в термин «правовое обеспечение», А.А. Мохов ведет речь о правовом обеспечении демографической безопасности⁸⁸, О.А. Зайцев – о правовом обеспечении личной безопасности⁸⁹, Е.В. Ельникова – сельскохозяйственной продукции⁹⁰, М.А. Бажина – транспортной безопасности⁹¹, А.В. Комиссаров – механизма государственного контроля предпринимательской деятельности⁹² и т.д.

Понятно, что сущность и содержание категории «правовое обеспечение» - прерогатива специального анализа в рамках общей теории права и государства, который вряд ли представляет особую актуальность для представителей отдельных отраслей права, однако полагаем, что конкретизировать предмет работы авторской интерпретацией содержания правового обеспечения было бы нелишним.

Обозначенная тенденция стала весьма распространенной как в научных исследованиях, так и в многочисленных нормативно-правовых актах, поэтому полагаем весьма значимым остановиться на содержании такой категории как «правовое обеспечение» и сопоставить ее с рядом смежных понятий. Это позволит ответить на вопросы о том, существует ли разница между правовым обеспечением и обеспечением правовой охраны и защиты, между правовым обеспечением и правовым регулированием, и как соотносятся между собой такие понятия как «правовая охрана», «правовая защита» и «правовая гарантированность».

Полагаем, что *правовое обеспечение* представляет собой правовой режим, заключающийся в правовой *охране*, правовой *защите* и правовой

⁸⁸ См.: Мохов А.А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. № 6. С. 62-67.

⁸⁹ См.: Зайцев О.А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 82-98.

⁹⁰ См.: Ельникова Е.В. Правовое обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции // Современный юрист. 2022. № 3. С. 60-70.

⁹¹ См.: Бажина М.А. Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // Транспортное право. 2023. № 1. С. 6-9.

⁹² См.: Комиссаров А.В., Комиссаров М.А., Абакумова Е.Ю. Современные подходы в правовом обеспечении механизма государственного контроля предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2023. № 9. С. 35-40.

гарантированности определенного социального института, явления или процесса.

В отмеченной связи вряд ли можно согласиться с позициями авторов, которые рассматривают правовое обеспечение как понятие, синонимичное правовому регулированию⁹³, т.к. под правовым регулированием считаем обоснованным понимать осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения⁹⁴.

Другими словами, правовое регулирование – это *весь спектр* действия юридических средств, а правовое обеспечение – это создание при помощи тех же юридических средств *режимов* правовой охраны, правовой защиты и правовой гарантированности определенных социальных институтов, явлений или процессов.

Следовательно, изложенное выше не позволяет согласиться и с точкой зрения, что правовое обеспечение – более широкое понятие, чем правовое регулирование⁹⁵, ведь не всякое правовое регулирование заключается лишь в правовой охране, защите и гарантированности каких-либо общественных отношений.

Кроме того, мы также не считаем удачным определение правового обеспечения, предложенное А.Н. Арзамаскиным, который под ним понимает систему правовых и иных средств, при помощи которых гражданское общество и государство осуществляют воздействие на общественные отношения⁹⁶.

Полагаем, что автор чрезмерно расширяет содержание правового обеспечения и в данном контексте отождествляет его не столько с правовым

⁹³ См., например: Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 199 с.

⁹⁴ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 513; Малько А.В. Механизм правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 54-62.

⁹⁵ См.: Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 47–51.

⁹⁶ См.: Там же. С. 50.

регулируемым, сколько с правовым *воздействием* в целом, что представляется весьма субъективным и необоснованным.

Предлагаем исходить из того, что **правовое обеспечение** является *разновидностью* правового регулирования, представляющее собой создание правового режима по охране, защите и гарантированности определенных общественных отношений посредством соответствующего набора *юридических* средств.

Не менее дискуссионным представляется вопрос о соотношении таких категорий, как «правовая охрана» и «правовая защита», которые сам законодатель иногда отождествляет, а иногда - дифференцирует.

В качестве примера подобного отождествления В.И. Абрамов приводит Конституцию РФ, устанавливающую, что: соблюдение и *защита* прав и свобод являются обязанностью государства (ст. 2); право частной собственности *охраняется* законом (ст. 35); материнство и детство, семья находятся под *защитой* государства (ст. 38); каждый имеет право на *охрану* здоровья и медицинскую помощь (ст. 41)⁹⁷.

Отсутствие единого знаменателя в употреблении рассматриваемых категорий законодателем подтверждается при анализе многочисленных нормативно-правовых актов.

Так, глава 2.4 Лесного кодекса РФ называется «Охрана, защита, воспроизводство лесов», анализ которой говорит как о случаях отождествления рассматриваемых категорий, так и об их произвольном употреблении – в зависимости от контекста⁹⁸. В ст. 9 Федерального закона «О биологической безопасности в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 492-ФЗ говорится о *защите* населения, но *охране* окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов⁹⁹, а в ст. 3 Закона РФ от

⁹⁷ См.: Абрамов В.И. Соотношение понятий «охрана», «защита», «гарантированность», «обеспечение» прав ребенка // Государство и право. 2006. № 6. С. 68.

⁹⁸ См.: Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006. № 50. Ст. 5278.

⁹⁹ См.: Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» сказано, что охрана Государственной границы РФ является *составной частью защиты* Государственной границы¹⁰⁰. Вместе с тем, анализ норм Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹⁰¹ позволяет заключить что защита здоровья граждан выступает элементом его охраны¹⁰².

Не удивительно, что отсутствие единообразия в употребление таких терминов как «охрана» и «защита» законодателем приводит и к разночтениям в понимании соответствующих обеспечительных правовых режимов в научной литературе¹⁰³.

Еще с советских времен существует достаточно распространенная позиция (особенно среди цивилистов), согласно которой правовая охрана и защита - тождественные категории, подразумевающие не что иное, как систему правового регулирования общественных отношений, которая предотвращает правонарушения, а в случае их совершения устанавливает ответственность за допущенное правонарушение¹⁰⁴.

Удивительно, но подобная позиция разделяется и авторитетными учеными-конституционалистами. К примеру, Н.В. Витрук отмечает, что оба рассматриваемых понятия составляют единое целое, которое называется «охраной (защитой)» прав и обязанностей¹⁰⁵.

Не считая возможным согласиться с данной точкой зрения, считаем, что ближе к истине те ученые, которые, все же полагают, что охрана прав – более широкое понятие, включающее все юридические правила по поводу

¹⁰⁰ См.: Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 29.05.2023) «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 29.04.1993. № 17. Ст. 594.

¹⁰¹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁰² Подробнее см.: Волова А. А. Соотношение понятий «правовая охрана» и «правовая защита» // Молодой ученый. 2023. № 43 (490). С. 186-188.

¹⁰³ См.: Осипов М.Ю. К вопросу о понимании феномена «правовая охрана» // *Advances in Law Studies*. 2023. Том 11. № 1. С. 11-15.

¹⁰⁴ См.: Гражданско-правовая охрана интересов личности / Под ред. О.С. Иоффе. М., 1969. С. 3; Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 30-35.

¹⁰⁵ См.: Бабаев В.К. Теория государства и права. М., 2014. С. 432-436.

определенного блага, защита же, - это те меры, которые предусмотрены в законе на те случаи, когда право уже нарушено¹⁰⁶.

Близка к изложенной точке зрения и позиция Н.И. Матузова, который подчеркивал, что «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают»¹⁰⁷. В этой связи В.В. Субочев верно отмечает, что большинство отраслей российского права имеют своей непосредственной задачей не только защиту нарушенных прав и интересов, но и охрану прав и интересов, которые *никем не нарушаются*¹⁰⁸.

Исходя из анализа действующего законодательства и сложившихся в юридической литературе точек зрения считаем обоснованным исходить из того, что *правовая охрана* – это специальный правовой режим, представляющий собой систему юридических средств, направленных на обеспечение беспрепятственного пользования социальным благом в рамках определенной системы общественных отношений.

Правовая защита – это специальный правовой режим, представляющий собой систему юридических средств, направленных на обеспечение пользования определенным социальным благом в случаях возникновения *препятствий*, затрудняющих или делающих невозможным удовлетворение соответствующих правомерных стремлений участников правоотношений.

При осуществлении правовой защиты пользование обозначенным благом может прямо нарушаться либо оспариваться, а также юридические средства могут быть направлены на восстановление нарушенных прав, свобод

¹⁰⁶ См.: Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 18-19.

¹⁰⁷ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1972. С. 130-131.

¹⁰⁸ См.: Субочев В.В. Специфика правового обеспечения законных интересов // Академический юридический журнал. 2006. № 4. С. 4-11; Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения. Юридический мир. 2007. № 3. С. 21-29.

и законных интересов либо добровольное удовлетворение законных требований обязанными субъектами¹⁰⁹.

Указанные обстоятельства позволяют прийти к следующему выводу. Правовое обеспечение представляет собой особую форму правового регулирования, заключающееся в правовой *охране*, правовой *защите* и правовой *гарантированности* определенного социального института, явления или процесса. Правовая охрана представляет собой правовой режим, обеспечивающий беспрепятственное пользование социальным благом, тогда как правовая защита направлена на обеспечение пользования определенным социальным благом в случаях возникновения конкретных препятствий, затрудняющих или делающих невозможным удовлетворение соответствующих правомерных стремлений участников правоотношений.

Таким образом, правовое обеспечение представляет собой *диалектическое единство* правовой охраны и правовой защиты как особых правовых режимов.

В случае неэффективности системы юридических средств, направленных на *охрану* определенного социального блага, на *недопущение возникновения* угроз или препятствий функционированию системы социальных связей, «включаются» юридические средства, призванные непосредственно *устранять* возникшие препятствия и угрозы, либо *восстанавливать* нарушенные права, свободы и законные интересы участников правоотношений, т.е. *защищать* охраняемое правом благо.

Результатом эффективного действия правоохранительных и правозащитных режимов выступает правовая *гарантированность* определенных социальных благ. Т.е. правовая гарантированность выступает в качестве *третьего элемента* правового обеспечения.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Шериев А.М. Субъективные права, свободы и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: проблемы теории и практики. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 87-88.

Таким образом, правовое обеспечение понимается нами в *единстве* трех его ключевых элементов: правовой охраны, правовой защиты и правовой гарантированности.

Опираясь на данные тезисы, сфокусируемся непосредственно на том, что же представляет собой правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

В соответствии с Указом Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. № 400, сущность национальной безопасности заключается в состоянии *защищенности* национальных интересов от внешних и внутренних угроз. Считаем, что данное «состояние защищенности» является следствием, в том числе, и правового обеспечения, а именно правовой охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации.

Таким образом, **правовое обеспечение национальной безопасности** Российской Федерации – это особый правовой режим, заключающийся в создании и использовании системы юридических средств, направленных на *охрану, защиту и гарантированную реализацию* ее национальных интересов.

Другими словами, правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации представляет собой создание и использование системы юридических средств в целях охраны, защиты и гарантированного удовлетворения объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Таким образом, можно заключить, что правовое обеспечение национальной безопасности означает использование самого широкого спектра юридических средств в различных сферах общественной жизни, т.к. содействие удовлетворению объективно значимых потребностей личности, общества и государства *как* непосредственно в самой безопасности, *так и* в устойчивом развитии предполагает исключительно широкий набор правового инструментария.

Более того, не будет преувеличением утверждение о том, что правовое обеспечение национальной безопасности предполагает использование юридических средств, направленных на охрану, защиту и гарантированную реализацию национальных интересов *во всех* сферах общественной жизни, т.к. объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии существуют в любой области. Нет такой сферы жизнедеятельности социума, в которой бы личность, общество или государство не стремились реализовать свои интересы, имеющие непосредственное отношение как к безопасности, так и устойчивому развитию.

Это предопределяет тот факт, что правовое обеспечение национальной безопасности является одной из важнейших форм юридикации современного общества, когда правовое регулирование затрагивает практически все аспекты жизнедеятельности личности и общества, практически не оставляя пространства вне правовой регламентации.

Вместе с тем, данный процесс расширения пределов правового регулирования является во многом объективно обусловленным, предопределенным иерархией интересов и ценностей, сложившихся в самом обществе, среди которых интересы национальной безопасности (в которой диалектически сосуществуют интересы самой личности, общества и государства) *доминируют*, делая возможным реализацию всех остальных интересов и обеспечивая сохранность, в том числе, и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Более того, разнообразие сфер общественной жизни, в которых правовое регулирование осуществляется, будучи обусловленным интересами национальной безопасности, значительное количество внутренних вызовов и угроз национальным интересам, равно как и тот факт, что состояние защищенности национальных интересов не должно осуществляться в ущерб конституционным правам и свободам граждан, уровню и качеству их жизни, государственной целостности и социально-экономическому развитию страны,

предопределяет тот факт, что правовое обеспечение национальной безопасности осуществляется лишь *системой* юридических средств, представляющей собой сложноструктурированный, внутренне согласованный и социально обусловленный механизм правового регулирования.

В п. 6 Стратегии национальной безопасности определена *система обеспечения* национальной безопасности, под которой понимается «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности *органов* публичной власти и находящихся в их распоряжении *инструментов* (выделено нами: М.С.)»¹¹⁰.

Полагаем данный подход к определению системы обеспечения национальной безопасности вполне логичным, т.к. он предусматривает два ключевых взаимодействующих между собой элемента системы: *кто* обеспечивает национальную безопасность и *как* он это делает (при помощи какого инструментария). Вместе с тем полагаем, что Стратегия национальной безопасности не в полной мере обоснованно сужает круг субъектов системы обеспечения национальной безопасности *лишь* реализующими *государственную* политику в данной сфере органами *публичной* власти.

Т.к. национальная безопасность предполагает удовлетворение объективно значимых потребностей личности, общества и государства в любой из сфер общественной жизни, то и к числу субъектов, ее обеспечивающих, следовало бы отнести как институты гражданского общества, так и различные юридические и физические лица, чья правомерная деятельность способствует обеспечению национальной безопасности.

Считаем, что граждане Российской Федерации, участвующие в специальной военной операции или добросовестно осуществляющие свои трудовые функции на соответствующих объектах (к примеру, на предприятиях, выполняющих государственный оборонный заказ), также

¹¹⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

могут быть отнесены к субъектам обеспечения национальной безопасности нашего государства.

В рассматриваемом контексте *правовое обеспечение* национальной безопасности является составляющим элементом системы обеспечения национальной безопасности, который, в свою очередь, также представляет собой *систему*.

В системе правового обеспечения национальной безопасности можно выделить следующие *элементы*.

1. Субъекты правового обеспечения национальной безопасности.

К данным субъектам следует относить самый широкий круг лиц, создающих, применяющих, толкующих и использующих в своей деятельности юридические средства в целях охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации.

Этими субъектами являются правотворческие и правоприменительные (включая правоохранительные) органы, субъекты как официального, так и неофициального толкования права, институты гражданского общества, юридические лица и граждане Российской Федерации, которые вносят значительный вклад в обеспечение национальной безопасности реализуя правовые нормы, повышая уровень своего правосознания и правовой культуры, активно участвуя в правовой жизни общества.

2. Юридические средства обеспечения национальной безопасности.

Данные средства могут быть классифицированы по различным основаниям. Они могут быть постоянными и временными, представлять собой средства-установления или средства-деяния¹¹¹, относиться к различным отраслям права (конституционно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые и т.д.), по информационно-психологической направленности выступать юридическими стимулами или ограничениями, быть простыми

¹¹¹ Подробнее см.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany, 2012. 260 с.

(субъективные права, юридические обязанности и т.д.) или сложными (правовые институты, правовые режимы) и т.д.

Учитывая многообразие весьма обоснованных и устоявшихся в науке классификационных оснований юридических средств, тем не менее полагаем, что в контексте правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации целесообразно сфокусировать внимание на правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных юридических средствах, т.к. это, с одной стороны, позволит охватить и исследовать полномочия различных органов публичной власти и иных субъектов обеспечения национальной безопасности, а с другой – сочетать все иные характеристики юридических средств, выступающие в качестве их классификационных оснований. К примеру, анализ правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств позволит выделить в их составе постоянные и временные юридические средства, простые и сложные, стимулирующие и ограничивающие и т.д.

Правовая охрана и защита любого интереса (равно как и социального института, явления или процесса) осуществляется, исходя из определенных приоритетов, целей и задач. В случае с правовым обеспечением национальной безопасности Российской Федерации подобным приоритетом выступают зафиксированные в Стратегии национальной безопасности *стратегические национальные приоритеты*, к числу которых относится: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборона страны, государственная и общественная безопасность; информационная, экономическая и экологическая безопасность; научно-технологическое развитие; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество¹¹².

¹¹² См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Данный весьма широкий перечень стратегических национальных приоритетов является ориентиром для достижения целей и решения задач в рамках правового обеспечения национальной безопасности и является ключевым элементом ее содержания.

Правовое обеспечение такого важного объекта, как национальная безопасность обладает целым рядом *особенностей*, на которых также необходимо сфокусировать внимание.

1. Специфика правового обеспечения национальной безопасности во многом определяется разнообразием, многоаспектностью и важностью национальных интересов, которые и являются ключевым объектом охраны, защиты и гарантированности. По сути открытый перечень национальных интересов, закрепленный в ч. 3 Стратегии национальной безопасности (куда входят такие многоаспектные интересы, как сбережение народа России и повышение качества и уровня жизни граждан, защита конституционного строя и укрепление обороны страны, поддержание гражданского мира в стране и искоренение коррупции, противодействие деструктивному информационному воздействию и устойчивое развитие экономики, охрана окружающей природной среды и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и т.д.) делает не только сложной и системной саму категорию «национальная безопасность», но и предопределяет системность и многовекторность ее правового обеспечения.

Полагаем, что национальная безопасность Российской Федерации является *самым широким, комплексным и многоаспектным объектом правового обеспечения* в механизме правового регулирования общественных отношений. Вряд ли в правовой системе Российской Федерации, да и в правовой жизни в целом найдется объект правового обеспечения, который по своему масштабу и значимости сможет сравниться с национальной безопасностью государства.

2. Правовое обеспечение национальной безопасности предполагает *использование юридических средств в любой из сфер жизнедеятельности*

общества, т.к. объективная необходимость правовой охраны, защиты и гарантированности реализации интересов личности, общества и государства не только в безопасности, но и устойчивом развитии является наиболее значимым фактором, практически безгранично расширяющим правовое регулирование и объясняющим неизбежность интенсивной юридикации современной жизни.

Нельзя не согласиться с выводом В.В. Субочева о том, что право, как важнейший социальный регулятор представляет собой форму сосуществования интересов личности, общества и государства в их нормативном выражении¹¹³ и призвано в силу самой своей природы выступать важнейшим фактором социальной стабильности¹¹⁴.

3. Системность, динамизм и многообразие юридических средств, обеспечивающих национальную безопасность, являются производными того нормативно установленного положения, что под угрозой национальной безопасности необходимо понимать как факторы и условия, создающую реальную, прямую возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации, так и те обстоятельства, которые могут создать лишь *косвенную возможность* причинения определенного ущерба объективно значимым потребностям личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Следовательно, юридические средства обеспечения национальной безопасности, равно как и субъекты, их создающие и использующие, должны своевременно реагировать на подобные условия и факторы, представляющие собой угрозу национальным интересам Российской Федерации и, что является особо значимым, *грамотно интерпретировать* подобные обстоятельства в качестве угрозы.

¹¹³ См.: Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11.

¹¹⁴ См.: Фролова Е.А. Право как фактор социальной стабильности: теоретико-философский аспект // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 2. С. 262–272.

Сделать это не всегда просто. К примеру, может ли подлежать *однозначной* оценке на предмет угрозы национальной безопасности Российской Федерации изобретение iPhone и выпуск его очередных усовершенствованных моделей, анализирующих даже речь его владельцев, использование различных «западных» приложений для обмена сообщениями и фотографиями в соцсетях (Whatsapp, Instagram и др.), обращение к таким источникам информации, как Википедия и Youtube или даже просто просмотр популярных голливудских кинофильмов – весьма сложные вопросы. Более того, еще более сложным представляется использование *адекватных ситуации* юридических средств противодействия возможной угрозе, если на данные и иные подобные вопросы напрашивается утвердительный ответ. Каким должно быть адекватное использование юридических средств, чтобы не вызвать отторжение у участников общественных отношений, не привести к дисбалансу в системе общественных связей и не вызвать косвенную возможность причинения ущерба иным значимым интересам личности, общества и государства в случае обоснованного, в силу определенных обстоятельств, ограничения использования прогрессивных технологий.

Другими словами, специфика правового обеспечения национальной безопасности заключается в *сложности и неоднозначности интерпретации* определенных факторов и обстоятельств в качестве угроз национальным интересам Российской Федерации и в очевидных трудностях использования юридических средств противодействия данным угрозам без возможности нанесения ущерба *иным* национальным интересам. Возникает известная дилемма, когда, решая проблему, максимум того, что может сделать даже эффективный управленец – это стремиться к тому, чтобы число вновь появляющихся при этом проблем было минимальным.

4. Динамизм и нелинейность развития общественных отношений *затрудняют* не только интерпретацию конкретных факторов и условий как угроз национальной безопасности, но и *оценку эффективности* используемых юридических средств, направленных на ее обеспечение.

Так, увеличение значимости и реальности конкретной угрозы (возникновения прямого военного столкновения, использования очередного антироссийского «пакета санкций» и др.) еще не означает того, что конкретные юридические средства, которые использовались для предотвращения этой угрозы, были однозначно неэффективными. Потенциал юридических средств обеспечения национальной безопасности *ограничен* различными факторами и обстоятельствами, которые не всегда можно спрогнозировать и которые *не зависят* напрямую от деятельности субъектов, данные юридические средства создающих и использующих. К подобным факторам и обстоятельствам относятся политические решения, принимаемые в различных государствах, экономические процессы, не поддающиеся прямому прогнозированию и контролю, научно-технический прогресс, различные социальные процессы и настроения в обществе и т.д.

Таким образом, юридические средства обеспечения национальной безопасности, наряду с устоявшимися в науке, требуют разработки и *собственных критериев эффективности*, позволяющих критично и адекватно ситуации оценивать надежность ее правового обеспечения.

5. Субъекты правотворческого и правоприменительного процессов, как правило, оперируют понятием «защита национальных интересов» («защита национальной безопасности»), и лишь в редких случаях прибегают к таким терминам, как «охрана национальных интересов» («охрана национальной безопасности»), «гарантированность реализации национальных интересов», «гарантии национальной безопасности».

Вместе с тем, правовое обеспечение национальной безопасности не сводится лишь к ее защите, что подтверждает и само толкование различных нормативно-правовых и иных правовых актов. Другими словами, анализ практики правового обеспечения национальной безопасности во многих случаях требует *расширительного толкования* текстов правовых документов, а самим субъектам правотворческой и правоприменительной деятельности необходимо более внимательно и грамотно подходить к дифференциации

различных юридических средств и правовых режимов, выступающих *элементами* правового обеспечения национальной безопасности.

6. Юридические средства обеспечения национальной безопасности, как это уже анализировалось выше, могут быть классифицированы по различным основаниям и, в том числе, относиться к *различным отраслям* права. Таким образом, правовое обеспечение национальной безопасности предполагает использование потенциала не только всей системы права, но и правовой системы общества в целом, является своеобразной «проверкой на прочность» теории правового инструментализма и применимости ее отдельных положений на практике – в данном случае при реализации самого масштабного проекта – правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

7. Правовое обеспечение национальной безопасности предполагает использование и оказывает прямое воздействие на *неюридические* средства охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации. Именно юридические средства обеспечения национальной безопасности обуславливают правомерность или противоправность использования политических, экономических, информационных и иных ресурсов в определенных целях, определяют границы и влияют на эффективность их применения.

Более того, т.к. национальная безопасность Российской Федерации не может обеспечиваться противоправными средствами, есть все основания утверждать, что по своему содержанию средства обеспечения национальной безопасности могут быть юридическими, экономическими, политическими, информационными, воспитательными, культурными, биологическими и т.д., но все они реализуются правомерным поведением субъектов, их использующих, а значит, имеют правовую форму своей объективации.

ГЛАВА 2. ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹¹⁵

2.1. Понятие юридических средств и их классификация

В российской юридической доктрине складывается весьма парадоксальная ситуация, связанная с отсутствием единства мнений по поводу сущности и содержания юридических (правовых) средств¹¹⁶. Несмотря на то, что утверждение о том, что право является важнейшим социальным *регулятором* общественных отношений является в известной степени аксиоматичным и, по большому счету, не оспаривается ни представителями общей теории права, ни отраслевых юридических наук, вопрос о том, что же представляют собой те *юридические средства*, которые и позволяют праву регулировать социальные процессы, остается открытым.

Более того, сама инструментальная теория права, которая фокусирует внимание на праве *в том числе* и как на системе юридических средств¹¹⁷, регулирующих общественные отношения, вызывает настороженную реакцию в юридическом сообществе и до настоящего времени не получила должного распространения и признания, что также во многом объясняется отсутствием единого знаменателя в позициях ученых по поводу природы, содержания и классификационных оснований юридических средств.

¹¹⁵ Основные научные результаты, изложенные в данной главе, нашли отражение в следующих публикациях диссертанта: Маркус С.А. Понятие и природа юридического средства как ключевой категории инструментальной теории права // Теория государства и права. 2025. № 2-1 (44). С. 160 – 174; Маркус С.А. Правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: вопросы теории и практики // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 3 (71); Маркус С.А. К вопросу о содержании и задачах правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2025. № 1. С. 132-139.

¹¹⁶ Здесь и далее юридическое средство и правовое средство рассматриваются как синонимичные понятия.

¹¹⁷ Подробнее см.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права, Дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 12; Сапун В.А., Турбова Я.В. Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 177-188.

Вместе с тем очевидно, что правовое регулирование общественных отношений, различные правовые режимы (правовой охраны, защиты, гарантий), равно как и сам правотворческий, правоприменительный и правоинтерпретационный процессы в своей основе имеют ни что иное, как юридические средства, которые либо создаются компетентными субъектами, либо используются в правовой жизни. Таким образом, полагаем значимым критически осмыслить имеющиеся точки зрения и выработать свою позицию по затронутой проблематике.

Ключевые доктринальные разногласия относительно природы и содержания юридических средств обусловлены наличием трех доминирующих в литературе позиций по данному вопросу.

Согласно **первой позиции**, изначально получившей концептуальное закрепление в трудах С.С. Алексеева, юридические средства представляют собой субстанциональные, *институциональные* явления правовой действительности, воплощающие в себе регулятивную силу права, его энергию¹¹⁸. Другими словами, под правовыми средствами ученый понимал нормы права, институты права, подотрасли и отрасли права¹¹⁹.

Данная позиция получила широкую поддержку среди ученых. К примеру, разделяющий подобную трактовку юридических средств В.А. Сапун отмечает, что юридические средства – это ничто иное, как «институционные образования (установления, формы) правовой действительности, использование которых в специальной правовой деятельности приводит к достижению определенного результата»¹²⁰.

Изложенная точка зрения представляется достаточно обоснованной и позволяет относить к юридическим средствам, по сути, неограниченный ряд «институционных образований» (В.А. Сапун) или «институциональных

¹¹⁸ См.: Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.

¹¹⁹ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 218.

¹²⁰ См.: Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права. Межвузовский сборник науч. трудов. Свердловск, АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 1990. С. 10-11.

явлений» (С.С. Алексеев), таких как нормы права, юридические факты, акты применения права, принципы права, да и само *право в целом*¹²¹.

Однако подобная позиция, позволяющая относить к юридическим средствам обозначенный весьма широкий перечень юридических средств, получила в свой адрес ряд критических замечаний.

К примеру, С.Ю. Филиппова полагает, что подобное расширение содержания юридических средств (и тем более отнесение к ним самого права) лишает рассматриваемую категорию самостоятельного содержания и собственной природы¹²².

С.Ю. Филиппова, как и ряд иных авторов полагают, что если юридическое средство – это и норма права, и содержащиеся в норме права запреты, льготы, поощрения, привилегии, субъективные права, юридические обязанности, иммунитеты и другие институциональные образования, то какова же может быть природа самого юридического средства, если она «должна включать» в себя природу и сущность вышеперечисленных разнородных понятий? Данное, *кажущееся* на первый взгляд логичным рассуждение, позволяет ряду специалистов приходиться к выводам о том, что правовые средства – это некое собирательное понятие, «которое *не поддается определению*, поскольку не представляется возможным восстановить специфические для него признаки»¹²³.

Вместе с тем, подобные точки зрения при их анализе обнаруживают достаточно явное упущение. Несостоятельность перечисленных позиций заключается в том, что их авторы не учитывают *самого главного*: средством является все то (и, одновременно с этим - лишь то), что служит достижению

¹²¹ См.: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. М., 1980. С. 14; См.: Бабаев В.К. Теория государства и права. М., 2014. С. 213; Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, Саратовская гос. акад. права, 2010. С. 83; Стариков Ю.Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 29–45; Фетюков Ф.В. Право как средство обеспечения эффективного функционирования государства и гражданского общества // Политика и общество. 2017. № 4. С. 104–120 и др.

¹²² См.: Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., Статут, 2013. С. 76.

¹²³ Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. Новосибирск. 2001. С. 16.

определенной *цели*. Как справедливо писал Г. Гегель «средство именно и есть то, что *ничего собою не представляет само по себе* (выделено нами: М.С.), а лишь ради другого и в этом другом имеет свое определение и свою ценность»¹²⁴.

В этой связи следует подчеркнуть, что, безусловно, правовые режимы, субъективные права, юридические обязанности, запреты, поощрения, льготы, иммунитеты и другие юридические категории обладают *разной* природой и *разным* содержанием. Вместе с тем, всех их *органично* может объединить один общий знаменатель – направленность на достижение установленной *цели* правового регулирования общественных отношений. Именно в преломлении к достижению поставленной юридической цели все вышеперечисленные институциональные образования и становятся *юридическим средством* – категорией, представляющий собой естественный и необходимый общий знаменатель для всех тех правовых явлений, которые служат достижению цели.

Ружье, граната и копье – разные по своему функционалу, форме и иным характеристикам предметы. Но органично объединяет их то, что они являются *средствами* обороны, т.е. служат достижению общей *цели*. Почему же следует отказывать *юридическим* (правовым) институциональным явлениям в такой важнейшей их обобщающей характеристике, как способности выступать юридическим средством в достижении цели, поставленной в процессе правового регулирования общественных отношений?

Как справедливо пишет М.А. Куликов, юридическая цель – это «созданная государством или им санкционированная модель определенного социального состояния, процесса или явления, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений»¹²⁵.

¹²⁴ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 7. М.; Л., 1929. С. 167.

¹²⁵ См.: Куликов М.А. Юридические цели: понятие и признаки // Юрист. 2022. № 4. С. 64.

Функционирование самого механизма правового регулирования, в котором объединены различные по своей природе, функционалу, содержанию и потенциалу юридические средства предопределено достижением определенных юридических целей, что и является общим знаменателем для всех, перечисленных выше институциональных правовых явлений.

Чем более разнородные институциональные правовые явления сможет субъект правотворчества или правоприменения объединить в единый механизм правового регулирования ради достижения поставленной цели, тем более уникальным и *эффективным* будет данный механизм, превращая обозначенные институциональные образования в юридические средства, позволяющие достичь поставленной цели и добиться определенного социально значимого результата.

Изложенное и объясняет уникальность, востребованность и безграничный потенциал инструментальной теории права, которая позволяет анализировать правовые категории, явления и институты через призму их *регулятивного* потенциала, такого их качества, как способности выступить *юридическим средством* в достижении поставленных целей, а, значит, и через призму их способности быть полезными и социально обусловленными инструментами в решении злободневных проблем, актуальных для личности, общества и государства.

Несмотря на то, что юридические средства – в известном смысле собирательное понятие, вполне возможно вычленив их собственную природу и специфические признаки. Отношение как философская категория – собирательное понятие, включающее в себя, в том числе и правоотношение; правоотношение – также собирательное понятие, включающее в себя гражданско-правовые, уголовно-правовые, административно-правовые и иные виды правоотношений.

Юридическая цель, правовой акт, реализация права, само право – также «собирательные» понятия и, следуя логике авторов, им также надо отказать в собственной природе и отсутствии специфических признаков, т.к. они

объединяют правовые явления, каждое из которых уже имеет свою собственную природу и признаки.

Считаем, что приведенная выше характеристика природы юридических средств с позиции их институциональности (институционности) как явлений и форм правовой действительности (С.С. Алексеев, В.А. Сапун и др.) является вполне обоснованной и справедливой. Вместе с тем, нельзя не отметить, что существует и **второй подход** к объяснению сущности юридических средств, который во многом противоположен изложенной позиции и также является достаточно распространенным в юридической доктрине. Так, наиболее яркий его представитель и, во многом, основоположник – Б.И. Пугинский считает, что юридические средства в широком смысле – это «сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектом с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества», а в узком смысле - «юридические способы решения субъектами соответствующих задач, достижения своих целей (интересов)»¹²⁶.

Другими словами, Б.И. Пугинский рассматривает юридические средства как юридически значимые *действия*, как юридические *способы* реализации интересов участников правоотношений. Подобного подхода придерживается и Б.И. Минц, определяя юридические средства как выработанные юридической практикой *действия*, варианты *поведения* участников правоотношений в процессе реализации права¹²⁷.

Таким образом второй подход заключается в том, что юридические средства рассматриваются исключительно как поведение участников правоотношений, позволяющее им добиться поставленных целей и, таким образом, реализовать свой правомерный интерес.

¹²⁶ См.: Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., Юрид. лит., 1984. С. 87.

¹²⁷ См.: Минц Б.И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Правоведение. 1983. № 2. С. 71.

Подобная позиция также видится нам весьма обоснованной, т.к. поведение участников правоотношений, которое и представляет собой, по большому счету, реализацию права, является юридически значимым, влечет правовые последствия и направлено на достижение конкретной цели.

Напрашивается вывод о том, что необходим синтез вышеприведенных позиций, которым и выступает **третий подход** к пониманию природы юридических средств, основоположником которого является А.В. Малько.

Юридические средства ученый определяет как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей¹²⁸.

Другими словами, А.В. Малько справедливо подчеркивает, что юридическое средство – это как определенный *инструмент* (установление), которым может являться субъективное право, свобода, законный интерес, льгота, поощрение и т.д., так и *действия* участников правоотношений (деяния, технологии), при помощи которых данные инструменты используются на практике, приводя к реализации интересов субъектов права и достижению установленных *целей* правового регулирования.

Данная точка зрения представляется наиболее обоснованной и полностью раскрывает природу юридического средства без искусственного ограничения смысла и объема исследуемой категории. Справедливо звучит мысль А.В. Малько о том, что и само право можно оценивать как средство (инструмент) для разрешения практически значимых задач общества, для удовлетворения интересов людей, и что юридические средства унифицируют все те явления, из которых состоит право¹²⁹.

В отмеченной связи И.В. Цветков верно подчеркивает, что юридические средства являются как продуктом (результатом) человеческого

¹²⁸ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany, 2012. С. 28.

¹²⁹ Там же. С. 22-26.

труда, так и средством дальнейшего труда¹³⁰, подтверждая мысль о том, что юридические средства обладают дуалистической природой и могут выступать как установлениями, инструментами, институциональными образованиями, так и деяниями, поведением, технологиями.

Вместе с тем, следует согласиться и с М.А. Куликовым, который, критически осмысливая дефиницию юридических средств, данную А.В. Малько, отмечает, что юридические средства не всегда могут обеспечить достижение социально полезных целей, а лишь могут быть направлены на их достижение, и что интересы субъектов права удовлетворяют не столько юридические средства, сколько достигаемые при их помощи конкретные юридические цели¹³¹.

Таким образом, считаем, что **юридическое средство** – это правовое институциональное установление (инструмент), либо поведение участника правоотношения (деяние, технология), направленные на достижение юридической цели и удовлетворение правомерного интереса.

Полагаем обоснованным выделять следующие признаки юридических средств. Любое юридическое средство, вне зависимости от того, какое правовое явление оно представляет собой:

- направлено на достижение юридической цели;
- является способом реализации интересов участников правоотношений;
- либо напрямую устанавливается государством, либо им санкционируется.

Следует также отметить, что юридические средства направлены на устранение препятствий, стоящих на пути реализации интересов субъектов права, и, сочетаясь определенным образом в механизме правового регулирования, создают определенные правовые режимы, в том числе и режим

¹³⁰ См.: Цветков И.В. О понятиях «правовая работа» и «правовое средство» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 3. С. 42-60.

¹³¹ См.: Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023. С. 80.

правового обеспечения каких-либо значимых интересов, процессов или явлений.

Именно в юридических средствах проявляется регулятивный потенциал права, его способность выступать регулятором общественных отношений, а также способность создавать и своевременно использовать юридические средства в достижении поставленных целей характеризует эффективность как органов публичной власти, так и иных участников правоотношений.

Наличие юридических средств-установлений (нормативно-правовых актов, правовых режимов, субъективных прав, юридических обязанностей, запретов, наказаний, льгот, поощрений, рекомендаций и т.д.), равно как эффективное их использование на практике в зависимости от обстоятельств и характера поставленной цели (речь идет о юридических средствах-деяниях) характеризует *правовое обеспечение* интересов личности, общества и государства и саму способность права обеспечить их гармоничное сосуществование.

Анализ как научной литературы относительно различных аспектов использования юридических средств и оценки их эффективности, так и действующего законодательства во многом подтверждает высказанную нами точку зрения. Так, Ю.Б. Батурина подчеркивает, что юридические средства являются деятельностно-институциональным образованием, показывающим функционально-динамическую сторону правовых явлений и права в целом¹³².

Вне категории юридическое средство было бы невозможным продемонстрировать регулятивный потенциал права, найти призму исследования регулятивно-динамической, регулятивно статической и охранительной функций права, которые аккумулируют потенциал различных по своей природе юридических средств в достижении целей правового регулирования и социально-значимых результатов.

¹³² См.: Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 120.

Данная мысль находит как *прямое*, так и *косвенное* подтверждение в работах многих ученых, в том числе и представителей отраслевых юридических наук, что подтверждает значимость и междисциплинарный характер изложенных нами выводов. Так, не анализируя непосредственно природу юридических средств, В.Г. Голубцов рассматривает темпоральные коллизионные *нормы* как юридическое средство преодоления временных противоречий между правовыми нормами (т.е. ситуацию, при которой одно юридическое средство, которым выступает норма права, повышает эффективность других юридических средств)¹³³.

Ведя речь об *уголовно-правовых средствах* противодействия коррупции, О.В. Журкина и Е.О. Филиппова анализируют «средства как нормативного, так и организационного характера», уделяя внимание не только закрепленным в законодательстве мерам уголовно-процессуального принуждения (средствам-установлениям), но и мерам профилактики коррупционных правонарушений, среди которых, авторы выделяют рабочие встречи сотрудников правоохранительных органов, проходящие на регулярной основе (средства-деяния)¹³⁴. Аналогичная позиция разделяется В.П. Сальниковым и другими учеными¹³⁵.

Если, анализируя правовые средства совершенствования федерального государственного контроля в сфере миграции И.В. Плюгина делает акцент на институциональных юридических средствах (тем не менее, подчеркивая важность их эффективного использования на практике)¹³⁶, то говоря о противодействии миграционной преступности, В.П. Сальников, Г.Н. Крижановская, Д.В. Кривоносова, М.Ф. Костюк, Е.В. Кунц, А.Г. Хабибулин,

¹³³ См.: Голубцов В.Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 20-33.

¹³⁴ См.: Журкина О.В., Филиппова Е.О. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 24-28.

¹³⁵ См.: Сальников В.П. Институализация коррупционных взаимодействий - угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. 2006. № 1. С. 6-11.

¹³⁶ См.: Плюгина И.В. Правовые средства совершенствования федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 89-102.

В.Н. Анищенко и ряд других ученых анализируют как нормативно-правовые акты (средства-установления), так и направления государственной политики (средства-деяния), способствующие снижению числа преступлений среди мигрантов¹³⁷.

Достаточно весомым и очевидным аргументом в поддержку дуалистической природы юридического средства выступает обоснованная позиция, заключающаяся в том, что аналогия закона и аналогия права – также весьма распространенное юридическое средство разрешения споров и коллизий¹³⁸.

Категория «юридическое средство» используется в научной литературе и во многих других контекстах. Так, А.А. Копина исследует юридические средства реализации функций налогов¹³⁹, в качестве юридического средства обеспечения интересов участников хозяйственных обществ О.И. Гентовт рассматривает ограничение корпоративных прав субъектов правоотношений¹⁴⁰, а М.В. Бызова и В.С. Калашников анализируют правовые средства прокурора, используемые в противодействии легализации преступных доходов¹⁴¹.

Дуалистическая природа юридических средств, равно как и их многообразие, предопределяет различные критерии, которые могут быть положены в основу классификации рассматриваемой категории.

Помимо обоснованной выше классификации на средства-установления и средства-деяния, в зависимости от *отраслевой принадлежности*

¹³⁷ См.: Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Правовые средства противодействия миграционной преступности // Миграционное право. 2022. № 3. С. 22 – 24; Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Политико-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в условиях трансформации монополярного мироустройства // Миграционное право. 2022. № 3. С. 17–21; Сальников В.П., Кривоносова Д.В., Крижановская Г.Н. Миграционная политика и суверенитет государства // Миграционное право. 2023. № 1. С. 21–23.

¹³⁸ См.: Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16-19.

¹³⁹ См.: Копина А.А. Правовые средства реализации функций налогов на современном этапе // Налоги. 2023. № 3. С. 9-14.

¹⁴⁰ См.: Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. Москва, Статут, 2022. 214 с.

¹⁴¹ См.: Бызова М.В., Калашников В.С. Противодействие легализации преступных доходов: правовые средства прокурора и правоприменительная практика // Законность. 2023. № 7. С. 32-37.

юридические средства могут быть гражданско-правовыми, уголовно-правовыми, конституционно-правовыми и т.д.

В зависимости от *характера* юридические средства можно подразделить на материально-правовые (субъективное право, юридическая обязанность и т.д.) и процессуально-правовые (подача иска, допрос свидетеля и и.д.).

В зависимости от *вида информационно-психологического воздействия* на поведение участников правоотношений юридические средства можно подразделить на стимулирующие (льгота, поощрение) и ограничивающие (запрет, наказание). При этом также следует иметь в виду и диалектику сосуществования стимулирующих и ограничивающих средств в механизме правового регулирования, заключающуюся в том, что любой стимул может позитивно ограничивать, равно как и ограничение – негативно стимулировать (в чем и заключается парность данных категорий)¹⁴².

В зависимости от *функционального назначения* можно выделить регулятивные (субъективные права, юридические обязанности и др.) и охранительные (гарантии, меры наказания и др.) юридические средства. Вместе с тем, в этом контексте следует сделать оговорку о том, что данные два вида юридических средств тесно переплетены между собой и, как верно подчеркивается в литературе, регулятивные юридические средства, такие как дозволения, запреты и обязывания в то же самое время лежат в основе любых охранительных средств, таких как, например, наказание, штраф, иск и т.д.¹⁴³

В зависимости от *степени сложности* представляется обоснованным выделять, соответственно, простые и сложные юридические средства. Если к простому средству можно отнести запрет, штраф, субъективное право и т.д., то к сложному – определенную их систему (институт или отрасль права,

¹⁴² Подробнее см.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany, 2012. С. 240-262; Куликов М.А. Диалектическая природа стимулирующих юридических средств или почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 31-35.

¹⁴³ См.: Куликов М.А. Сущность и природа юридических средств // Юридический мир. 2022. № 8. С. 26-30.

режим правового обеспечения и т.д.). Следует подчеркнуть, что во многом эффективность правового средства определяется их использованием в системе, в составе механизма правового регулирования.

Выделяются постоянные и временные юридические средства, а также юридические средства, порождающие обычные и «исключительные последствия»¹⁴⁴.

Полагаем, что в рамках анализа системных, многоаспектных объектов правового регулирования, таких как, к примеру, национальная безопасность России, суверенитет государства, развитие определенных сфер общественной жизни и т.д., целесообразно классифицировать юридические средства на правотворческие, правоприменительные и правоинтерпретационные.

Данная классификация, по нашему мнению, обладает рядом преимуществ.

Во-первых, она позволяет проанализировать и оценить эффективность деятельности как различных *органов публичной власти* (субъектов правотворчества, правоохранительных органов и т.д.), так и иных участников правоотношений.

Во-вторых, данная классификация позволяет оценить системность, последовательность и научную обоснованность различных *видов деятельности* (правотворчества, применения и толкования права), в которой могут быть задействованы различные субъекты. К примеру, правотворческие средства обеспечения национальной безопасности делают возможной оценку эффективности и последовательности деятельности в сфере охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ и других органов исполнительной власти Российской Федерации, органов государственной власти регионального уровня, а также представительных и иных органов местного самоуправления.

¹⁴⁴ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, Germany, 2012. С. 28-30.

Изучение правоприменительных средств обеспечения национальной безопасности позволяет проанализировать властную деятельность самых различных структур федерального, регионального и местного уровней, включая деятельность правоохранительных и судебных органов, направленную как на исполнение нормативно-правовых актов, так и на пресечение и профилактику правонарушений.

Исследование правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности позволит оценить не только развитие юридической доктрины, но и информационную, воспитательную, обучающую и иную правовую политику в рассматриваемой сфере, осуществляемую самым разным кругом субъектов.

Таким образом, при помощи правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств можно оценить последовательность и эффективность соответствующей государственной стратегии или правовой политики, увидеть системность или отсутствие таковой в правовом обеспечении объектов правового регулирования. Данная методология позволяет в рамках юридического анализа провести как *субъектный*, так и *функциональный анализ* правового регулирования любой из сфер общественных отношений.

Подводя итог, отметим, что исследование юридических средств, равно как и инструментальная теория права в целом, является *наиболее перспективной* призмой изучения как правового регулирования общественных отношений, так и регулятивного потенциала самого права.

В современных реалиях инструментальная теория права позволяет оценить эффективность правового обеспечения как национальной безопасности России в целом, так и отдельных национальных интересов государства, равно как и деятельность конкретных субъектов государственного управления в рассматриваемой сфере. Анализ правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности, органично сочетающих в себе

средства-установления и средства-деяния, позволяет полноценно исследовать как статическую, так и динамическую функции права в преломлении к обеспечению интересов личности, общества и государства.

2.2. Правотворческие средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации требует не только концентрации усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества, равно как и отдельных граждан, но и проведение системной, научно обоснованной и отвечающей современным вызовам государственной политики в различных сферах общественной жизни.

Полагаем, что национальные интересы Российской Федерации, под которыми официально понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства не только в безопасности, но и устойчивом развитии, выступают *самой широкой категорией*, которая когда-либо являлась объектом правового обеспечения.

Исходя из официальных дефиниций, содержащихся в п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, правовое обеспечение национальной безопасности тождественно правовому обеспечению защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, что, в свою очередь, тождественно правовому обеспечению удовлетворения объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии¹⁴⁵. Полагаем, что вряд ли существует объект правового обеспечения, который может быть шире, нежели разнообразные и динамично развивающиеся, пусть даже и объективно значимые, потребности как отдельной личности, так общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

¹⁴⁵ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Таким образом, правовое обеспечение национальной безопасности представляется предельно сложной и многоаспектной деятельностью, эффективность которой полностью зависит от той системы юридических средств, которую предполагается использовать в решении данной задачи.

Правотворческие средства являются *основой* обеспечения национальной безопасности, т.к. они определяют те правила, механизмы, технологии и направления, которым будут обязаны следовать все субъекты, имеющие отношение к содействию реализации национальных интересов.

При анализе правотворческих средств обеспечения национальной безопасности будем исходить из того, что правотворчество – это деятельность компетентных субъектов по принятию, изменению или отмене юридических норм. С не меняющими сущность данного понятия вариациями правотворчество определяют как *процесс*, в результате которого появляются нормативно-правовые акты, в которых содержатся нормы права¹⁴⁶, как деятельность государственных органов, негосударственных структур и граждан в ходе референдума по принятию, изменению или отмене юридических норм¹⁴⁷.

Именно правотворчество является важнейшим направлением деятельности органов публичной власти и иных компетентных субъектов, нацеленной на удовлетворение объективно значимых потребностей личности, общества и государства (которые, в свою очередь, выступают важнейшим *правообразующим фактором*) посредством создания, изменения или отмены юридических норм.

Вместе с тем в научной литературе встречаются и не всегда обоснованные точки зрения относительно содержания правотворческого процесса.

¹⁴⁶ См., например: Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М., Норма: ИНФРА-М, 2003. С. 319.

¹⁴⁷ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХИГС, 2017. С. 296.

К примеру, А.М. Багмет и Е.И. Бычкова полагают, что муниципальное правотворчество представляет собой вид деятельности «по созданию, изменению и отмене муниципальных правовых актов (как нормативного, так и *не нормативного характера* (выделено нами: М.С.), действующих в пределах территории муниципального образования»¹⁴⁸. Данная позиция противоречит самой сути правотворчества как деятельности по принятию, изменению или отмене правовых *норм*, ведь *ненормативные* правовые акты потому и являются ненормативными, т.к. не содержат в себе норму права.

Несмотря на то, что правотворчество является квинтэссенцией правообразования¹⁴⁹, его заключительной и наиболее ответственной стадией, и зачастую отражает позицию, интересы, саму деятельность субъектов применения и толкования права, иных компетентных органов, тем не менее, оно не может в силу своей сути представлять нечто иное, нежели создание юридических норм.

В отмеченной связи несколькостораживает достаточно расхожее словосочетание «судебное правотворчество», которое употребляется не только в контексте создания юридических норм в процессе официального *толкования* права Конституционным Судом РФ или Верховным Судом РФ¹⁵⁰ (что само по себе является весьма спорным), но и в тесной связке с правоприменительной деятельностью различных судебных инстанций.

Другими словами, правотворческий процесс как итог правообразования отражает различные виды юридической, равно как и неюридической практики, однако не становится в силу лишь этого факта ей тождественным.

¹⁴⁸ Багмет А.М., Бычкова Е.И. Муниципальное правотворчество: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 61.

¹⁴⁹ См.: Афанасьев В.С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 5; Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2010. 529 с.

¹⁵⁰ См.: Гребнев Р.Д. К вопросу о судебном правотворчестве в контексте судостроительства Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 3-7.

Диалектика сосуществования интересов личности, общества и государства является важнейшим фактором, детерминирующим естественно-исторический процесс правообразования, и она же продолжает предопределять правотворчество, направленное на *формализацию* способов данного сосуществования ради максимально возможного удовлетворения объективно значимых потребностей каждого из субъектов обозначенной триады.

Исходя из обоснованного выше понимания юридических средств как правового явления, которое может представлять собой как институциональное установление (инструмент), так и деяние (технология), сфокусируемся на сущности и содержании правотворческих средств обеспечения национальной безопасности.

Под **правотворческими средствами** обеспечения национальной безопасности предлагаем понимать деятельность компетентных субъектов по созданию юридических норм, равно как сами юридические нормы и содержащиеся в них институциональные установления (инструменты), направленные на охрану, защиту и гарантированную реализацию национальных интересов Российской Федерации, а также содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

Опираясь на инструментальную теорию права в том, что и само правотворчество является важнейшим юридическим средством, выделим ключевые *элементы содержания* правотворческого средства обеспечения национальной безопасности.

Во-первых, правотворческим средством обеспечения национальной безопасности является формально-определенная юридическая норма, закрепленная в конкретном нормативно-правовом акте.

Во-вторых, содержащиеся в правовой норме инструменты (установления), также являются правотворческим средством (запрет, обязанность, субъективное право, льгота, исключение, иммунитет, привилегия и т.д.).

В-третьих, сама деятельность субъектов правотворческого процесса, направленная на создание нормативно-правового акта, также должна быть отнесена к правотворческому средству, ведь правотворческий *процесс*, не являющийся одномоментным актом рождения юридической нормы, представляет собой важнейшую форму выявления, учета и оценки объективно значимых потребностей и интересов личности, общества и государства, а также отражения их в общеобязательном правиле поведения.

Итак, выделим наиболее существенные **признаки** правотворческого средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Данное средство:

1. направлено на достижение такой *цели*, как обеспечение охраны, защиты и создания гарантий реализации национальных интересов Российской Федерации посредством принятия, изменения или отмены юридических норм. Безусловно, данная цель является общей, стратегической для всех правотворческих средств, однако именно она предопределяет как значимость конкретного средства, так и возможность его отнесения к *правотворческим* средствам обеспечения национальной безопасности;

2. координирует правоотношения самого широкого круга субъектов, но создается (или представляет собой деятельность) *исключительно субъектом правотворчества*;

3. направлено на *неперсонифицированный* круг лиц, что, естественно, не означает того, что оно не имеет своего адресата;

4. представляют собой как саму *деятельность* в рамках правотворческого процесса, так и ее *результат* – принятие, изменение или отмену юридической нормы.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что правотворческие средства обеспечения национальной безопасности, взятые в единстве и системе, представляют собой *правотворческую форму реализации* такой функции государства, как обеспечение национальной безопасности.

Данный вывод не позволяет согласиться с утверждением о том, что к правотворческим средствам, способствующим достижению функций государства «следует отнести ориентированные на это правовые нормы и индивидуально-правовые предписания, нормативные правовые и правоприменительные, распорядительные и интерпретационные, контрольно-надзорные и иные правовые акты»¹⁵¹. Д.М. Степаненко, автор приведенной цитаты, ведет речь об инновационной функции государства и технико-юридических *правотворческих* средствах ее обеспечения, что, тем не менее, сути не меняет и не позволяет считать обоснованным отнесение к правотворческим средствам индивидуально-правовых предписаний, правоприменительных, интерпретационных и иных *правовых* актов.

Следующим проблемным аспектом, на котором считаем необходимым заострить внимание, выступает соотношение таких понятий, как «правотворческое средство» и «средство правотворческой политики».

Полагаем, что данные понятия не являются тождественными. Правотворческая политика – одна из важнейших разновидностей правовой политики, под которой обоснованно понимают научно-обоснованную, планомерную и системную деятельность, направленную, прежде всего, на *создание условий*, необходимых для эффективного правотворчества¹⁵². Создание данных условий предполагает использование самых разных как юридических, так и политических, финансово-экономических, информационных, организационных и иных средств, согласованное использование которых приведет к тому, что правотворческая деятельность будет эффективной, оперативной и адекватно отражающей интересы личности, общества и государства.

В отмеченной связи к средствам правотворческой политики вполне уместно отнести как правоприменительную, так и правоинтерпретационную,

¹⁵¹ См.: Степаненко Д.М. Инновационная функция государства: технико-юридические аспекты реализации // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 5-7.

¹⁵² См.: Романов И.Б. Правотворческая политика современного демократического государства: понятие, принципы, стратегия и тактика // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 32.

воспитательную, образовательную и иную деятельность органов публичной власти и институтов гражданского общества.

Таким образом, средство правотворческой политики – понятие, не совпадающее с правотворческим средством ни по объему (первое – шире второго), ни по содержанию (если средство правотворческой политики направлено на создание условий для эффективного правотворчества, то правотворческое средство - это уже результат правотворческой деятельности, либо сам процесс правотворчества, создающий определенные юридические последствия).

Полагаем, что последний тезис нуждается в определенном уточнении. Если аргумент о том, что правотворческим средством обеспечения национальной безопасности является юридическая норма или нормативно-правовой акт в целом как результат правотворчества достаточно очевиден, то аргумент о правотворческой деятельности (самом процессе) как юридическом средстве обеспечения национальной безопасности нуждается в дополнительном обосновании и иллюстрации.

В качестве примера можно использовать стадии законодательного процесса и, в частности, процедуру *чтений* законопроекта в Государственной Думе РФ. Каждое из чтений – это строго регламентированная процедура (деятельность депутатов) обсуждения законопроекта, направленная, в итоге, на его улучшение, устранение возможных неточностей или противоречий. Другими словами, данная деятельность имеет правовые последствия и ее результат непосредственным образом затронет реализацию интересов личности, общества и государства, что и дает основания отнести обозначенную процедуру к правотворческим средствам.

Исследование *видов* правотворческих средств обеспечения национальной безопасности позволит глубже понять их природу, сущность и потенциал, в связи с чем полагаем значимым предложить их авторскую **классификацию**, которая углубляет предложенную выше классификацию юридических средств в целом.

Начать следует с того, что п. 26 Стратегии национальной безопасности РФ гласит, что «обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации *усилий* и *ресурсов* (выделено нами – М.С.) органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов...»¹⁵³, устанавливая, соответственно, девять таких приоритетов.

Данное положение позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, не в полной мере корректно звучит фраза «обеспечение и защита» национальных интересов, т.к., в силу изложенных ранее тезисов, обеспечение национальных интересов уже предполагает их защиту.

Во-вторых, к средствам обеспечения национальной безопасности Указом Президента РФ справедливо отнесены как ресурсы (инструменты), так и усилия (деяния) различных субъектов.

В-третьих, обозначенные стратегические национальные приоритеты являются важнейшим *классификационным основанием* любых средств, направленных на обеспечение национальной безопасности, в том числе и правотворческих.

Реализация стратегических национальных приоритетов и является формой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, о чем прямо говорится в Стратегии, в связи с чем правотворческие средства могут и, согласно заложенному в официальный документ смыслу, должны быть классифицированы в зависимости от того, на *реализацию какого стратегического приоритета* они направлены.

Таким образом, правотворческие средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в зависимости от стратегического национального приоритета могут быть направлены на: - сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; - оборону страны; -

¹⁵³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

государственную и общественную безопасность; - информационную безопасность; - экономическую безопасность; - научно-технологическое развитие; - экологическую безопасность и рациональное природопользование; - защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; - стратегическую стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Безусловно, вряд ли можно привести пример закона или подзаконного акта, который был бы направлен исключительно на реализацию одного из перечисленных приоритетов и при этом не затрагивал целый ряд других, тем более, что такой приоритет, как «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» является определяющим практически для любого нормативно-правового акта. Вместе с тем, данное обстоятельство не отменяет обозначенного классификационного основания, но свидетельствует о том, что многие правотворческие средства носят *комплексный характер* и содействуют реализации нескольких стратегических национальных приоритетов.

Так, в Послании Президента Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. В.В. Путин подчеркнул, что «сбережение народа России - наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры»¹⁵⁴.

Сбережение народа России как ключевой национальный интерес России во внешнеполитической сфере нашел отражение в Указе Президента РФ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 № 229¹⁵⁵, предопределив как правотворческую, так и правоприменительную, правоинтерпретационную, правообучающую и другие разновидности деятельности компетентных субъектов в этом направлении.

¹⁵⁴ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Российская газета. 22.04.2021. № 87.

¹⁵⁵ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

Именно сбережение народа России обозначено в качестве стратегического приоритета в Постановлении Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»¹⁵⁶ и ряде других нормативно-правовых актов.

Вместе с тем, обозначенные выше нормативно-правовые акты, что очевидно, направлены на реализацию и других стратегических национальных приоритетов как в сфере стратегической стабильности и взаимовыгодного международного сотрудничества, так и в сфере научно-технологического развития, а также защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Тем не менее, по нашему мнению, обозначенные стратегические национальные приоритеты выступают не только вектором развития правотворчества, но и предполагают особые правотворческие средства для своей реализации, что и позволяет их выделить в качестве особого классификационного основания для видовой характеристики правотворческих средств обеспечения национальной безопасности.

Следующим основанием классификации правотворческих средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации может служить *субъект* их принятия (создания).

В зависимости от субъекта принятия правотворческие средства обеспечения национальной безопасности могут подразделяться на законы, подзаконные акты, акты органов местного самоуправления и корпоративные нормативно-правовые акты.

Следует отметить, что если федеральное и региональное правотворчество как средство обеспечения национальной безопасности стало предметом достаточно детального анализа, то об исследовании муниципального и корпоративного правотворчества этого сказать нельзя.

¹⁵⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 08.12.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (Часть II). Ст. 375.

Вместе с тем, нормативно-правовые акты органов местного самоуправления играют важнейшую роль в обеспечении национальной безопасности, т.к. в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ к полномочиям органов местного самоуправления отнесен самый широкий круг вопросов, включая вопросы пожарной безопасности, безопасности дорожного движения, общественной безопасности и т.д. Муниципальные образования участвуют в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и ликвидации последствий данных преступлений, создают условия для межнационального и межконфессионального согласия, сохранения и развития языков и культур народов Российской Федерации, проживающих в границах соответствующих муниципальных образований и т.д.¹⁵⁷

Кроме того, в общетеоретическом анализе с позиций обеспечения национальной безопасности нуждается корпоративное правотворчество, т.к. в условиях неблагоприятной международной обстановки актуализируются два взаимосвязанных аспекта: корпоративная защита как важнейший элемент общенациональной системы безопасности и роль самого российского бизнеса в минимизации рисков и угроз национальной безопасности Российской Федерации¹⁵⁸.

Говоря о данном классификационном основании, следует оговориться, что субъект принятия соответствующего правотворческого средства обеспечения национальной безопасности далеко не во всех случаях является субъектом его применения, использования на практике.

В зависимости от *информационно-психологической направленности* правотворческие средства обеспечения национальной безопасности могут

¹⁵⁷ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁵⁸ См.: Гасумянов В.И. Корпоративная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретические аспекты // Власть. 2018. № 1. С. 7-21.

быть либо стимулирующими, либо ограничивающими. Если стимулирующие правотворческие средства призваны создать режим благоприятствования удовлетворению определенных интересов, то ограничивающие – сдерживать противоправную активность, демотивировать участников правоотношений к совершению каких-либо действий.

Так, ст. 81 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ предусматривает ряд мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни и санитарно-гигиенического просвещения населения, разрабатывая соответствующие стимулирующие правотворческие средства (к примеру, государственные гарантии бесплатного оказания гражданам медицинской помощи)¹⁵⁹.

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ содержит специальную главу 4.1. – «Государственная поддержка инновационной деятельности», в которой предусматриваются такие формы поддержки, как предоставление льгот по уплате налогов, сборов и таможенных платежей, предоставление образовательных услуг, информационной поддержки, формирование спроса на инновационную продукцию и т.д.¹⁶⁰ А в ст. 48 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ идет речь о мерах «стимулирования добросовестности», в том числе за счет нематериального поощрения «добросовестных контролируемых лиц»¹⁶¹ и др.

К ограничивающим правотворческим средствам можно отнести установленный в ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации,

¹⁵⁹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁶⁰ См.: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 26.08.1996. № 35. Ст. 4137.

¹⁶¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ запрет на распространение среди детей информации, побуждающей их к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и здоровью, способную вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные или одурманивающие вещества, табачные изделия, пропагандирующую либо демонстрирующую нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения, способную вызвать у детей желание сменить пол и т.д.¹⁶²

Как справедливо указывает А.В. Малько, с точки зрения информационно-психологической направленности любое юридическое средство, в том числе и правотворческое, представляет собой либо стимул, либо ограничение, что заложено в двоичной структуре самой информации¹⁶³.

В зависимости от *характера вызовов и угроз* национальной безопасности, можно выделить правотворческие средства, направленные на предотвращение внешних или внутренних вызовов и угроз.

К примеру, предусмотренные Федеральным законом «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ меры военного планирования, закрепление полномочий и функций органов государственной власти Российской Федерации в области обороны направлены, прежде всего, на устранение внешних опасностей и угроз целостности и неприкосновенности территории государства¹⁶⁴.

Правотворческие средства, направленные, к примеру, на борьбу с безработицей, укрепление финансовой стабильности, улучшение качества окружающей природной среды, обеспеченность организаций топливно-энергетического комплекса трудовыми ресурсами, в особенности высококвалифицированными кадрами и др. можно отнести ко второй группе средств.

¹⁶² См.: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 48.

¹⁶³ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Germany, 2012. С. 19.

¹⁶⁴ См.: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.

Вместе с тем, насколько относительным является вопрос о самостоятельности или обособленности таких сфер общественной жизни, как внутренняя и внешняя национальная безопасность, настолько и относительным будет соответствующее деление правотворческих средств, ее обеспечивающих, но, тем не менее, сохраняющим свою актуальность в качестве классификационного основания.

Полагаем уместным к классификации правотворческих средств национальной безопасности применить и такой традиционный критерий, как *время их действия*, подразделив, соответственно, на постоянные и временные. Так, к временным правотворческим средствам можно отнести юридические нормы, регламентирующие, к примеру, временные ограничения реализации туристских продуктов в отношении ряда стран в интересах безопасности российских граждан или специальные временные экономические меры в отношении отдельных государств¹⁶⁵.

Исследование правотворческих средств обеспечения национальной безопасности позволяет нам сформулировать *ряд ключевых вопросов*, ответы на которые позволят не только существенно повысить эффективность их использования в достижении весьма актуальных практических целей, но и наметить пути решения некоторых общетеоретических проблем, связанных с инструментальной призмой изучения правотворчества.

В силу того, что ядро национальной безопасности – это состояние защищенности национальных *интересов*, а национальные интересы, в свою очередь – это (согласно закреплённой в Указе Президента позиции) объективно значимые *потребности* личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, то в связи с изложенным, возникает *ключевой вопрос* – как данные потребности и интересы субъектам правотворчества максимально полно выявить и учесть в своей деятельности?

¹⁶⁵ См.: Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 (ред. от 25.07.2019) «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» // Собрание законодательства РФ. 30.11.2015. № 48 (часть II). Ст. 6820.

Проблема отражения интересов личности, общества и самого государства в правотворчестве для юридической доктрины далеко не нова¹⁶⁶, однако общепризнанных и действенных механизмов учета и отражения данных интересов не так много.

Полагаем, что для любого субъекта правотворчества наиболее значимым является поддержание прямого контакта как с населением. В отдельных случаях формы данной связи с избирателями прямо установлены в законодательстве¹⁶⁷, в других - остаются инициативной, но важнейшей составляющей компетентности субъекта правотворчества.

Распространенными способами выявить актуальные интересы и потребности населения являются: личный прием граждан; рассмотрение жалоб, заявлений и обращений; встречи и собрания с избирателями и отдельными группами (категориями) населения; анализ результатов сходов граждан, выборов и референдумов; изучение правотворческих инициатив населения, публичных слушаний и обсуждений проектов нормативно-правовых актов, социологических опросов и т.д. Важно, чтобы субъект правотворчества мог оценивать вкусы и предпочтения различных возрастных категорий граждан, понимать увлечения по крайней мере больших социальных групп, начиная от культурных запросов и заканчивая потребительским спросом на отдельные товары и услуги и т.д.

Вместе с тем, изучение потребностей и интересов населения тесно связано с *другой проблемой*: как отразить в нормативно-правовых актах

¹⁶⁶ См., например: Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.; Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., Изд-во ЛГУ, 1984. 134 с.; Малько А.В. Законные интересы советских граждан. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 207 с.; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, изд-во Свердловского ун-та, 1990. 236 с.; Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125-135; Субочев В.В. Интерес и право: анализ взаимосвязи // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3. С. 59-63; Ядрихинский С.А. Законные интересы налогоплательщиков: теория и практика реализации, обеспечения, защиты. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. 66 с.; Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2025. С. 21-56.

¹⁶⁷ См.: Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.07.1999. № 28. Ст. 3466.

многообразие всех существующих правомерных стремлений граждан и общества и как *ранжировать* данные потребности и интересы по уровню значимости, приоритетности для обеспечения национальной безопасности.

В отмеченной связи корректно, но весьма *дискуссионно* звучит дефиниция национальных интересов как «объективно значимых» потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Возникают в достаточной степени гипотетические, но вполне актуальные вопросы: а) какие потребности считать *объективными* и какой критерий для этого использовать; б) кто вправе и полномочен считать какие-либо актуальные потребности личности, общества и государства не объективно значимыми и, следовательно, не являющимися национальными интересами?

Полагаем, что объективно значимыми потребностями в безопасности и устойчивом развитии являются такие потребности, удовлетворение которых позволяет обеспечить полноценное психофизиологическое развитие личности и прогресс в различных сферах жизнедеятельности социума, обеспечивая гармоничное сосуществование личности, общества и государства.

Оценка объективной значимости соответствующих потребностей личности, общества и государства зависит от многих факторов, большинство из которых имеет динамичный характер: текущей политической, социально-экономической и геополитической ситуации, запросов и ожиданий населения, способности и желания государства гарантировать реализацию определенных правомерных стремлений участников правоотношений и т.д.

Также полагаем, что важнейшим *критерием* того, является ли потребность объективно значимой, равно как и того, какие потребности могут претендовать на приоритетную реализацию, являются *традиционные духовно-нравственные ценности российского общества*¹⁶⁸.

¹⁶⁸ См.: Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Pro et Contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 30-37; Дерюгин А.А., Крижановская Г.Н. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как детерминанты безопасности государства // Нравственность и гуманизм

Если реализация потребности участника правоотношения противоречит традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества, часть из которых получила свое отражение в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809¹⁶⁹, то вряд ли такую потребность можно назвать объективно значимой, что тем не менее не означает того, что ее удовлетворение представляет собой противоправную активность и не является законным интересом ее носителя.

Несмотря на свою дискуссионность, понятие «объективная значимость потребностей» вполне применимо к их ранжированию и использованию в качестве критерия отнесения правомерного стремления к категории «национальный интерес», и подчеркивает многоаспектность национальной безопасности как объекта правового обеспечения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правотворческие средства выступают не только ведущим *способом* обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, но и являются важнейшей *формой* выявления, объективации и дальнейшей институционализации интересов личности, общества и государства.

2.3. Правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Анализ правоприменительной деятельности выступает важнейшим вектором научного поиска общей теории права и государства на протяжении

в праве и культуре. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2024. С. 154-160.

¹⁶⁹ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

нескольких десятилетий, в связи с чем данная форма юридической практики получила должное и всесторонне освещение.

Однако, применение права как «классической категории» правоведения продолжает вызывать научные дискуссии и порождает весьма актуальные вопросы. Полагаем, что исследование правоприменительных средств обеспечения национальной безопасности позволит не только выявить целый ряд подобных спорных аспектов, но и предложить ответы на некоторые из них.

Одним из первых дискуссионных *аспектов*, требующих своего разрешения в целях предстоящего анализа, является вопрос о том, выступает ли применение права прерогативой *исключительно* органов государственной власти или представляет собой особую деятельность обладающих специальными полномочиями субъектов правоотношений, круг которых выходит далеко за обозначенные выше пределы.

Так, В.К. Цечоев и А.Р. Швандерова считают, что применение права представляет собой рассмотрение дел исключительно уполномоченными государственными органами и должностными лицами и принятие решений, официально определяющих юридическое значение установленных обстоятельств дела¹⁷⁰. В признаках правоприменительной деятельности авторы дополнительно акцентируют внимание на том, что в отличие от других форм реализации права оно может осуществляться только специально уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами¹⁷¹.

Необходимо отметить, что подобная позиция в юридической литературе достаточно распространена. К примеру, И.Я. Дюрягин рассматривает применение права через призму государственно-властного индивидуального организующего воздействия на поведение людей¹⁷², с чем

¹⁷⁰ См.: Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права. М., Прометей, 2017. С. 196.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² См.: Дюрягин И.Я. Право и управление. М., Юрид. лит., 1981. С. 76-78.

созвучна позиция А.В. Аверина и Ю.А. Грозы, полагающих, что применение права является ответственной правореализационной деятельностью государства¹⁷³.

Вместе с тем, многие ученые менее категоричны в данном вопросе, и высказывают более широкую и взвешенную позицию. Так, Н.Н. Вопленко отмечает, что применение права представляет собой властную организационную деятельность «специально на это уполномоченных (выделено нами: М.С.) органов и должностных лиц по рассмотрению и разрешению юридических дел путем издания индивидуальных правовых предписаний на основе и во исполнение действующего законодательства»¹⁷⁴. Высказанная точка зрения подкрепляется аргументами, содержащимися и в других работах автора, где он, в частности подчеркивает, что способ правоприменения – это процессуально закрепленная организационно-правовая деятельность *специальных* субъектов, характеризующаяся однородностью действий по достижению целей властной реализации правовых норм¹⁷⁵.

Отсылка не только к государственным органам, но к более широкому кругу «специальных субъектов» связана с тем, что к способам (разновидностям) правоприменительной деятельности принято относить юрисдикционный, исполнительно-распорядительный, исполнительно-разрешительный, контрольно-надзорный и поощрительный¹⁷⁶, которые не могут «замыкаться» лишь на деятельности государственных органов.

Схожей точки зрения придерживаются А.В. Малько и Н.И. Матузов, отмечая, что применение права – это способ реализации права, связанный с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц¹⁷⁷. При

¹⁷³ См.: Аверин А.В., Гроза Ю.А. Правосудие и право. М., Юрлитинформ, 2020. С. 61.

¹⁷⁴ См.: Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград, ВолГУ, 2009. С. 401.

¹⁷⁵ См.: Вопленко Н.Н. Способы правоприменения: понятие и основные черты // Вестник ВолГУ. 2008. Серия 5. Выпуск 10. С. 35-36.

¹⁷⁶ См.: Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, ВолГУ, 2001. С. 28-29; Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, Среднеурал.кн. изд-во, 1973. С. 33-35.

¹⁷⁷ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 335.

этом ученые отмечают, что «в последнее время наряду с государственными учреждениями действует немало частных (нотариальные конторы, адвокатуры ... и т.д.), которые объективно создают здоровую конкуренцию и ограничивают былой монополизм в названных сферах»¹⁷⁸.

Полагаем, что субъектов правоприменительной деятельности не вполне обоснованно ограничивать лишь органами государственной власти. К их числу необходимо относить и *органы местного самоуправления*, которые согласно ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ наделены собственными полномочиями по решению вопросов местного значения¹⁷⁹ и обеспечения реализации прав и свобод граждан¹⁸⁰, и *адвокатские палаты*, решения которых обязательны для всех ее членов¹⁸¹, и *нотариальные палаты*, позиция о публично-правовых функциях которых закреплена как в «*Основах законодательства Российской Федерации о нотариате*»¹⁸², так и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»¹⁸³, и *корпоративные административно-распорядительные органы* и других субъектов.

Таким образом, полагаем обоснованным исходить из того, что *применение права* – это властно-императивная форма реализации права, представляющая собой осуществляемую в процедурно-процессуальной форме

¹⁷⁸ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 336.

¹⁷⁹ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁸⁰ См.: Мигущенко О.Н. Взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 3. С. 18-28.

¹⁸¹ См.: Ст. 29 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

¹⁸² См.: «*Основы законодательства Российской Федерации о нотариате*» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.

¹⁸³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства РФ. № 22. 01.06.1998. Ст. 2491.

деятельность уполномоченных субъектов, направленную на регулирование правоотношений посредством вынесения индивидуально-определенных правоприменительных актов.

Применение права – важнейшая *форма регулирования правоотношений*, не только опирающаяся на правовые нормы, но во многом предопределяющая эффективность как самого правотворчества, так и интерпретации правовых предписаний. Другими словами, правотворческая, правоприменительная и правоинтерпретационная деятельность являются неотъемлемыми элементами (стадиями) механизма правового регулирования, которые не только тесно связаны между собой, но и предопределяют эффективность и социальную обусловленность друг друга.

В этой связи правоприменительная деятельность выступает важнейшим *юридическим средством* обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, обеспечивая правовые условия и гарантии удовлетворения объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Вместе с тем, анализ правоприменительной деятельности как таковой через призму юридического средства обеспечения национальной безопасности *не тождественен* анализу правоприменительных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, на которых, учитывая изложенные выше аспекты, следует сфокусировать внимание.

Под **правоприменительным средством** предлагаем понимать как осуществляемую в процедурно-процессуальной форме деятельность уполномоченных субъектов, направленную на регулирование правоотношений посредством вынесения индивидуально-определенных правоприменительных актов, так и сами акты применения права, являющиеся результатом данной деятельности.

Именно правоприменительный акт, представляющий собой особую разновидность правового акта, исходящий от компетентного субъекта и направленный на властно-императивное регулирование общественных

отношений на основе нормы права и является основным правоприменительным средством, которое может представлять собой как официальный письменный документ, так и определенные действия (акты-деяния).

Помимо этого, к правоприменительному средству полагаем возможным отнести и сам правоприменительный *процесс*, направленный на издание правоприменительного акта, т.к. данный процесс и является тем юридическим средством (деянием), которое приводит к обозначенному юридически значимому результату. Более того, специфическая природа правоприменительного процесса, представляющая собой определенный синтез соблюдения, исполнения и использования права субъектом правоприменения позволяет выделить саму рассматриваемую деятельность в особое юридическое средство (правоприменительное средство).

Исходя из официального определения национальной безопасности как особого состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз, а самих национальных интересов как объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии¹⁸⁴, логично предположить, что правоприменительное средство обеспечения национальной безопасности и будет направлено на всемерное содействие реализации национальных интересов Российской Федерации.

Вместе с тем, подобная логическая конструкция порождает *вопрос* о том, а есть ли вообще какое-либо правоприменительное средство, которое было бы *не направлено* на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, ведь любой правоприменительный процесс и, следовательно, правоприменительный акт, имеет своей целью обеспечить такое властно-императивное воздействие на общественные отношения, которое бы всемерно содействовало удовлетворению объективно значимых

¹⁸⁴ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, представляющих собой сущностную основу национальных интересов?

Другими словами, возникает вопрос о том, как отграничить правоприменительное средство обеспечения национальной безопасности Российской Федерации от *прочих* правоприменительных средств и возможно ли это сделать в принципе?

Полагаем, что таким *критерием* может служить *направленность* правоприменительного средства на реализацию национальных интересов Российской Федерации, *прямо обозначенных* в п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и его *способность* содействовать достижению стратегических национальных приоритетов, изложенных в п. 26 обозначенного документа.

Таким образом, считаем целесообразным выделять следующие *признаки* правоприменительного средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Так, данное правоприменительное средство:

1. *направлено* на охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации;
2. *содействует* достижению стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Наличие данных двух признаков позволяет говорить о том, что конкретное правоприменительное средство не просто направлено на охрану и защиту субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, но еще и является средством обеспечения национальной безопасности России, содействуя гармоничному сосуществованию интересов личности, общества и государства.

Безусловно, национальная безопасность является *самым масштабным* объектом правового обеспечения, однако не всякое правоприменительное средство можно отнести к средствам, непосредственно направленным на ее

обеспечение. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что и обозначенный нами критерий также является во многом относительным.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что **правоприменительное средство обеспечения национальной безопасности Российской Федерации** – это как осуществляемая в процедурно-процессуальной форме деятельность уполномоченных субъектов, направленная на регулирование правоотношений посредством вынесения индивидуально-определенных правоприменительных актов, так и сами акты применения права, являющиеся результатом данной деятельности, направленные на охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации, а также содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

Полагаем, что правоприменительное средство обеспечения национальной безопасности Российской Федерации выполняет следующие специально-юридические *функции*:

- регулятивную (регулирует общественные отношения исходя из необходимости защиты национальных интересов и достижения стратегических национальных приоритетов);
- охранительную (устраняет препятствия на пути реализации национальных интересов, пресекает противоправные деяния);
- карательную (направлено на наказание правонарушителей);
- функцию реализации нормативных предписаний (в особенности направленных на обеспечение национальной безопасности).

Помимо специально-юридических функций, правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности выполняют и общесоциальные функции:

- политическую (содействуют слаженному функционированию органов публичной власти, повышают эффективность управленческих процессов в государстве и т.д.);

- экономическую (направлены на оптимизацию экономических процессов, обеспечение финансовой безопасности государства, повышение эффективности валютного контроля и т.д.);
- социальную (направлены на повышение уровня и качества жизни населения, защиту социально незащищенных слоев общества и т.д.);
- идеологическую (содействуют утверждению в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей и т.д.);
- интегративную (способствуют консолидации общества перед лицом внутренних и внешних угроз национальной безопасности);
- информационную (доносят до участников правоотношений объективно значимую информацию о принимаемых управленческих решениях, позицию компетентных органов по определенному делу) и т.д.

Следует отметить, что *классификация* правоприменительных средств обеспечения национальной безопасности может осуществляться в соответствии с устоявшимися в науке основаниями, к которым относят: отраслевой признак (уголовно-правовые, гражданско-правовые и др.), субъект издания и использования (государственные органы, органы местного самоуправления и др.), юридическую природу (правоохранительные, праввосстановительные и др.), правовые последствия (правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие и т.д.), форму выражения (письменные и устные, акты-документы, акты действия) и т.д.¹⁸⁵

Вместе с тем, полагаем важным остановиться на анализе отдельных видов правоприменительных средств обеспечения национальной безопасности, которые наиболее ярко демонстрируют их специфику и природу, являются обусловленными текущей геополитической ситуацией и позволяют отграничить последние от иных правоприменительных средств.

Так, весьма многочисленны судебные решения, *отказывающие* в удовлетворении исковых требований о признании недействительными

¹⁸⁵ Подробнее см.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 337.

отдельных положений нормативно-правовых актов, ущемляющих, по мнению истцов, их права и законные интересы на том основании, что данные нормативно-правовые акты были разработаны в целях защиты национальных интересов Российской Федерации в связи с недружественными действиями иностранных государств.

К примеру, рассмотрев исковое заявление индивидуального предпринимателя о признании недействующими: подпункта «б» пункта 1 Постановления Правительства РФ от 9 апреля 2022 г. № 629 «Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы» в части, предусматривающей необходимость предоставления заявителем *дополнительных* документов, обосновывающих фактическое осуществление деятельности, под которую испрашивается земельный участок, наличие необходимого материально-технического обеспечения и других условий, Верховный Суд РФ в числе прочих оснований отказа в исковом заявлении указал на то, что оспариваемое Постановление Правительства РФ разработано в целях защиты национальных интересов Российской Федерации и, в том числе в силу данных обстоятельств, не влечет нарушение прав и законных интересов истца¹⁸⁶.

Таким образом, правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности, выполняя функцию реализации нормативно-правовых предписаний, прежде всего обеспечивают реализацию нормативно-правовых актов, *принятых в целях защиты национальных интересов* Российской Федерации.

¹⁸⁶ См.: Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № АКПИ23-737 Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими подпункта «б» пункта 1, пунктов 3, 4 Постановления Правительства РФ от 09.04.2022 № 629 «Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы» // СПС «Консультант Плюс».

На необходимость обеспечения интересов национальной безопасности ссылается в своем Постановлении Двадцатый арбитражный апелляционный суд от 21.03.2022 № 20АП-1221/2022 по делу № А23-8340/2021, указывая на то, что требования к форме выплаты заработной платы через счета в уполномоченных банках установлены Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» № 173-ФЗ, и обусловлены необходимостью обеспечения интересов национальной безопасности, решения задач внутренней и внешней политики государства и *именно поэтому* не могут расцениваться как дискриминационные. В том числе на этом основании судом было отказано в удовлетворении искового заявления об отмене актов о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, а в самом решении подчеркивалось, что нарушение валютного законодательства сопряжено с угрозой безопасности государства¹⁸⁷.

Следовательно, направленность на защиту национальных интересов, которые представляют собой объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, является одним из критериев того, что подобное юридическое средство (как деяние, так и установление, инструмент) не будет признано дискриминационным, даже если не позволит удовлетворить определенные законные интересы участников правоотношений.

Вынося приговор подсудимому, Реутовский гарнизонный военный суд исходил из того, что он «совершил преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, противодействие которому продолжает оставаться актуальной проблемой национальной безопасности государства, в связи с чем, представляет повышенную общественную опасность»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ См.: Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2022 № 20АП-1221/2022 по делу № А23-8340/2021 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸⁸ См.: Приговор Реутовского гарнизонного военного суда от 22.06.2023 № 1-81/2023 // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, *повышенная общественная опасность* деяния определяется судами исходя, в том числе, из интересов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и достижения установленных стратегических национальных приоритетов (в соответствии с п. 11. ст. 47 Стратегии национальной безопасности РФ достижение целей обеспечения *государственной и общественной безопасности* осуществляется путем предупреждения и пресечения преступлений, связанных с организацией незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ).

Реализация национальных интересов в информационной сфере послужила основанием для отмены Верховным Судом РФ апелляционного и кассационного определений судов нижестоящих инстанций по причине того, что данные инстанции неверно применили положения Федерального закона «О средствах массовой информации», т.к. не учли правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении от 17 января 2019 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», в котором отмечалось, что связанные с учреждением средства массовой информации *ограничения* обусловлены стремлением федерального законодателя воспрепятствовать установлению контроля над учредителями средств массовой информации со стороны иностранных лиц и оказанию ими влияния на принятие стратегических решений, поскольку в отдельных случаях такое влияние может угрожать информационной безопасности государства и наносить вред правам и свободам российских граждан¹⁸⁹.

В кассационном определении Верховный Суд РФ также ссылается на Доктрину информационной безопасности РФ¹⁹⁰ в соответствии с которой

¹⁸⁹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2023 № 45-КАД23-18-К7 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁹⁰ См.: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

реализация национальных интересов в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации, что и определило его позицию относительно неверного толкования нижестоящими судами норм материального права, а именно – упомянутого Федерального закона «О средствах массовой информации»¹⁹¹.

Таким образом, нарушения норм материального права, допущенные в определениях судов нижестоящих инстанций, были признанными *существенными*, т.к. данные правоприменительные акты не в полной мере учитывали национальные интересы Российской Федерации в сфере информационной безопасности.

Следовательно, правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации тесно связаны с грамотным толкованием *различных* нормативно-правовых актов в сфере ее обеспечения, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и исходят из *приоритетного удовлетворения* именно национальных интересов Российской Федерации по отношению ко всем иным законным интересам участников правоотношений.

Следует отметить, что реализация каждого из перечисленных в Стратегии национальной безопасности национальных интересов Российской Федерации активно обеспечивается специально для этого разработанным правоприменительным средством.

Многие из данных правоприменительных средств весьма нестандартны и отражают как текущую геополитическую ситуацию, так и стремление правоприменителя обеспечить всемерное правовое обеспечение национальных интересов государства.

Так, правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что как государственные награды РФ, так и государственные награды СССР пользуются тождественной правовой охраной и защитой и не могут

¹⁹¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2023 N 45-КАД23-18-К7 // СПС «Консультант Плюс».

оцениваться в денежном выражении, поскольку свободное отчуждение (включая куплю-продажу) ее знака искажало бы истинную ценность государственной награды и вело бы к умалению чести и достоинства удостоенных наград лиц, защитила одну из основ солидарности российского общества - *историческую память народа*¹⁹².

Многие правоприменительные средства, используемые для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, являются *достаточно новыми* для российской юридической практики, вызывают оживленные споры как среди ученых-юристов, так и граждан, не имеющих отношения к юридической профессии.

Одним из таких распространенных правоприменительных средств стала достаточно активная реализация компетентными органами положений Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ¹⁹³, а другими словами – признание определенных как физических, так и юридических лиц *иностранными агентами* с соответствующими негативными для них последствиями.

В соответствии со ст. 1 указанного Федерального закона под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее политическую деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов и некоторую другую деятельность, предусмотренную ст. 4 рассматриваемого закона.

¹⁹² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2020. № 10. Ст. 1415.

¹⁹³ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. 18.07.2022. № 29 (часть II). Ст. 5222.

Министерство юстиции РФ принимает соответствующие решения о признании конкретного физического или юридического лица иноагентом, ведет реестр таких лиц, равно как и физических лиц, аффилированными с иностранными агентами.

Ограничения и обязанности, накладываемые на лицо, признанное иностранным агентом, способствуют обеспечению национальной безопасности РФ и защиты суверенитета государства в условиях беспрецедентного внешнего давления и являются, по справедливому мнению специалистов, весьма действенным правоприменительным средством обеспечения национальной безопасности, реализуемым уполномоченными органами исполнительной власти¹⁹⁴.

Данное правоприменительное средство используется компетентными субъектами исключительно в целях обеспечения национальной безопасности РФ, а иные позитивные эффекты от его использования являются своего рода «внешними эффектами», которые также способствуют повышению качества правовой жизни современного российского общества.

Другим правоприменительным средством обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является полномочие Генеральной Прокуратуры РФ, реализуемое совместно с МИД РФ по признанию деятельности иностранной или международной неправительственной организации *нежелательной на территории Российской Федерации*.

В силу ст. 3.1. Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 № 272-ФЗ деятельность иностранной или международной неправительственной организации может быть признана нежелательной, если она представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства. Решение о признании деятельности

¹⁹⁴ См.: Цыганов Р.Л., Белянская Л.И. Правовой статус иностранных агентов в России - новация или оознанная традиция // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 7. С. 16-19.

нежелательной принимает Генеральная Прокуратура РФ по согласованию с Министерством иностранных дел РФ, после чего данное решение публикуется на официальном сайте Генеральной Прокуратуры РФ и в течении 10 рабочих дней вносится в соответствующий реестр Министерства юстиции РФ.

Таким образом, речь идет о комплексном, *межведомственном правоприменительном средстве* обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Другим межведомственным правоприменительным средством обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является *признание организации террористической*. В соответствии со ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ организация признается террористической и подлежит ликвидации, а ее деятельность - запрещению по решению суда на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ¹⁹⁵.

Весьма дискуссионным, но востребованным правоприменительным средством является принятие решение компетентным органом о *прекращении гражданства РФ*. С одной стороны, ст. 5 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ повторяет конституционный принцип о том, что гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации или права изменить его, с другой – в ст. 22 указанного закона действия, создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации, наряду с другими обстоятельствами, рассматриваются в качестве оснований для прекращения гражданства Российской Федерации.

¹⁹⁵ См.: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

Активное использование данного средства компетентными органами исполнительной власти является не только инструментом пресечения действий, направленных на подрыв национальной безопасности Российской Федерации, но и мощным *профилактическим средством*, останавливающим значительное количество лиц, получивших российское гражданство, от совершения преступных действий, особенно тех, которые направлены на осквернение исторической памяти или демонстрируют явно пренебрежительное отношение к общественному порядку и традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества.

В полной мере отвечающими вызовам и угрозам, стоящим перед Россией, являются такие правоприменительные средства, направленные на обеспечение национальной безопасности государства, как:

- существенные полномочия специально созданной Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций, которая согласовывает и координирует действия как органов публичной власти, так и отдельных юридических лиц в целях оптимизации экономической политики государства¹⁹⁶;

- расширенные полномочия органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности и правопорядка на соответствующих территориях¹⁹⁷;

- дополнительные полномочия органов исполнительной власти по продлению действий ряда лицензий и разрешений с целью поддержки предпринимательской деятельности;

¹⁹⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 № 25-2 (ред. от 31.10.2022) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2022. № 10. Ст. 1485.

¹⁹⁷ См.: Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Собрание законодательства РФ. 24.10.2022. № 43. Ст. 7382.

- расширенные полномочия судебных органов по приостановлению осуществления корпоративных прав определенных видов хозяйственных обществ¹⁹⁸ и т.д.

В целом следует отметить, что отдельные правоприменительные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации во многом выступают *антикризисными мерами*, связанными с беспрецедентным давлением, оказываемым на Россию со стороны коллективного Запада, и затрагивают все сферы жизнедеятельности общества.

Необходимо также подчеркнуть, что усиливающее внешнее давление на Россию со стороны недружественных стран приводит к активной трансформации и оптимизации всей *правоприменительной политики государства*, направленной на обеспечение его национальной безопасности и представляющей собой ничто иное, как соответствующую систему *правоприменительных средств*.

Данные правоприменительные средства направлены на развитие человеческого потенциала и повышение качества жизни граждан; защиту суверенитета, конституционного строя государства и его обороноспособность; недопущение раскола в обществе и поддержание правопорядка в условиях масштабных публично-политических преобразований; развитие информационного пространства, цифровых технологий и защиту населения от деструктивного информационно-психологического воздействия; устойчивое развитие российской экономики и охрану окружающей природной среды; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, мира и безопасности в новых условиях, которые для себя самостоятельно определили и в которых предстоит жить гражданам России.

¹⁹⁸ См.: Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // Собрание законодательства РФ. 07.08.2023. № 32 (Часть I). Ст. 6202.

2.4. Правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Согласно наиболее распространенной и обоснованной точке зрения толкование права представляет собой процесс *уяснения и разъяснения* смысла правовых предписаний, являющийся залогом не только успешной правоприменительной деятельности, но и функционирования механизма правового регулирования в целом¹⁹⁹.

Толкование права является важнейшим условием правильного понимания нормативно-правовых предписаний и их применения на практике, обуславливает эффективность не только правоприменительного процесса, но и самого правотворчества, ведь воля законодателя должна быть правильно понята, а созданные им нормы права применены с учетом как их текстуального выражения (буквы закона), так и того смысла (духа закона), который заложил в них правотворец в момент создания.

Справедливо звучит мысль С.С. Алексеева о том, что толкование права является своеобразным *поднормативным* правовым регулированием²⁰⁰, в том смысле, что оно «заканчивает» правотворчество возможностью его эффективного, осознанного и соответствующего сложившемуся реалиям применения, обеспечивает координацию правоотношений с учетом нормативно установленной государственной воли общества.

Таким образом, процесс толкования права (правоинтерпретационный процесс) является важнейшим средством правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, т.к. ни многочисленные нормативно-правовые акты, направленные на охрану и защиту национальных интересов государства, ни усилия субъектов правоприменительного процесса, связанные с реализацией данных правовых норм, не смогут увенчаться

¹⁹⁹ См.: Вопленко Н.Н. Толкование права. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2007. 122 с.; Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., Юрид. литература, 1979. С. 5; Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., Юрид. литература, 1982. С. 290 и др.

²⁰⁰ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М., Юрид. литература, 1982. С. 321.

успехом вне правильного, грамотного и соответствующего социально-историческим реалиям их уяснения и разъяснения.

Вместе с тем, представители общей теории права сходятся во мнении, что толкование права является одной из традиционных *проблем* юридической науки, чему существует достаточное количество объяснений. Одним из таких аргументов может служить известная фраза В.И. Ленина о том, что буржуазия всегда имеет у себя на службе массу чиновников, умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов²⁰¹. Не менее показателен и другой пример. Узнав о том, что к его кодексу были изданы комментарии, Наполеон воскликнул: «Пропал мой кодекс»!²⁰²

Другими словами, речь идет о том, что правоинтерпретационный процесс может исказить смысл правовых предписаний, истолковать норму права так, что она, формально соответствуя текстуальному выражению нормативного предписания, извратит волю законодателя в угоду интересам какого-либо из участников правоотношения.

В указанном контексте Т.Н. Нешатаева справедливо отмечает, что судебное толкование нередко называют видом *искусства*²⁰³, а М.А. Куликов обращает внимание на злободневную проблему *манипулирования* юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе, подчеркивая, что «сущность манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе заключается в том, что в ходе его реализации может происходить как постановка новых, так и не в полной мере соответствующее воле законодателя обоснование уже существующих юридических целей, равно как и аргументирование существования или

²⁰¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., Издательство политической литературы, 1963. Т. 37. С. 285.

²⁰² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 30.

²⁰³ См.: Нешатаева Т.Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113-125.

правомерности использования не предусмотренного правовым предписанием юридического инструментария»²⁰⁴.

В отмеченной связи правоинтерпретационный процесс можно сравнить с лекарственным средством: без него в определенных случаях организму невозможно функционировать, побороть болезнь, но неправильный диагноз или неверное назначение лекарства даже при верном диагнозе может привести к летальным последствиям.

Таким образом, ключевые проблемы толкования права можно свести к следующим аспектам:

- соотношение духа и буквы закона;
- уровень профессионализма, компетентности и *порядочности* участников правоинтерпретационного процесса (ведь один и тот же закон может быть истолкован по-разному в зависимости от того, кто и как толкует и в каких целях данное толкование осуществляется)²⁰⁵;
- объективно присутствующий *субъективизм* участников правоинтерпретационного процесса, обусловленный различным уровнем их политического и правового сознания (наиболее очевидно это проявляется в том, что даже судьи Конституционного Суда РФ, каждый из которых является профессионалом высочайшего уровня, тем не менее, нередко выражают свое особое мнение в процессе толкования норм Конституции РФ, не соглашаясь с позицией других судей).

Таким образом, правоинтерпретационный процесс объективно заключает в себе дилемму, связанную с тем или иным субъективным *пониманием* воли правотворца и *оценкой* ситуации, в которой данная норма подлежит применению.

²⁰⁴ См.: Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права: понятие, содержание, технологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 112.

²⁰⁵ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 350.

Данные обстоятельства позволяют актуализировать проблемы, связанные с правоинтерпретационными средствами обеспечения национальной безопасности, играющими важнейшую роль как в содействии реализации национальных интересов Российской Федерации, так и в регулировании поведения участников различных правоотношений.

Под **правоинтерпретационными средствами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации** предлагаем понимать деятельность, направленную на *уяснение* и *разъяснение* смысла нормативно-правовых предписаний, а также акты официального и неофициального толкования права, имеющие своей целью охрану, защиту и обеспечение гарантированной реализации национальных интересов Российской Федерации, а также содействие достижению стратегических национальных приоритетов государства.

К *признакам* правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности следует относить следующие. Данные средства посредством уяснения и разъяснения смысла нормативно-правовых предписаний:

1. *обеспечивают реализацию* национальных интересов Российской Федерации, а также объясняют их ценность, смысл и содержание;
2. *раскрывают содержание и демонстрируют значимость традиционных духовно-нравственных ценностей* российского общества, сохранение и дальнейшее развитие которых лежит *в основе* самих национальных интересов государства;
3. направлены на *стимулирование*, активизацию правомерного поведения участников правоотношений, связанного с реализацией (содействием реализации) национальных интересов Российской Федерации;
4. направлены на *ограничение*, сдерживание активности участников правоотношений (как противоправной, так и правомерной, но нежелательной), способной нанести ущерб национальным интересам государства.

Очевидно, что правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются разновидностью правоинтерпретационных средств как *родового* понятия, однако данные признаки наделяют их своей спецификой и содержанием, позволяющим говорить об их собственной природе и *особом значении* в механизме правового регулирования.

Таким образом, основной *целью* правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является содействие охране, защите и гарантированной реализации национальных интересов государства посредством уяснения и разъяснения смысла нормативно-правовых предписаний.

Изложенные выше признаки и цель правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности государства определяют их *задачи*, от успешного решения которых и будет зависеть удовлетворение объективно значимых потребностей личности, общества и государства, лежащих в основе национальных интересов России. Считаем, что к числу основных задач правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности необходимо относить следующие.

1. Раскрытие содержания и значения *традиционных российских духовно-нравственных ценностей*, которые, как уже отмечалось, лежат в основе как национальных интересов Российской Федерации, так и гармоничного развития российского общества и государства в целом.

Как подчеркивается в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809, данные ценности формируют мировоззрение граждан России, лежат в основе

общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляя гражданское единство²⁰⁶.

В настоящее время данные ценности являются основным «объектом на поражение» для деструктивного информационного воздействия коллективного Запада, ставящего своей целью размыть гражданскую идентичность российского общества, подорвать патриотизм молодого поколения, привить систему ценностей, основанную на культивировании эгоизма, вседозволенности и безнравственности²⁰⁷. Вместе с тем, передаваемые из поколения в поколение традиционные духовно-нравственные ценности препятствуют социокультурному расслоению общества, ведению аморального образа жизни и умалению человеческого достоинства²⁰⁸, искажению исторической правды и отрицанию российской цивилизационной самобытности.

Следует отметить, что в данном случае речь идет не об обычных способах пропаганды важности традиционных духовно-нравственных ценностей, а именно о *правоинтерпретационных формах их культивирования* и защиты.

Так, обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям позволило Конституционному Суду РФ признать соответствующим Конституции РФ ряда статей УК РФ²⁰⁹, и, вместе с тем, не соответствующим

²⁰⁶ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

²⁰⁷ См.: Субочев В.В. Правовая политика современной России в сфере патриотического воспитания: содержание и ключевые приоритеты // Право и управление. XXI век. 2024. № 4 (73). С. 28-37; Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. 2018. № 1. С. 139-150; Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1. С. 52-60.

²⁰⁸ См.: Васильева Т.А. Концепция достоинства человека: конституционно-правовая интерпретация / Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста). Монография / отв. ред. Е. А. Фролова. Москва, Проспект, 2025. С. 48-57.

²⁰⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023. № 23 (Часть II). Ст. 4272.

Конституции РФ отдельных положений ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»²¹⁰, в той мере, в какой она не предоставляет права на получение материнского (семейного) капитала мужчине, который в установленном порядке признан в качестве единственного родителя детей, рожденных для него суррогатной матерью, а впоследствии вступившего в брак и воспитывающего своих детей в семье совместно с усыновившей (удочерившей) их супругой²¹¹.

Верная трактовка сути и понимание значения традиционных духовно-нравственных ценностей лежит в основе судебных решений о размере выплаты алиментов²¹², о признании законным отстранения от работы²¹³, о взыскании морального вреда²¹⁴ и целого ряда других решений.

Таким образом, если вопросы, связанные с компенсацией морального вреда, выплатой алиментов или материнского капитала и не являются непосредственно затрагивающими национальную безопасность государства, то связанное с ними официальное толкование традиционных духовно-нравственных ценностей *можно* отнести к тем правоинтерпретационным средствам, которые данные ценности защищают и, в определенном смысле, популяризируют.

2. Объяснение сущности, значимости и разновидностей национальных интересов государства и стратегических национальных приоритетов, а также способов их правового обеспечения.

²¹⁰ См.: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

²¹¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства РФ. 12.07.2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

²¹² См, например.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2021 № Ф07-16661/2019 по делу № А56-102901/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

²¹³ См., например: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 88-19967/2023 по делу № 2-1619/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

²¹⁴ См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 88-14352/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

Не секрет, что значительное количество участников правоотношений, включая субъектов, наделенных правоприменительными функциями, имеют самое смутное представление как о национальных интересах государства, стратегических национальных приоритетах его развития, так и о тех нормативно-правовых актах, в которых они закреплены, что не может не сказаться и на общей правовой культуре²¹⁵. Полагаем, что данные законы и подзаконные акты должны всемерно популяризироваться не только посредством правового воспитания и обучения, но и посредством *толкования* их наиболее значимых положений.

Следует отметить, что данное толкование может осуществляться по инициативе органов государственной власти (равно как и иных субъектов правоинтерпретационного процесса), без необходимости *запроса* на данное толкование со стороны какого-либо специально уполномоченного на это лица, что позволяет различным субъектам публичной власти активно использовать данные правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности, способные эффективно повлиять на формирование правосознания и правовой культуры российских граждан.

Более того, предметом толкования могут выступать не только «неясные», специфические, недоступные для понимания не имеющим специальной подготовки (юридической, например) участникам правоотношений нормы права, но *все* формально-определенные юридические предписания нормативного характера, т.к. очевидная, на первый взгляд, норма может иметь определенный «скрытый» подтекст или требовать расширительного толкования, т.к. распространяется на значительно более широкий круг лиц (случаев), чем это кажется при ее первоначальном прочтении. Это позволяет как органам публичной власти (в первую очередь), так и всем иным участникам правоотношений *более активно* подходить к процессу разьяснения нормативно-правовых актов, связанных с правовым

²¹⁵ См.: Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70–86.

обеспечением национальной безопасности Российской Федерации, что будет способствовать не только более грамотному правоприменению, но и пропаганде важнейших основ развития российской государственности.

3. Формирование российской *правовой доктрины* с учетом специфики цивилизационных особенностей нашего государства, а также масштабных геополитических вызовов и угроз, с которыми ему приходится сталкиваться.

В юридической науке получила достаточное распространение классическая точка зрения, согласно которой правоинтерпретационные акты не являются источником права.

Позволим себе не согласиться с данным утверждением. Во-первых, акты официального толкования права, изданные Конституционным Судом РФ, равно как и Верховным Судом РФ являются полноценным источником российского права. Во-вторых, именно правоинтерпретационные акты являются важнейшей *основой* российской *правовой доктрины*.

В отмеченной связи подчеркнем, что несмотря на то, что в России суд или иной правоприменитель не вправе ссылаться на научные работы при обосновании своей позиции, юридическая доктрина выступает не только теоретической формой определенного правопонимания, но и *стратегией развития* правовой системы государства, совокупностью приоритетов его правовой политики²¹⁶.

Юридическая доктрина конкретизирует смысл юридических понятий и определяет вектор консервативного или либерального реформаторства, учет или отрицание правовых традиций и ценностей российского общества²¹⁷, что доказало свое первостепенное значение в связи с последними событиями, связанными с проведением специальной военной операции, отстаиванием Россией своего суверенитета и права развиваться на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

²¹⁶ См.: Овчинников А.И., Далгатова А.О., Фатхи В.И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // *Философия права*. 2016. № 2 (75). С. 59-64.

²¹⁷ Там же.

Таким образом, правоинтерпретационные акты играют важнейшую роль в формировании российской юридической доктрины, задают вектор как правотворческому, так и правоприменительному процессам и должны более активно использоваться в качестве юридического средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

4. Определение стратегического вектора развития правотворческого, правоприменительного и правообучающего процессов в Российской Федерации. Обозначенные процессы - взаимозависимые формы юридической практики, и особо важно то, как участники правоотношений уяснят и разъяснят действующее законодательство, предопределяет не только ее качество, но и вектор дальнейшего развития.

В отмеченной связи толкование права является не только правом и одним из полномочий отмеченных участников правоотношений, но и таким юридическим средством, использование которого преобразует, трансформирует саму их деятельность, заставляя глубже и полноценнее уяснять не только смысл юридических норм, но и способы их эффективной реализации с учетом социально-исторических реалий.

5. Координирование соблюдения, исполнения и использования правовых предписаний участниками правоотношений, исходя из национальных интересов Российской Федерации и ее стратегических приоритетов.

Полагаем, что именно правоинтерпретационные средства являются важнейшим регулятором всех форм реализации права, включая отмеченные выше формы правомерного поведения субъектов права.

Эффективное, уместное, учитывающее законные интересы личности, общества и государства, а также складывающиеся геополитические реалии разъяснение правовых норм будет способствовать не просто механическому, основанному на страхе, но осознанному соблюдению запретов и исполнению обязанностей, когда участники правоотношений с готовностью воздерживаются от определенных действий, осознавая их общественно

опасный характер или же исполняют обязанности, руководствуясь чувством долга, развитым правосознанием и позитивной ответственностью.

Грамотная и своевременная интерпретация юридических норм в первую очередь позволит субъектам права грамотно использовать принадлежащие им права и эффективно реализовывать законные интересы, что не только повысит правовую активность населения, но и улучшит качество правовой жизни общества.

6. Демонстрация дискриминационной, антигуманной политики коллективного Запада в отношении России, манипулятивного использования юридических целей и средств ради дискредитации нашего государства в качестве надежного партнера в международных отношениях и умаления его роли в качестве влиятельного мирового центра принятия стратегически важных геополитических решений.

В отмеченной связи В.В. Путин справедливо подчеркивает, что страны коллективного Запада «под разными предлогами, в том числе с целью обеспечить собственную безопасность, действуют за тысячи километров от своей территории, и когда им мешает международное право и устав ООН, объявляют это все устаревшим, ненужным. А когда соответствует что-то их интересам, сразу ссылаются на нормы международного права, на устав ООН, на гуманитарные права международные и т.д. Эти манипуляции надо ели»²¹⁸.

Разъяснение манипулятивной природы антироссийской политики коллективного Запада, находящей свое выражение в соответствующих нормативно-правовых актах, равно как и сущности антисанкционной политики России, воплощающейся, в том числе, в различных юридических предписаниях – ключевая и актуальная задача правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

7. Формирование и отстаивание национальной и, в том числе, правовой идентичности. Считаем, что с одной стороны правоинтерпретационные

²¹⁸ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии министерства обороны. 2021. 21 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 30.04.24 г.).

средства обеспечения национальной безопасности являются формой юридического самоопределения субъектов права, т.е. неотъемлемым элементом правовой идентичности²¹⁹, а с другой – призваны ее формировать.

Формированию и закреплению конституционной идентичности России во внутригосударственном и международном пространстве служит ряд постановлений и заключений Конституционного Суда РФ²²⁰, общий смысл которых сводится к тому, что помимо внешних проявлений национально-культурной идентичности особенно важна *объективация конституционной идентичности*, заключающаяся в последовательной защите всех элементов национально-культурной идентичности органами суверенной юрисдикции, в том числе уполномоченными устанавливать неисполнимость актов международных/наднациональных структур по мотивам их противоречия конституционной идентичности²²¹.

8. Легитимизирование деятельности органов публичной власти, существующего государственного и общественного устройства. Правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности, наряду с другими юридическими средствами, призваны предотвращать раскол в обществе, подрыв доверия населения к органам публичной власти, дискредитацию их правомерной деятельности. Именно правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности

²¹⁹ Подробнее см.: Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 7 – 10; Резников Е.В. Теоретические основы формирования и развития правовой идентичности личности. Автореф. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 55 с.; Честнов И.Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 5-11.

²²⁰ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. Ст. 1855; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.01.2017. № 5. Ст. 866 и др.

²²¹ См.: Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 30.04.24 г.).

играют важную роль в обеспечении государственной и общественной безопасности, поддержании гражданского мира и согласия в стране, чего невозможно добиться без широкомасштабного разъяснения действующих юридических норм.

Направленность на решение вышеперечисленных задач позволяет выделить правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в особую группу юридических средств и служит *критерием их отграничения* от правоинтерпретационных средств как родового понятия.

Изложенные выше аспекты позволяют прийти к *выводу* о том, что правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности играют важнейшую роль в формировании *идеологии российского государства* и, одновременно, являются ее частью.

О важности существования идеологии в государстве, которая бы разделялась населением и консолидировала все общество на основе *традиционных духовно-нравственных ценностей* высказывается значительное количество ученых-юристов, подчеркивающих, что ее наличие не противоречит конституционному принципу идеологического плюрализма и не означает *насильственного внедрения* в общественные отношения определенных стандартов поведения²²².

Формирование подобной идеологии представляется особенно важным в условиях борьбы стран коллективного Запада за моральное лидерство в мире, размывания культурно-нравственных основ российского общества, искажения мировой истории и места России в ней, реабилитации нацизма и разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

²²² См., например: Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сборник статей. М., 2000. С. 6–10; Авакьян С.А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. 2009. № 6. С. 2-10; Сергеев А.А. Нужна ли России государственная идеология? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 9–12 и др.

В отмеченной связи в рамках XI Петербургского международного юридического форума (11-13 мая 2023 г.) на фоне высказываний главы Следственного комитета России и министра юстиции о необходимости отмены конституционного запрета на государственную идеологию, председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин отметил, что в Конституции РФ есть запрет на любую государственную идеологию, но нет запрета на саму *идею* – как некий движущий стимул. Он также подчеркнул, что Конституция РФ и является той *идеологией*, которая позволяет объединиться гражданскому обществу на основе своеобразного общественного договора и объединяющей нас в рамках ценностей, заложенных в самой Конституции РФ²²³.

Другими словами, на что и указал В.Д. Зорькин, «иногда мы ищем не там, где эту идеологию можно найти»²²⁴, т.е. ценности, заложенные в Конституции РФ и действующем законодательстве, которые и должны выступить базисом идеологии сильной России, нуждаются в разъяснении, на них необходимо акцентировать особое внимание в процессе толкования юридических предписаний.

Кроме того, нельзя недооценивать потенциал правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности в процессе *воспитания и правового обучения* не только юристов, но и самых широких слоев населения. В отмеченной связи специалисты справедливо рассматривают воспитание через призму *государственно значимой* деятельности, при этом подчеркивая, что несмотря на всю приоритетную значимость данного института «юридическая формализация этого функционального направления в деятельности государства осуществляется далеко не всегда»²²⁵.

²²³ См.: Корня А., Винокуров А. Идеологические единогласия // Коммерсант. 12 мая 2023. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5979267> (дата обращения: 30.04.24 г.).

²²⁴ Там же.

²²⁵ Волкова Н.С. Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 26-37.

Полагаем, что во многом разъяснение действующего законодательства с акцентом на отраженных в нем традиционных духовно-нравственных ценностях позволит не только повысить уровень правосознания граждан, но и воспитать их в русле действительно значимых для развития общества ценностей и проверенных временем социальных практик.

Это позволяет сформулировать *вывод* о том, что правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности являются важным *элементом (ресурсом) пропаганды*, направленной не только на популяризацию определенных видов правомерного поведения (служения Отечеству, неприятия наркомании, нетрадиционных сексуальных отношений и т.д.), но и сдерживания поведения как нежелательного для общества, так и противоправного.

Данный аспект напрямую связан с тем, что одной из важнейших функций нормативно-правовых актов, равно как и правовых норм выступает *информационная функция*. По большому счету, право – это информация, которая управляет социальными процессами, в связи с чем эту информацию нужно суметь «без потерь» донести до участников общественных отношений и правильно объяснить ее содержание в целях желаемой координации данных отношений.

Изложенное выше позволяет утверждать, что *неофициальное толкование* права также является весьма значимым, но *недооцененным* правоинтерпретационным средством обеспечения национальной безопасности государства, потенциал которого практически не используется.

С одной стороны, неофициальное толкование права не имеет юридической силы и не влечет обязательных правовых последствий. Однако оно, в определенных случаях, может представлять собой весьма действенное средство, регулятивный потенциал которого и вызываемые, в том числе и юридические, последствия могут значительно превышать официальное разъяснение какой-либо нормы в не находящемся в широком доступе правоинтерпретационном акте специализированного ведомства.

В данном случае речь идет не столько о доктринальном (научном) толковании права, сколько об *обыденном* его толковании, которое может быть дано широко известными, пользующимися заслуженным уважением и доверием в обществе личностями (т.н. *инфлюенсерами*). Данные личности – инфлюенсеры – широко используются в пропагандистских целях, во время проведения выборов, иного рода политических кампаний, в целях влияния на общественное мнение или легитимации определенных непопулярных шагов, вынуждено предпринятых органами публичной власти.

Полагаем, что инфлюенсеры вполне могут выступать весьма эффективными субъектами неофициального толкования правовых предписаний, создавая, таким образом эффективные правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Данная практика уже начала формироваться в России во время обсуждения поправок к Конституции РФ в 2020 г., когда к публичному разъяснению отдельных ее положений привлекались не только известные ученые-юристы, но и общественные деятели, артисты.

Считаем, что данная практика должна получить свое развитие, что позволит направить мощный ресурс воздействия на общественное мнение в русло повышения правовой культуры участников правоотношений и разъяснения смысла и значения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, отраженных в действующем законодательстве.

Роль и значение правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности также заключается в том, что они могут служить социально-обусловленной и надежной основой совершенствования как самого правотворческого процесса, так и действующего законодательства. Это обусловлено тем, что в процессе уяснения и разъяснения правовых предписаний вскрываются недостатки, недоработки существующих правовых норм, погрешности, связанные с их реальным применением в сложившихся условиях, недостаточная ориентированность на правовое обеспечение национальных интересов.

Именно правоинтерпретационные средства обеспечения национальной безопасности, будучи производными от действующего законодательства и направленные на его толкование, могут послужить инструментом, позволяющим данное законодательство *усовершенствовать* с точки зрения его возможности полноценно удовлетворить объективно значимые потребности личности, общества и государства, и, следовательно, реализовать национальные интересы Российской Федерации.

ГЛАВА 3. ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ²²⁶

3.1. Критерии эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Проблематика эффективности права, правовых норм, нормативно-правовых актов, правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного процессов традиционно является объектом пристального исследования ученых. Вместе с тем, это не дает оснований утверждать, что в общей теории права выработаны сколь-нибудь универсальные критерии эффективности права как социального регулятора, которые можно взять за основу при анализе эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Более того, предмет настоящего анализа *усложняется* тем, что юридические средства – это не только нормы права, а, как уже отмечалось выше, все те правовые явления (как институциональные установления – инструменты, так и деяния – акты реализации прав и обязанностей), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и достигаются юридические цели. В этой связи необходимо предложить критерии эффективности, которые были бы применимы ко *всем* юридическим средствам, направленным на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

²²⁶ Основные научные результаты, изложенные в данной главе, нашли отражение в следующих публикациях диссертанта: Маркус С.А. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей как критерий эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Правовая культура. 2025. № 2. С. 90-92; Маркус С.А. Правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества как способ повышения эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества в современной России: пути оптимизации. Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме круглого стола, проведенным Поволжским институтом (филиалом) ВГУЮ (РПА Минюста России)» в г. Саратове и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина, 27 марта 2025 г.: сборник статей / кол. авторов. Москва: РУСАЙНС, 2025. 58 с. С. 48-51.

Вместе с тем, данная задача несколько упрощается тем, что юридические средства находятся в тесном взаимодействии, образуя механизм правового регулирования, *предопределяя эффективность* друг друга.

Так, вряд ли можно говорить об эффективности правовых норм без анализа их соблюдения, исполнения, использования и применения участниками правоотношений, т.е. вне аспекта их реализации. В отмеченной связи В.В. Лазарев верно подчеркивает, что эффективность правовых норм может быть выяснена только при рассмотрении права в действии²²⁷.

Одновременно с этим реализация правовых норм предполагает изучение актов реализации прав и обязанностей участников правоотношений, которое будет неполноценным вне исследования эффективности правоинтерпретационного процесса, правового воспитания и обучения, общего уровня правосознания и правовой культуры в обществе. Другими словами, взаимозависимость юридических средств, позволяющая исследовать их через призму *механизма* правового регулирования, позволяет выработать общие критерии их эффективности в достижении поставленных целей (в данном случае, обеспечения национальной безопасности государства).

Вместе с тем, традиционная призма исследования эффективности права в целом, равно как и отдельных правовых норм и других юридических средств через призму отношения между достигнутым результатом и той целью, для которой они разрабатывались, предложенная еще советскими учеными²²⁸, сталкивается с рядом проблем, которые полагаем уместным обозначить, т.к. они имеют прямое отношение к эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

²²⁷ См.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов // Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1. М., Новая юстиция, 2010. С. 125.

²²⁸ См., например: Лебедев М.П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 24; Байтин М.И. О повышении эффективности правового регулирования в социалистическом общенародном государстве // Вопросы теории государства и права. Сборник статей. Вып. 1. Саратов, Издательство Сарат. юрид. ин-та, 1968. С. 32-34; Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., Юридическая литература, 1971. С. 12 и др.

Итак, определение эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности сталкивается со *следующими проблемами*.

1. *Множественность критериев*, которые могут и должны применяться при оценке эффективности юридических средств. К данным критериям можно отнести:

- упомянутое выше отношение между целью принятия юридического предписания и его результатом;
- степень удовлетворения интересов участников правоотношений в результате реализации правовой нормы²²⁹;
- степень востребованности институциональных юридических средств, их соответствие социальным запросам и характеру актуальных проблем, подлежащих разрешению посредством правового регулирования;
- гарантированность прав и свобод всех участников правоотношений при использовании юридических средств²³⁰;
- способность юридических средств преодолеть существующие вызовы и угрозы, выступить своего рода антикризисным регулятором разнородных социальных процессов²³¹;
- политическая и экономическая целесообразность создания и использования юридических средств, исключающая правовое регулирование «любой ценой» и др.²³²

В отмеченной связи Д.А. Пашенцев верно подчеркивает, что понимание эффективности правовой нормы зависит как от типа

²²⁹ См.: Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11.

²³⁰ См.: Лапаева В.В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / Отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М.: БЕК, 1997. С. 28-44; Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212-232; Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. Монография. Ростов-на-Дону, Ростовский юридический ин-т МВД России, 2005. С. 15-24 и др.

²³¹ См.: Шувалов И.И. Правовые инструменты преодоления кризисных явлений в экономике // Журнал российского права. 2022. Т. 26. №1. С. 61-69.

²³² См.: Момотов В. В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 29-35; Синицын С.А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 47-60.

правопонимания, присущего ученому, так и от используемой им методологии²³³, что затрудняет выбор единственного верного критерия.

Схожей позиции придерживается и И.П. Кожокар, отмечающий, что за понятием эффективности права скрывается множество разноаспектных явлений, лишь к некоторым из которых можно относить соотношение между: - фактическим поведением субъектов права и требованиями правовых норм, целью законодателя, достижением полезного результата и затратами на его достижение, а также объективно существующими и отличными от целей законодателя социальными, правовыми, политическими, экономическими, психологическими и другими целями; - целью законодателя и правовой нормой; - целью законодателя, фактическим поведением субъектов права и затратами и т.д.²³⁴

Другими словами, каждый из обозначенных критериев имеет достаточно весомые основания для применения при анализе эффективности как создания, так и использования юридических средств.

2. Тесная взаимосвязь *социальной и юридической эффективности* правовых средств при нетождественности данных категорий. Так, С.И. Пунченко считает, что в основе социальной эффективности права лежит не столько достижение заданных «непонятным образом» юридических целей, сколько обеспечение посредством права полезных форм коллективного поведения, условий для социальной самореализации и адаптации индивидов, гармоничного сосуществования этнических групп и т.д.²³⁵, а С.В. Ибрагимова под социальной эффективностью права в числе прочих критериев понимает создание им условий для реализации стремлений человека к свободе, счастью и постижению истины²³⁶.

²³³ См.: Пашенцев Д.А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 30.

²³⁴ См.: Кожокар И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 200.

²³⁵ См.: Пунченко С.И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 41.

²³⁶ См.: Ибрагимова С.В. Социальная эффективность права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 227-232.

В данном контексте ключевая сложность, отмечаемая еще советскими учеными, заключается в том, *как* отграничить социально-полезные результаты действия права от формального достижения юридических целей, поставленных законодателем, и *нужно ли* это делать в принципе.

3. *Многоаспектность* таких понятий, как «социальная полезность», «социальная значимость», «социальная ценность» как права в целом, так и отдельных юридических средств, что также затрудняет анализ результатов правового регулирования общественных отношений.

Данная проблема усугубляется тем, что в современном обществе, справедливо характеризующимся учеными как *постмодернистском*, сами ценности имеет весьма *условный* характер, а культура постмодерна основывается на контекстуальности, субъективности, нестабильности, новом уровне свободы индивида²³⁷.

Вместе с тем, создаваемая *новая правовая реальность* связана с активной юридикацией различных сфер общественной жизни, когда государство и власть, по сути, контролируют как возникновение, так и реализацию интересов личности, формируя ее как социального и правового субъекта²³⁸.

Таким образом, социальная ценность юридических средств будет зависеть не только от избранной методологической призмы их анализа, но и от места, времени и способа использования, что добавляет субъективный фактор к процессу оценки их эффективности.

4. Имеющая место неспособность субъектов правотворческого процесса грамотно и четко сформулировать *цели* принимаемого нормативно-правового акта, что затрудняет дальнейший анализ их достижения.

5. *Субъективность* самой парадигмы *восприятия эффективности* юридических средств в определенный конкретно-исторический период. В

²³⁷ См.: Пашенцев Д.А. Указ. соч. С. 31;

²³⁸ См.: Честнов И.Л. Постмарксистская методология права: перспективы научной состоятельности // Проблемы постсоветской теории и философии права. Сборник статей. М., 2016. С. 272.

данном случае речь идет о том, что люди могут не в полной мере объективно оценивать действительность «в свете принципов и обещаний, превосходящих данную реальность»²³⁹, а также в силу различного рода информационного на них воздействия.

В отмеченном контексте можно обратить внимание на противоречивые оценки эффективности практически любых юридических средств, затрагивающих чувствительные для общества сферы. Так, присоединение России к Болонскому процессу и введение в 2007 г. в систему высшего образования бакалавриата и магистратуры получило крайне полярные оценки эффективности данной меры как со стороны самих обучающихся, так и экспертов в сфере образования. Нет единства мнений в экспертном сообществе и относительно предложения В.В. Путина отказаться от Болонской системы и вернуться к традиционной системе высшего образования, высказанному им в Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г.

Перечисленные выше и другие проблемы, связанные с оценкой эффективности права, равно как и отдельных юридических средств порождают полярность точек зрения в данном вопросе, в силу чего заслуживают особого внимания при разработке критериев эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Учитывая изложенное, предлагаем выделять следующие **критерии эффективности** юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В качестве *первого* – главного и *комплексного* критерия эффективности следует назвать способность данных юридических средств защитить национальные интересы Российской Федерации от внешних и внутренних угроз в том числе посредством реализации стратегических национальных

²³⁹ См.: Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос, 2003. С. 161.

приоритетов, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Учитывая закрепление национальных интересов России в официальных документах стратегического характера, необходимо исходить из того, что в данном случае критериями эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности будут являться следующие показатели:

- увеличение численности населения России, повышения качества и уровня жизни ее граждан;
- обеспечение суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;
- рост обороноспособности государства, развитие его военно-промышленного комплекса в соответствии с уровнем и характером современных военных угроз;
- существование гражданского мира и согласия в стране, профилактика и своевременное пресечение межнациональных, межконфессиональных и иных конфликтов;
- защищенность конституционного строя России, полноценная реализация прав и свобод человека и гражданина, закрепленных Конституцией РФ и действующим законодательством;
- обеспечение цифрового суверенитета страны, безопасного информационного пространства, защищенность граждан государства от деструктивного информационно-психологического воздействия;
- устойчивое развитие политической, социально-экономической, культурной и иных сфер общественной жизни;
- сохранение и бережное использование природных ресурсов.

Как очевидно, перечень данных критериев отражает национальные интересы государства, изложенные в п. 25 Стратегии Национальной безопасности РФ и является тем *формально-юридическим* критерием эффективности юридических средств, о которых шла речь выше.

В качестве *второго* важнейшего критерия эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности следует выделить укрепление и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Данный критерий имеет различные формы своего проявления, к которым можно отнести: степень отражения традиционных духовно-нравственных ценностей в действующем законодательстве, понимание их роли и значения в обществе, регулирование поведения участников правоотношений в процессе всех форм реализации права и т.д.

Безусловно, данный критерий также имеет достаточно комплексный характер. Так, вряд ли лишь правотворческие средства, связанные с изменением действующего законодательства, смогут выступать безусловным показателем эффективности данных юридических средств обеспечения национальной безопасности. Как подчеркивалось выше, эффективность этих средств необходимо оценивать посредством анализа механизма правового регулирования, *всех* форм реализации права и их влияния на общий уровень правовой культуры и правосознания граждан.

К примеру, в 2022г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 05.12.2022 № 478-ФЗ и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁴⁰, который был направлен на усиление защиты традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества и вносил изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей», Федеральный закон «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» от 22

²⁴⁰ См.: Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2022. № 50 (Часть III). Ст. 8772.

августа 1996 года № 126-ФЗ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ, Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ и другие нормативно-правовые акты, связанные с ответственностью за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений, педофилию, смену пола и ряд других действий.

Упомянутый социально-востребованный и важный нормативно-правовой акт, тем не менее, не может сам по себе выступить критерием эффективности правотворческих средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Это лишь *одно из* средств в системе механизма правового регулирования, которое должно отразиться на соблюдении, исполнении и использовании данных правовых предписаний участниками правоотношений, в том числе компетентными правоприменительными органами, повлечь как правовые, так и иные *социальные* последствия.

Таким образом, можно резюмировать, что лишь то юридическое средство обеспечения национальной безопасности государства можно считать *эффективным*, которое не только не противоречит традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества, но направлено на их укрепление и защиту.

Безусловно, исчерпывающий перечень конкретных *показателей* того, что традиционные духовно-нравственные ценности эффективно защищаются, укрепляются и распространяются в обществе разработать весьма затруднительно. Вместе с тем, к числу показателей того, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей достигает своих целей п. 29 Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 относит данные официальной статистической информации, итоги социологических исследований и результаты мониторинга конкретных проблемных ситуаций,

связанных с сохранением и укреплением традиционных ценностей (по субъектам Российской Федерации и сферам ответственности органов публичной власти)²⁴¹.

Данные показатели позволят оценить рост популярности продукции (мультфильмы, художественные и документальные фильмы, печатные издания, в том числе учебного характера), освещающей славные страницы российской истории, достижения в различных сферах (спорт, культура, искусство, технологии и т.д.); проанализировать состояние отдельных видов правонарушений; тенденции развития российского образования и отношение к ним молодежи и т.д., что говорит об их достаточной *универсальности* и возможности использования не только для оценки эффективности проводимой *государственной* политики, но и деятельности иных субъектов в рассматриваемой сфере.

В качестве *третьего* критерия эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности предлагаем выделять не только их способность обеспечить состояние защищенности национальных интересов государства, но и направленность на максимально возможное *удовлетворение субъективных прав и законных интересов* всех участников правоотношений.

В данном случае речь идет о том, что правовое обеспечение реализации национальных интересов, несмотря на всю их значимость и разнообразие, не должно осуществляться «любой ценой», за счет нивелирования принципов правовой государственности, создания юридических по своей природе средств обеспечения национальной безопасности, которые, тем не менее, вряд ли можно будет назвать *правовыми* в полном смысле этого слова.

Юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должны гарантировать реализацию не только *конституционных* прав и свобод граждан, как это подчеркивается в самой

²⁴¹ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

Стратегии национальной безопасности РФ, но и не препятствовать реализации *иных* правовых дозволенностей – субъективных прав и законных интересов участников правоотношений, которые закреплены действующим законодательством или вытекают из его смысла (по отношению к законным интересам). В отмеченной связи В.В. Субочев справедливо подчеркивает, что возможность реализации законных интересов (а не только гарантированных государством дозволений в виде субъективных прав) свидетельствует о *развитой* правовой государственности, об эффективности механизма правового регулирования, позволяющего участникам правоотношений реализовать не противоречащие закону стремления и удовлетворять свои правомерные интересы²⁴².

Таким образом, юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации не должны создавать необоснованных препятствий реализации субъективных прав и законных интересов субъектов права, ограничивать их правомерную активность.

Четвертым критерием эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности следует признать *легитимность* данных средств, ведь, как справедливо подчеркивает В.В. Денисенко, реализация какого-либо правила в поведении конкретного лица – событие не безусловное, поскольку зависит от разума и воли исполнителя²⁴³.

Другими словами, юридические средства обеспечения национальной безопасности должны восприниматься участниками общественных отношений не как нечто навязанное, обязывающее жертвовать насущными интересами ради абстрактных целей, но как вытекающие из потребностей социума и отвечающие его запросам *способы* обеспечения стабильного развития и защиты государственности, *гарантии* успешного,

²⁴² См.: Субочев В.В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2 (21). С. 27-31.

²⁴³ См.: Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М., Проспект, 2022. С. 7.

сбалансированного сосуществования интересов личности, общества и государства.

В отмеченной связи, верно заключение о том, что правовое регулирование должно пониматься не только как инструмент упорядочения отношений, достижения конкретной юридической цели, но и как процесс поддержки коммуникативных связей в обществе, где граждане юридически равны и могут участвовать в нормотворчестве²⁴⁴.

Легитимность юридических средств позволит обеспечить национальную безопасность государства без обострения внутренних противоречий и провоцирования социальной напряженности, что, в свою очередь, данную безопасность ослабляет и делает государство уязвимым, а общество – способным легко поддаваться на различного рода провокации и манипуляции.

Увеличение количества законов и иных источников права, имеющее своим итогом юридификацию современного общества, приводит к усложнению правового регулирования, увеличению количества как нормативных предписаний, так и иных юридических средств, что не всегда связано с повышением эффективности данного регулирования.

Необходимость обеспечить в том числе и юридическими средствами национальную безопасность Российской Федерации – максимально объемного и многоаспектного объекта правового регулирования, с неизбежностью приводит к правовой регламентации практически всех сфер жизнедеятельности общества, что должно *компенсироваться* повышением легитимности данной юридификации, так называемой *встречной легитимностью*.

В качестве одного из оснований такой легитимности и должны выступить традиционные духовно-нравственные ценности российского общества, направленность на сохранение и укрепление которых является не

²⁴⁴ См.: Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М., Проспект, 2022. С. 194.

только критерием эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности государства, но и важнейшим основанием легитимности последних²⁴⁵, обеспечивающих их позитивное восприятие подавляющим большинством населения России.

Пятым критерием эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности выступает дальнейшее укрепление позиций Российской Федерации в формировании справедливого многополярного мира, развитие взаимовыгодного и равноправного сотрудничества России с иностранными государствами, усиление ее влияния в мировой экономике, в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве.

Национальная безопасность государства во многом зависит от внешнего вектора его развития, поэтому достижение целей внешней политики, закрепленных в Указе Президента РФ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 № 229²⁴⁶ также считаем важнейшим критерием эффективности юридических средств, направленных на ее осуществление.

Следует отметить, что изложенные выше комплексные критерии оценки эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются достаточно *универсальными*, включают в себя разнообразные показатели данной эффективности и могут применяться к оценке правотворческих, правоприменительных, правоинтерпретационных и иных юридических средств.

²⁴⁵ См.: Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173–176; Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. 2014. № 3. Т. 19. С. 1096–1099.

²⁴⁶ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

Универсальность предложенных критериев во многом обуславливается тем, что они включают в себя *три ключевых уровня* оценки эффективности юридических средств²⁴⁷.

Во-первых, *формально-юридический уровень*, который позволяет оценить, были ли достигнуты поставленные перед правовым регулированием цели и какие конкретные показатели для этого могут быть применены. Данный уровень оценки эффективности является классическим и широко используемым на практике. К примеру, Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 № 474 в п. 1 определяет национальные цели развития, а в п. 2 устанавливает целевые показатели, характеризующие достижение обозначенных целей и, следовательно, эффективность используемых для этого средств²⁴⁸.

Во-вторых, *ценностный уровень*, связанный с тем, что юридические средства, используемые для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, должны не только не противоречить традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества, но и быть направленными на их сохранение и укрепление. Данный уровень связан с легитимацией юридического инструментария в условиях отмеченной выше юридикации общества и обеспечивает позитивное восприятие населением правового регулирования, направленного на реализацию национальных интересов государства.

В-третьих, *общесоциальный уровень*, позволяющий оценить общие тенденции развития общества в результате использования конкретных юридических средств обеспечения национальной безопасности, проанализировать показатели, связанные с уровнем и качеством жизни населения, доверием к власти, социально-экономическим, культурным и иным развитием государства.

²⁴⁷ Подробнее о данной концепции см.: Пашенцев Д.А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 31.

²⁴⁸ См.: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

Таким образом, **критерии эффективности** юридических средств обеспечения национальной безопасности являются комплексными и интегративными показателями оценки достижения целей, связанных с реализацией национальных интересов Российской Федерации, а также соответствия данных средств традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества и их направленности на достижение долговременного позитивного общесоциального эффекта.

3.2. Международное сотрудничество и участие Российской Федерации в интеграционных процессах как способ повышения эффективности юридических средств обеспечения ее национальной безопасности

Характер вызовов и угроз, с которыми в настоящее время сталкивается Российская Федерация, актуализирует исследование способов и путей повышения эффективности юридических средств обеспечения ее национальной безопасности. В силу многочисленности и масштабности национальных интересов Российской Федерации, достаточно очевиден тот факт, что данная работа должна представлять собой системную и научно обоснованную *полисубъектную* деятельность, осуществляемую в различных сферах.

Исходя из того, что юридические средства представляют собой как институциональные установления - инструменты (правовые нормы, субъективные права, юридические обязанности, льготы, поощрения, наказания и т.д.), так и деяния (акты реализации прав и обязанностей), полагаем обоснованным утверждать, что и пути повышения эффективности данных средств должны затрагивать как правотворческий, правоприменительный и правоинтерпретационный процессы, так и иные направления юридической практики, а также правовую культуру и правовое сознание участников правоотношений.

Вместе с тем, считаем, что сложившаяся в настоящее время геополитическая обстановка с убедительностью свидетельствует о том, что именно *международное сотрудничество* и участие в различных *интеграционных процессах* государств во многом определяет не только их влияние на международной арене, но и защищенность стратегических интересов, устойчивость перед лицом различных вызовов и угроз. Россия в указанном отношении исключением не является.

Так, в п. 5 Концепции внешней политики Российской Федерации подчеркивается, что место России в мире определяется, в том числе ее статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и участника ведущих межгосударственных организаций и объединений, а проводимый ею самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс продиктован ее национальными интересами²⁴⁹.

Оценивая место России в мире, равно как и основные тенденции и перспективы развития современного миропорядка, Концепция внешней политики Российской Федерации делает акцент на формировании справедливого и многополярного мира (п. 7), на серьезное давление, которое оказывается на ООН и другие многосторонние международные институты, на размывании основ международно-правовой системы и на осложнении выработки коллективных межгосударственных ответов на транснациональные вызовы и угрозы (п. 9).

Обозначенные аспекты, наряду с повышением роли фактора силы в международных отношениях *обуславливают* развитие сотрудничества между государствами, в том числе и теми, которые подвергаются внешнему давлению, активизацию формирования региональных и трансрегиональных механизмов интеграции и взаимодействия в различных сферах, что и является адекватным и единственно возможным вектором международного сотрудничества, осуществляемого в целях защиты национальных интересов

²⁴⁹ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

Российской Федерации и, следовательно, укрепления ее национальной безопасности.

Таким образом, полагаем, что в сложившихся геополитических реалиях международное сотрудничество России, равно как и ее участие в различных интеграционных процессах является действенным способом обеспечения ее национальной безопасности в том числе посредством повышения эффективности соответствующих *юридических* средств.

В отмеченной связи следует остановиться на том, какие формы международного сотрудничества и каким образом могут повлиять на повышении эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Данный анализ полагаем уместным осуществлять, исходя из *приоритетных направлений* внешней политики России, закрепленных в Концепции внешней политики Российской Федерации – важнейшем документе стратегического планирования в рассматриваемой сфере.

Во-первых, повышению эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности будет способствовать формирование *справедливого и устойчивого мироустройства* в целом, на чем и фокусируется внешняя политика России.

Претензии на моральное лидерство и доминирование в международных отношениях стран коллективного Запада ослабляют потенциал и способность международного права выступать справедливым и общепризнанным регулятором международных отношений, что ставит под угрозу уже существующие договоренности в различных сферах, включая и военное сотрудничество.

В этой связи оправданы усилия России по повышению статуса таких межгосударственных объединений и организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и др.

Активизация взаимодействия в рамках данных организаций позволит более эффективно противостоять санкционному давлению, оказываемому на Россию и поддержать региональную и субрегиональную интеграцию в рамках дружественных международных институтов и объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке.

Полагаем необходимым солидаризироваться с позициями ученых, отмечающих, что для России сотрудничество в сфере безопасности является крайне важным и непростым даже в регионах, где наше государство традиционно воспринимается в качестве надежного друга и партнера²⁵⁰.

Во-вторых, построение справедливого и устойчивого мироустройства невозможно без *обеспечения верховенства права* в международных отношениях, что, в свою очередь, позволит обеспечить действенность юридических средств обеспечения национальной безопасности государства.

Именно верховенство права в межгосударственном взаимодействии позволит обеспечить предсказуемость мирового развития и следование установленным договоренностям во избежание неблагоприятных санкций. В противном же случае хаос и право сильного внесет дисбаланс во взаимовыгодное сотрудничество государств и нивелирует любые юридические средства обеспечения национальных интересов.

В этой связи вызывает особую озабоченность стремление государств коллективного Запада создать новую «основу» международного права в виде т.н. «правил», на которые и должен опираться новый миропорядок. Речь идет о концепции «порядка, основанного на правилах» («rules-based world order» или «rules based international system» - RBIS)²⁵¹, об опасности которых 24 июня 2022 г. предупредил В.В. Путин, выступая на заседании в формате БРИКС + отметив, что «некоторые страны в интересах своего доминирования в мире стремятся подменить глобальную архитектуру, опирающуюся на роль ООН,

²⁵⁰ См.: Карпович О.Г., Смагина Л.А. Россия в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы и угрозы // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 15-20.

²⁵¹ См.: Vylegzhani A.N. The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses // Moscow Journal of International Law. 2021. № 2. P. 35– 60.

неким «порядком, основанным на правилах», кто эти правила придумал — непонятно. Попытки сдержать развитие государств, не готовых жить по таким придуманным кем-то правилам, безрассудное применение нелегитимных санкционных инструментов, помноженное на последствия пандемии коронавируса, – всё это лишь обострило кризисные явления мировой экономики»²⁵².

Манипулирование юридическими средствами на международном уровне²⁵³, игнорирование ключевых принципов международных отношений, зафиксированных в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций²⁵⁴, не позволяет обеспечить национальную безопасность государства «цивилизованными», а, другими словами – юридическими средствами, что также в свою очередь ведет к возрастанию роли фактора силы в международных отношениях.

Следовательно, значимость фактора силы в международных отношениях тем выше, чем ниже уровень уважения государств к международному праву и соблюдению его норм.

Вместе с тем, соблюдение норм международного права не только является прямым способом повышения эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности государства и снижения угрозы использования военной силы, но и повышает эффективность, в том числе, и самой военной политики, которая также должна быть предсказуемой и осуществляться в соответствии с Уставом ООН.

²⁵² Путин: некоторые страны пытаются подменить глобальную архитектуру на «придуманные правила». URL: <https://russian.rt.com/world/news/1018406-pravila-briks-putin> (дата обращения: 30.04.24 г.).

²⁵³ См.: Куликов М.А. Технологии манипулирования правовыми ограничениями: российские реалии и международный опыт // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145). С. 7-19; Субочев В.В., Куликов М.А. Злоупотребление правом как юридическая составляющая европейской дезинтеграции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 85–95.

²⁵⁴ См.: «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., БЕК, 1996. С. 2-8.

В силу данных обстоятельств можно сформулировать вывод, что обеспечение верховенства международного права можно обеспечить лишь при помощи согласования и координации усилий различных государств, а, другими словами, с помощью международного сотрудничества и участия в интеграционных процессах.

Следующим официально установленным приоритетом осуществления внешней политики России выступает *укрепление международного мира и безопасности*. В соответствии с п. 24 Концепции внешней политики Россия исходит из неделимости международной безопасности и стремится к ее обеспечению посредством мирных средств: дипломатии, переговоров, посредничества, добрых услуг и т.д.

Вместе с тем, есть все основания полагать, что к числу мер, направленных на противодействие вмешательства во внутренние дела суверенных государств, имеющих своей целью осложнение внутривнутриполитической ситуации в различных странах, следует относить не только политико-дипломатические средства, но и использование военного ресурса и, в особенности, ресурса частных военных компаний.

В п. 12 Военной доктрины Российской Федерации деятельность частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе государства справедливо рассматривается в качестве ключевой военной опасности²⁵⁵. Вместе с тем, необходимо не только учитывать деятельность данных организаций в качестве военной опасности, но и использовать их потенциал в национальных интересах России. Полагаем, что активное использование ресурса частных военных и охранных компаний, который востребован не только отдельными суверенными государствами, но и международными *бизнес-структурами*, может существенно усилить эффективность политико-правового инструментария, используемого Россией на международном уровне.

²⁵⁵ См.: «Военная доктрина Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. № 298. 30.12.2014.

При всей масштабности деятельности частных военных и охранных компаний по всему миру, в настоящее время не существует международного договора, регулирующего их деятельность²⁵⁶, что, с одной стороны увеличивает произвольное, не санкционированное на должном уровне участие вооруженных формирований в различных «горячих» точках, а с другой – позволяет России использовать данные формирования для обеспечения реализации национальных интересов и усиления своего влияния в мире согласно собственному видению ситуации исходя лишь из общих принципов и норм международного права.

Деятельность частных военных и охранных компаний позволит обеспечить исполнение заключенных договоров, безопасность сотрудников международных организаций, транспортных коридоров, транзит власти в определенных государствах как в соответствии с нормами международного права, так и национальными интересами России и реализацию многих иных целей, что существенно повысит эффективность в том числе и юридических средств, направленных на обеспечение национальной безопасности России.

Как справедливо подчеркивает Э.К. Сайфуллин, «войны нового поколения бросают вызов не только военным аналитикам, стратегам и архитекторам военных доктрин, но и *юристам* (выделено нами: М.С.)»²⁵⁷, что подчеркивает не только значимость международного права в предотвращении военных конфликтов и роль юридических средств в международной архитектуре безопасности, но и тот очевидный факт, что эффективная военная политика, военные блоки и присутствие вооруженных сил государства или уполномоченных им структур (частных военных и охранных компаний) в стратегически значимых точках позволяют повысить эффективность

²⁵⁶ См.: Сайфуллин Э.К. Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранный компании // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 127 – 142; Егорова А.К. Частные военные и охранные компании или организованные преступные группы? Вопросы разграничения в международном и национальном уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 6. С. 27-30.

²⁵⁷ Сайфуллин Э.К. Указ. соч. С. 141.

используемых юридических средств обеспечения национальной безопасности России.

Важнейшим приоритетом внешней политики, непосредственно направленным на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, является *международное экономическое сотрудничество и содействие международному развитию*.

В рамках международного экономического *сотрудничества* возможно укрепление российского присутствия на мировых рынках, географическая диверсификация партнерских связей, улучшение условий доступа российских товаров и услуг на мировые рынки, защита российских организаций и продукции от дискриминационных действий каких-либо государств и недобросовестной конкуренции.

Россия обеспечивает реализацию данного приоритета во многом благодаря участию в различных союзах и организациях.

Так, в соответствии с утвержденной Президентом РФ Концепцией участия Российской Федерации в объединении БРИКС, всех партнеров по данной организации объединяет стремление реформировать международную финансово-экономическую архитектуру, а также взаимодополняемость многих секторов экономики государств-участников²⁵⁸. В Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года также делается акцент на готовность стран БРИКС сообща реагировать на глобальные экономические вызовы и макроэкономические потрясения, стимулировать уверенный экономический рост и поддерживать многостороннюю торговую систему²⁵⁹.

На содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту государств-партнеров делается акцент в Хартии Шанхайской

²⁵⁸ См.: Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 30.04.24 г.).

²⁵⁹ См.: Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года (Принята 17.11.2020) // Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС в 2020 году <https://brics-russia2020.ru> (дата обращения: 30.04.24 г.).

организации сотрудничества²⁶⁰, а Евразийский экономический союз и вовсе создан в качестве организации, преследующей такие цели, как создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, а также всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики²⁶¹.

Таким образом, реализация целого ряда национальных интересов России возможна только при помощи международного экономического сотрудничества, которое позволяет не только обеспечить сбалансированное развитие национальной экономики, но и стимулировать создание и использование правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств, обеспечивающих реализацию отмеченного приоритета.

Одним из важнейших приоритетов реализации внешней политики России является обеспечение интересов нашего государства в *Мировом океане, космическом и воздушном пространстве*²⁶². Очевидно, что национальные интересы России в данной сфере могут быть реализованы лишь благодаря различным формам международного сотрудничества и участия государства в интеграционных процессах, направленных на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве, обеспечение доступа нашего государства к международному воздушному пространству с учетом принципов свободы полетов, а также создание гарантий на свободный и полный доступ к транспортным коммуникациям и ресурсам Мирового океана.

Международное сотрудничество и участие в интеграционных процессах позволяют в полной мере реализовать национальные интересы

²⁶⁰ См.: Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Принята в г. Санкт-Петербурге 07.06.2002) (с изм. от 15.06.2006) // Собрание законодательства РФ. 23.10.2006. № 43.

²⁶¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // Официальный сайт ЕАЭС <http://www.eaunion.org/> (дата обращения: 30.04.24 г.).

²⁶² См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406. П. 36.

России в области *охраны окружающей природной среды и глобального здравоохранения*: препятствовать незаконному, варварскому использованию ограниченных природных ресурсов Мирового океана и отдельных развивающихся стран коллективным Западом под маркой создания «совместных» предприятий и иными благовидными предложениями; предотвращать занесение на территорию России загрязняющих и радиоактивных веществ; препятствовать политизации международного здравоохранения и способствовать повышению эффективности борьбы с новыми эпидемиями и т.д.

В рамках международного сотрудничества и участия в интеграционных процессах возможно усилить присутствие России в мировом гуманитарном пространстве и сформировать ее позитивное восприятие за рубежом, а также противодействовать той русофобской кампании, которая активно развернулась в «развитых демократиях» т.н. цивилизованного Запада.

Посредством активизации международного сотрудничества Российская Федерация способна обеспечить продвижение национальных товаров и услуг на международных рынках, привлечь инвестиции в страну, продемонстрировать очевидные преимущества и сильные стороны российского образования, сформировать привлекательный образ страны для иностранных туристов и т.д.

Другими словами, международное сотрудничество и участие России в интеграционных процессах является залогом реализации ее национальных интересов в самых разных сферах. Так, в научной литературе получили освещение различные формы межгосударственного взаимодействия, связанные с таможенным сотрудничеством в обеспечении экономической безопасности России²⁶³, ее информационной безопасностью²⁶⁴, повышением

²⁶³ См.: Бондарь Е.Г. Значение международного таможенного сотрудничества в обеспечении национальной и экономической безопасности Российской Федерации // Таможенное дело. 2022. № 4. С. 28-32.

²⁶⁴ См.: Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 7-15.

качества и эффективности деятельности правоохранительных органов²⁶⁵, совершенствованием различных отраслей права²⁶⁶ и т.д.

Межгосударственные процессы в условиях глобализации являются мощнейшим фактором трансформации национальных правовых систем, эволюции признаков государственности и самого суверенитета не только как абстрактного понятия, но и важнейшего социального института²⁶⁷.

Изложенное выше позволяет сформулировать ряд *выводов*.

1. Международное сотрудничество и участие Российской Федерации в интеграционных процессах, связанных с реализацией национальных интересов нашего государства в различных сферах (начиная от формирования многополярного мироустройства и заканчивая предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве) *стимулирует* развитие юридического инструментария, обеспечивающего правомерную форму данных процессов, их соответствие как международному праву, так и внутригосударственным нормативно-правовым актам.

Различные формы межгосударственного взаимодействия стимулируют не только *создание* правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств, но и их активное *использование* в процессе реализации национальных интересов, что позволяет говорить о том, что международное сотрудничество непосредственно связано как с юридическими средствами-инструментами (установлениями), так и деяниями.

²⁶⁵ См.: Максименко Е.И., Голощапова А.Г. Некоторые вопросы международного сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 4. С. 19 – 22; Аверина А.В. Международное сотрудничество по противодействию преступности как направление внешней политики Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 26-29.

²⁶⁶ См.: Брановицкий К.Л., Незнамов А.В., Ренц И.Г. Цифровизация гражданского процесса в масштабах интеграционных объединений (на примере ЕАЭС) // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 77-90.

²⁶⁷ См.: Чиркин В.Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5–19; Володина О.В., Крижановская Г.Н., Мирошниченко И.В. Государственный суверенитет в условиях однополярного мироустройства // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 57-70; Субочев В.В. Эволюция государственного суверенитета в условиях глобализации: реалии и перспективы // Вестник Российского нового университета. Серия: «Человек и общество». 2019. № 1. С. 184-189.

Таким образом, международное сотрудничество и участие России в интеграционных процессах выполняет *стимулирующую функцию* по отношению к юридическим средствам обеспечения национальной безопасности государства.

2. В силу того, что именно международное сотрудничество позволяет *защитить* ряд национальных интересов (связанных, к примеру, с продвижением российских товаров на международных рынках, усилением присутствия России в мировом гуманитарном пространстве и т.д.), обеспечить выполнение договоров и соглашений, гарантировать безопасность приграничных территорий, обеспечить реализацию интересов стран-партнеров в рамках межгосударственных союзов и объединений, есть все основания утверждать, что международное сотрудничество и участие Российской Федерации в интеграционных процессах выполняет *охранительную функцию* по отношению к юридическим средствам (как инструментам, так и деяниям) обеспечения ее национальной безопасности.

3. Полагаем, что межгосударственное взаимодействие, практика международного сотрудничества в глобализирующемся мире, совместное противодействие природным и социальным вызовам и угрозам национальным интересам стран-партнеров является важнейшим *источником информации* для совершенствования правотворческих, правоприменительных, правоинтерпретационных и иных юридических средств обеспечения национальной безопасности государства. Органы публичной власти и иные субъекты обеспечения национальной безопасности государства черпают информацию из *практики* межгосударственного взаимодействия, специфика которого позволяет увидеть недостатки имеющегося юридического инструментария и наметить способы его совершенствования.

Таким образом, полагаем уместным заключить, что международное сотрудничество и участие России в интеграционных процессах выполняет *информационную функцию* по отношению к юридическим средствам обеспечения национальной безопасности государства.

4. В рамках международного сотрудничества, равно как и противостояния недружественным или явно враждебным действиям государств *проверяется* действенность, эффективность имеющихся юридических средств обеспечения национальной безопасности государства. Эффективность заключенных договоров о сотрудничестве, гарантии исполнения обязательств, применимость положений соглашений и конвенций, устойчивость отдельных элементов национальной правовой системы перед лицом деструктивного информационного воздействия могут быть проверены во многом в процессе взаимодействия с другими государствами, исходя из складывающихся реалий международных отношений.

Таким образом, международное сотрудничество и участие России в интеграционных процессах выполняет *контрольную (индикативную) функцию* по отношению к юридическим средствам обеспечения национальной безопасности государства.

Помимо этого, международное сотрудничество и участие России в интеграционных процессах, выполняя ряд важнейших функций по отношению к юридическим средствам обеспечения национальной безопасности государства является важнейшим способом повышения их эффективности.

Каждая из перечисленных выше функций международного сотрудничества и участия России в интеграционных процессах является *индикатором* тех конкретных способов, которые могут быть использованы для повышения эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности.

Изложенное также позволяет увидеть взаимозависимость между юридическими средствами обеспечения национальной безопасности и любыми формами и способами международного сотрудничества.

С одной стороны, именно юридические средства обеспечивают как легальный, так и предсказуемый характер международному сотрудничеству, являясь его *основой*, с другой стороны – международное сотрудничество обеспечивает действенность и эффективность международного права в целом,

равно как и всех иных юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

3.3. Оптимизация использования юридических средств в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации: авторская концепция

Национальная безопасность Российской Федерации является предельно широким и многоаспектным объектом правового обеспечения, который предполагает необходимость обеспечения гарантированной реализации разнообразных национальных интересов, затрагивающих практически все сферы общественной жизни.

Учитывая тот факт, что в соответствии с Указом Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400²⁶⁸ к национальным интересам Российской Федерации относится сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан и поддержание гражданского мира и согласия в стране, развитие безопасного информационного пространства и многие другие интересы, логично прийти к заключению, что обеспечение их гарантированной реализации предполагает использование в том числе юридических средств в самых разных сферах общественной жизни, даже тех, которые *традиционно не являлись* объектом правового регулирования.

Деструктивное информационно-психологическое воздействие западной пропаганды на российских граждан и особенно молодежь, подрастающее поколение, претензии коллективного Запада на моральное лидерство и целенаправленное размывание значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей обуславливают необходимость правового регулирования таких чувствительных вопросов, социальных

²⁶⁸ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

отношений, которые еще несколько лет назад представляли собой ядро гражданского общества и, по общему представлению, должны были находиться вне непосредственной правовой регламентации. Вопросы укрепления семьи, повышения рождаемости, недопустимости пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, охраны и защиты религиозных ценностей в многоконфессиональной стране – это лишь малая часть тех весьма чувствительных аспектов, которые с очевидностью требуют эффективной и адекватной *правовой* регламентации.

Это свидетельствует о том, что юридические средства обеспечения национальной безопасности с неизбежностью расширяют сферы воздействия на общественные отношения и, в целях повышения своей эффективности, нуждаются в постоянной *оптимизации*. Другими словами, если сложившиеся социальные реалии таковы, что обеспечение национальной безопасности предполагает практически *тотальную юридикацию* современного общества, то повышение эффективности, социальной обусловленности и, следовательно, адекватности используемых для этого юридических средств является *единственным способом* обеспечения не только гарантированной реализации национальных интересов, но и сохранения гармоничного сосуществования интересов личности, общества и государства, обеспечения реализации конституционных прав и свобод граждан, усиления консолидации российского общества.

Оптимизация использования юридических средств обеспечения национальной безопасности является *залогом* повышения их эффективности, равно как и эффективное юридическое средство может потерять свой регулятивный потенциал в результате неграмотного или несвоевременного (не оптимального) использования. Таким образом, эффективность юридических средств обеспечения национальной безопасности и их оптимизация – взаимозависимые, но не тождественные понятия.

Согласно Большому академическому словарю русского языка под оптимизацией понимается выбор наилучшего варианта из возможных,

приведение системы или процесса в оптимальное состояние, повышение интенсивности чего-то в целях достижения высоких результатов²⁶⁹. Также под оптимизацией понимается *процесс* нахождения экстремума (глобального максимума или минимума) определенной функции²⁷⁰.

Для того, чтобы любой процесс оптимизации проходил эффективно и достиг запланированных результатов, необходимо выполнение ряда традиционных условий: постановка четкой *цели* (для достижения каких результатов предпринимается процесс оптимизации); разработка *критериев* оптимизации и наличие представления о тех *ограничениях*, которые будут выступать объективными границами оптимизации.

Таким образом, предлагаем исходить из того, что **оптимизация юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации** представляет собой процесс создания эффективно функционирующей их *системы*, в которой правотворческие, правореализационные, правоинтерпретационные и иные юридические средства обеспечивают максимально полную гарантированную реализацию национальных интересов Российской Федерации.

Несложно прийти к выводу, что *целью* оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является повышения уровня национальной безопасности государства до максимально возможного исходя из геополитической обстановки, а также социально-экономического, информационного-технологического и иного потенциала государства.

Предлагаем выделять два ключевых *критерия эффективности* процесса оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: гарантированная и максимально полная в сложившихся условиях реализация национальных интересов и достижение

²⁶⁹ См.: Большой академический словарь русского языка. М., Наука, 2010. Т. 14. С. 53.

²⁷⁰ См.: Большая советская энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1969-1978. 3-е Изд. Т. 18. С. 525. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm?ysclid=lsbk6wzrzu574868208> (дата обращения: 30.04.24 г.).

стратегических национальных приоритетов, закрепленных в п. 25 Стратегии национальной безопасности РФ.

Процессу оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации присущ и целый ряд *ограничений*. К основным из них можно отнести следующие.

1. Внешние и внутренние вызовы и угрозы национальной безопасности, которые являются объективным препятствием полноценной и гарантированной реализации национальных интересов.

2. Необходимость выполнения целого ряда *условий* при обеспечении национальной безопасности государства (без которых национальная безопасность не может быть гарантирована как таковая), к которым п. 5 Стратегии национальной безопасности РФ отнес следующие: реализация конституционных прав и свобод граждан; обеспечение достойного качества и уровня их жизни; гражданский мир и согласие в стране; охрана суверенитета Российской Федерации, независимость и государственная целостность государства и его устойчивое социально-экономическое развитие.

Следовательно, национальная безопасность Российской Федерации не может быть обеспечена «любой ценой». Процесс обеспечения национальной безопасности страны должен гарантировать выполнение перечисленных выше условий, что и является ограничением для всех тех действий, которые и предпринимаются в данном направлении.

3. Иные ограничения, связанные с уровнем профессионализма и компетенции субъектов правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного процессов; уровнем правосознания и правовой культуры в обществе; социальной обусловленностью, востребованностью отдельных юридических средств; изменением геополитической обстановки и иными ситуациями, представляющими собой объективные или субъективные препятствия использованию юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Итак, сфокусируемся на основных **способах** оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

1. Прежде всего следует отметить, что важнейшим способом рассматриваемой оптимизации является построение эффективной *системы* юридических средств и обеспечение слаженного взаимодействия всех ее звеньев.

Именно слаженная и четко функционирующая *система* юридических средств и должна являться одним из *результатов* оптимизации их использования в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Представители различных наук еще несколько десятилетий назад пришли к выводу о том, что явления и процессы окружающей нас действительности могут и должны рассматриваться как системы, что позволит многократно увеличить объем знаний о мире и социальных процессах в сравнении с механистической призмой их изучения²⁷¹.

Согласно классическому определению система – это множество элементов любой природы (в том числе и социальной), находящихся в отношениях и связях друг с другом, образуя единую целостность²⁷².

Вместе с тем, В.М. Никоноров на основе математических расчетов пришел к выводу, что проанализировать все возможные взаимодействия между элементами системы, состоящей даже из ста элементов сейчас не сможет ни один суперкомпьютер²⁷³, настолько многовариативны и *непредсказуемы* возможные формы их взаимосвязей.

Система же юридических средств обеспечения национальной безопасности предполагает наличие следующих основных системных свойств

²⁷¹ См.: Никоноров В.М. Системы, сущность и свойства // Российское предпринимательство. 2015. № 16. С. 2499-2508; Аппело Ю. Agile-менеджмент. Лидерство и управление командами. М., Альпина, 2023. 231 с.

²⁷² См.: Большой Российский энциклопедический словарь. М., БРЭ, 2003. С. 1437.

²⁷³ См.: Никоноров В.М. Указ. соч. С. 2505.

(иначе говорить о совокупности юридических средств как о системе беспочвенно):

- обладает определенной *целью*, несмотря на наличие *подцелей* у отдельных элементов системы (в данном случае обеспечение национальной безопасности является общей целью функционирования системы, а охрана и защита государственной границы, к примеру, целью отдельных подсистем системы обеспечения национальной безопасности государства);

- состоит из большого количества взаимодействующих и, в свою очередь, *сложноорганизованных элементов* (субъектов правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной и иной деятельности, системы нормативно-правовых, правореализационных и правоинтерпретационных актов и т.д.);

- демонстрирует *эмерджентность*, что означает, что свойства данной системы не сводимы к свойствам отдельных ее элементов (свойства системы юридических средств обеспечения национальной безопасности государства не тождественны свойствам и даже сумме свойств отдельных разновидностей юридических средств: нормативно-правовых актов, правоприменительных актов, актов реализации прав и обязанностей участников правоотношений и т.д.);

- предполагает *нелинейность* взаимодействия составляющих ее элементов и, следовательно, нелинейность (не полную предсказуемость) своего развития и функционирования в целом (в частности, даже такой специально-юридический метод исследования как правовое моделирование не всегда позволяет точно определить (предсказать) те последствия, к которым может привести принятие того или иного нормативно-правового акта, решение органа публичной власти, заявление политика или должностного лица и т.д.);

- *взаимодействует с окружающей средой* и другими системами (система юридических средств обеспечения национальной безопасности тесно взаимосвязана практически со всеми сферами жизнедеятельности общества,

что обуславливает ее динамизм, открытость, равно как и значимость для гармоничного и устойчивого развития государства).

Изложенные свойства системы подчеркивают значимость обеспечения тесного *взаимодействия* особенно между правотворческими, правореализационными и правоинтерпретационными юридическими средствами в процессе охраны и защиты национальных интересов России.

Каким бы эффективным не было правотворчество, вне актов реализации права, в том числе правоприменительной деятельности, оно не сможет реализовать свой праворегулятивный потенциал и останется лишь безжизненной массой не востребуемых предписаний.

Другими словами, правоприменительные органы должны четко представлять как национальные стратегические приоритеты, так и национальные интересы Российской Федерации и руководствоваться в своей деятельности не только буквой, но и *духом* законодательства, ведь система всех рассматриваемых юридических средств имеет конечную цель – обеспечить национальную безопасность государства.

В данной системе взаимодействия особую роль играет правоинтерпретационный процесс, который лежит в основе формирования правовой идентичности современной России²⁷⁴, обеспечивает не только грамотную и глубоко осознанную реализацию правовых предписаний, но и позволяет адекватно интерпретировать юридические нормы в сложившихся геополитических условиях.

Именно процесс толкования юридических норм позволяет умножить усилия субъектов правотворческого и правореализационного процессов на научное и адекватное сложившемуся реалиям понимание вектора развития

²⁷⁴ См.: Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. 154 с.; Зорькин В.Д. Справедливый миропорядок: современные подходы // Выступление В.Д. Зорькина на юридическом форуме стран БРИКС. 30 ноября 2017. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=83> (дата обращения: 30.04.24 г.); Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403-414; Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 7–10.

государства и противостоять манипулятивным технологиям в информационной сфере²⁷⁵.

Таким образом, создание *системы* юридических средств в полном смысле этого слова и повышение эффективности взаимодействия всех ее элементов выступает важнейшим способом их оптимизации в деле обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

2. Следующим способом оптимизации использования юридических средств обеспечения национальной безопасности государства является усиление взаимодействия органов публичной власти и институтов *гражданского общества*. Консолидация российского общества предполагает, в том числе, сбалансированное сосуществование органов публичной власти и различного рода ассоциаций, союзов, некоммерческих организаций и иных форм объединения граждан не только с позиции субъект-объектных отношений в процессе реализации властных полномочий, но и с позиции *субъект-субъектного* взаимодействия, в процессе которого и можно настроить взаимовыгодный диалог, противостоять внешнему давлению на государство и точнее идентифицировать внутренние угрозы национальной безопасности.

В современном информационном пространстве органы публичной власти давно *утратили монополию* на лидерство в вопросах формирования общественного мнения и пропаганды определенных ценностей. Необходимо признать ту весомую роль, которую играют т.н. инфлюенсеры – молодежные авторитеты, блогеры, отдельные негосударственные СМИ и иные субъекты в создании и координации общественного дискурса, определении границ дозволенного, приемлемого и недопустимого.

Правовые и моральные нормы (или *средства*) были и остаются важнейшими социальными регуляторами, однако соответствие установкам,

²⁷⁵ См.: Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права: понятие, содержание, технологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 109-125.

укоренившемся в общественном сознании, придает юридическим средствам дополнительную эффективность, действенность. Взаимодействие между органами публичной власти и институтами гражданского общества позволяет сделать национальную безопасность подлинным общим знаменателем для личной, общественной и государственной безопасности.

3. В силу многоаспектности и многочисленности национальных интересов Российской Федерации, создание и использование юридических средств обеспечения их охраны, защиты и гарантированной реализации должно иметь под собой понятное, формально закрепленное, практически применимое и безусловно значимое для всего общества *основание*.

В качестве такого основания должны выступить *традиционные российские духовно-нравственные ценности*, которые в настоящее время являются не только особой философско-культурологической категорией, вмещающей в себя неограниченное количество смыслов, но и получили формальное закрепление и конкретизацию благодаря ряду указов Президента РФ, среди которых следует особо отметить Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809²⁷⁶ и Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400²⁷⁷.

Считаем, что Президент РФ взял на себя смелость изложить содержание понятия «традиционные духовно-нравственные ценности», и определить их значимость не только для консолидации российского общества, но и для функционирования органов публичной власти. Данное обстоятельство вызвало дискуссии среди ученых-юристов относительно того, насколько оправдано *традиционные духовно-нравственные ценности*

²⁷⁶ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

²⁷⁷ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

формализовать в конкретном нормативно-правовом акте. Однако, на наш взгляд, ключевая заслуга Президента РФ состоит в том, что важное, но достаточно абстрактное понятие, он сумел конкретизировать и превратить в ориентир не только для публичного управления, но и для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, которая во многом зависит от национальной идентичности и цивилизационной безопасности государства²⁷⁸.

Руководство традиционными духовно-нравственными ценностями в процессе как создания, так и использования юридических средств обеспечения национальной безопасности России является одним из способов их оптимизации, обеспечения непротиворечивого сосуществования в единой системе и придания им дополнительной легитимности.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности, перечисленные в п. 5 Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809, являются той сущностной основой, которая должна предопределять любую деятельность, связанную с созданием и использованием юридических средств обеспечения национальной безопасности России и которая позволит обеспечить действенную реализацию национальных приоритетов при сохранении баланса интересов личности, общества и государства.

²⁷⁸ См.: Сабаева С.В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 30-34; Умнова-Конюхова И.А. Духовно-нравственная мобилизация конституций как запрос и тенденция конституционного развития современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 24-28; Горбунова Я.П. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности России в области культуры: проблемы теории и практики // Административное право и процесс. 2022. № 9. С. 63-67; Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Pro et Contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 30-37; Дерюгин А.А., Крижановская Г.Н. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как детерминанты безопасности государства // Нравственность и гуманизм в праве и культуре. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности "Университет", 2024. С. 154-160.

Кроме того, ориентация на традиционные духовно-нравственные ценности при обеспечении национальной безопасности государства позволит придать неизбежной юридикации современного общества гуманистический и соответствующий цивилизационной идентичности России характер, позволяющий говорить о самобытности и исключительности российской правовой системы.

В указанном аспекте традиционные российские духовно-нравственные ценности позволяют избежать идеологической и концептуальной зависимости России от Запада²⁷⁹ и предотвратить размывание основ государственного суверенитета²⁸⁰.

4. Необходимо принимать во внимание, что процесс оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации во многом связан с правомерной, но *неюридической* по своему содержанию деятельностью, или, говоря иными словами, с использованием *неюридических по своему содержанию* средств.

Действенность правотворческих, правореализационных и правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности зависит от соответствующего информационного сопровождения, разъяснительной работы, популяризации осуществляемой стратегии, усилий образовательных организаций и другой деятельности, направленной на легитимизацию избранной юридической стратегии.

Правовое регулирование, равно как и правовое воздействие – это часть *социокультурной сферы* общества, а само право, по меткому выражению К.Р. Симонян, представляет собой регулятивную форму культуры²⁸¹, в связи с чем недооценивать взаимодействие юридических средств обеспечения

²⁷⁹ См.: Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М., Издательский дом «Международные отношения», 2023. С. 151.

²⁸⁰ См.: Subochev V.V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. 2019. V. 12. № 4. P. 266-275; Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13-21.

²⁸¹ См.: Симонян К.Р. Правовое воздействие в сущностном и функциональном измерении. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 3.

национальной безопасности с иными, неюридическими средствами по меньшей мере безосновательно²⁸².

Данная взаимозависимость юридического и неюридического (но правомерного) инструментария как раз-таки и демонстрирует взаимодействие системы юридических средств обеспечения национальной безопасности с внешней средой – другими сферами общественной жизни и механизмами социального регулирования.

В этой связи необходимо использовать все информационно-пропагандистские, образовательные, воспитательные, культурно-просветительские и иные ресурсы *не только* для освещения сущности и задач российской внешней политики, укрепления позиций нашего государства в мировом гуманитарном пространстве, что уже получило свое отражение как в Концепции внешней политики РФ²⁸³, так и в Стратегии национальной безопасности РФ, но и для *популяризации* проводимой государственной политики *внутри* страны, для формирования у граждан России не только чувства гордости за свою Родину, но и за осуществляемую органами публичной власти деятельность.

Необходимо поменять сложившийся в обществе стереотип (*не без оснований* присущий не только российскому обществу), что «власть всегда и во всем виновата». Не умаляя значимости как негативной, так и позитивной (перспективной) ответственности публичной власти перед населением²⁸⁴, тем не менее полагаем, что над имиджем органов власти необходимо активно работать, для чего следует грамотно, активно, но при этом тонко, не «перегнуть палку» подключать все возможные медийные ресурсы.

²⁸² См.: Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70–86; Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность. Монография. / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]. Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2025. С. 289-300.

²⁸³ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

²⁸⁴ Подробнее о позитивной ответственности власти см.: Чепус А.В. Теория позитивной юридической ответственности органов исполнительной власти. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.01. М., 2016. 63 с.

5. Цифровизация и информатизация современного общества по вполне понятным причинам смещает приоритеты образовательных стандартов и программ, отодвигая порой на второй план традиционно обширную общегуманитарную подготовку учащихся повышенным вниманием к обучению точным наукам, программированию, финансовой грамотности, основам инвестирования и т.д. Это не может не сказаться на уровне правосознания и правовой культуры граждан, их правовой и *политической* активности.

Полагаем, что *аксиологический вектор* государственной политики, связанный с институционализацией и активным укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей необходимо дополнить направленностью на повышение уровня *правового сознания* и *правовой культуры* в обществе, без чего невозможно создать «благоприятный климат» для использования юридических средств обеспечения национальной безопасности государства, предполагающей необходимость удовлетворения порой противоречивых интересов личности, общества и государства, что участники правоотношений должны понимать.

6. Важнейшим способом оптимизации юридических средств обеспечения национальной безопасности является активизация *международного сотрудничества* и участия Российской Федерации в интеграционных процессах, о чем уже говорилось выше.

Полагаем, что в данном контексте помимо выстраивания партнерского и равноправного взаимодействия с готовыми к сотрудничеству государствами, необходимо концентрировать усилия на противодействии *манипулятивным технологиям*, активно используемым странами Запада в различных сферах (информационной, политической, финансово-экономической и т.д.), в том числе и в правовой, посредством постановки манипулятивных юридических

целей и использования манипулятивных юридических средств их достижения²⁸⁵.

Следует признать, что в современном обществе манипулирование осуществляется не только определенной информацией, общественным мнением, финансовыми инструментами, но и *юридическими целями и средствами*. Противодействие этому явлению позволит развивать правовую систему России по собственному, а не навязываемому кем-то сценарию, а также развенчать устоявшийся социальный миф о том, что западные страны являются образцом правовой государственности и демократии.

Постоянные попытки очернить имидж России в глазах мирового сообщества по надуманным предлогам; создание неких псевдорейтингов, в которых Россия неизменно проигрывает западным странам; откровенная русофобия, затрагивающая любого гражданина России лишь в силу его национальности или гражданской принадлежности; претензии на моральное лидерство и право устанавливать «собственное» международное право, равно как и оставление в практически полном неведении собственных граждан относительно действий нашего государства по денацификации и демилитаризации Украины являются особым проявлением манипулятивных технологий, которые осуществляются на «законных» основаниях, а следовательно, посредством манипулирования и юридическим инструментарием.

Противодействовать этим явлениям чрезвычайно важно не только по принципиальным, но и *прагматичным* соображениям. Нивелирование обозначенных выше тенденций позволит не только снять пелену с глаз «золотого миллиарда» - жителей т.н. «цивилизованного Запада», но и отстаивать право России на справедливое к себе отношение в мире, на собственную национальную идентичность.

²⁸⁵ См.: Субочев В.В., Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами: основы теории // Право и управление. XXI век. 2023. № 4 (69). С. 41-53; Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29-43.

Изложенное выше позволяет заключить, что оптимизация юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представляет собой комплексный и многоаспектный процесс, который затрагивает далеко не только юридическую практику, но и иные сферы общественной жизни.

Национальная безопасность Российской Федерации тесно связана не только с территориальным, но и политико-правовым, цивилизационным, цифровым, экономическим, культурным, энергетическим и иным суверенитетом, что и образует, в итоге, понятие государственного суверенитета, которое в современных геополитических условиях наполнилось новыми гранями своего содержания. Вместе с тем, данные аспекты суверенитета нельзя трактовать в контексте изолированности, замкнутости и некой самодостаточности. Подлинный суверенитет государства обеспечивается, в том числе, его открытостью к сотрудничеству, умением вести равноправный и взаимовыгодный диалог с любыми партнерами, активно продвигать свои национальные интересы на международной арене.

А.А. Малиновский, обосновывая авторское видение концепта сильного государства, предложил под ним понимать государство, «которое эффективно использует любые *правовые средства* (выделено нами: М.С.) для осуществления возложенных на него функций»²⁸⁶, что подчеркивает значимость юридических средств в государственном строительстве.

Таким образом, юридические средства являются *основой* обеспечения национальной безопасности государства, а их своевременная и соответствующая сложившимся геополитическим реалиям оптимизация позволит гарантировать максимально полную реализацию всех его национальных интересов, обеспечивая устойчивое развитие и процветание Российской Федерации.

²⁸⁶ См.: Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 506.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет прийти к заключению о том, что национальная безопасность государства является многоаспектной и предельно емкой по своему содержанию категорией, возникновение которой обусловлено как *эволюцией* самого государства как важнейшего социального института, так и теми *вызовами* и *угрозами*, которые постепенно аккумулировали отдельные разновидности безопасности (личную, общественную, государственную, продовольственную, транспортную, экологическую, финансово-экономическую, цифровую, информационную и др.) под единый знаменатель национальной безопасности.

Национальная безопасность Российской Федерации выступает *предельно широким* объектом правового обеспечения, т.к. представляет собой защищенность и возможность гарантированной, максимально эффективной в сложившихся геополитических реалиях реализации ее национальных интересов, которые включают в себя и сбережение народа России, и развитие человеческого потенциала, и повышение качества жизни и благосостояния граждан, и поддержание гражданского мира и согласия в стране и многие другие интересы.

Следовательно, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, тем более в современных условиях, характеризующихся борьбой нашего государства за создание справедливого многополярного мироустройства и отстаиванием своей цивилизационной идентичности, представляется первоочередной, экзистенциальной задачей, на решение которой должны быть мобилизованы все имеющиеся ресурсы и средства.

Правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации – это, прежде всего, системное и научно обоснованное использование различных *юридических средств*, которые создают особый правовой режим охраны, защиты и гарантированной реализации национальных интересов России и способствуют достижения ее

стратегических национальных приоритетов. Таким образом, именно система юридических средств представляет собой как сущностную, так и функциональную (инструментальную) основу правового обеспечения национальной безопасности России.

Юридические средства обеспечения национальной безопасности могут быть классифицированы по различным основаниям, однако их пристальное исследование через призму *правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных* средств позволило проанализировать и оценить эффективность деятельности как различных органов публичной власти (субъектов правотворчества, правоохранительных органов и т.д.), так и иных участников правоотношений, направленную на обеспечение национальной безопасности, а также проследить последовательность и системность государственной стратегии в рассматриваемой сфере.

Анализ правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности России позволил продемонстрировать их взаимозависимость и взаимообусловленность. Вне эффективного правореализационного процесса правотворческие средства обеспечения национальной безопасности будут представлять собой лишь безжизненные установления, неспособные оказать сколь-нибудь серьезного воздействия на юридическую практику реализации сущностно важных интересов личности, общества и государства. В свою очередь, правоинтерпретационные средства обуславливают эффективность не только правореализационного процесса, но и самого правотворчества, ведь воля законодателя должна быть правильно понята, а созданные им нормы права применены с учетом как их текстуального выражения (буквы закона), так и того смысла (духа закона), который заложил в них правотворец в момент создания.

Нельзя не отметить, что необходимость правового обеспечения национальной безопасности с неизбежностью приводит к *юридификации* современного общества, необходимости правового регулирования таких сфер

общественной жизни, которые традиционно составляли «ядро» гражданского общества и, по общему представлению, должны были бы находиться вне непосредственной правовой регламентации. Однако складывающиеся реалии с убедительностью доказывают, что и вопросы воспитания детей, и противодействие деструктивному информационному воздействию со стороны коллективного Запада, и защита традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества и иные чувствительные аспекты уже не могут представлять собой предмет лишь общественной озабоченности и быть отданы на откуп социальной саморегуляции. Вне активного правового регулирования обозначенные вопросы могут перерасти в глобальные проблемы, способные разрушить саму российскую государственность и ее цивилизационную идентичность.

С одной стороны, это объясняет необходимость и социальную обусловленность процессов юридикации практически всех сфер общественной жизни, а с другой – актуализирует значимость адекватности, эффективности и легитимности подобного регулирования, что с неизбежностью затрагивает проблему как критериев эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, так и возможные пути оптимизации их использования.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что помимо собственно гарантированной реализации национальных интересов государства и достижения стратегических национальных приоритетов, в качестве важнейшего критерия эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности следует обозначить *укрепление и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей*.

В отмеченной связи полагаем, что лишь то юридическое средство обеспечения национальной безопасности государства можно считать эффективным, которое не только не противоречит традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества, но *направлено* на их укрепление и защиту, т.к. именно традиционные духовно-нравственные

ценности выступают важнейшим и, по сути, единственным основанием цивилизационной идентичности самой российской государственности.

Полагаем обоснованным утверждать, что в современных условиях одним из важнейших способов повышения эффективности юридических средств обеспечения национальной безопасности является международное сотрудничество и участие Российской Федерации в интеграционных процессах. Посредством активного международного взаимодействия Россия сможет не только повлиять на создание справедливого многополярного мироустройства, но и усилить свое присутствие в мировом гуманитарном пространстве, способствовать продвижению российских товаров и услуг на зарубежные рынки и препятствовать многочисленным попыткам коллективного Запада очернить имидж нашего государства.

Вместе с тем, разнообразные юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, какими бы эффективными они не были сами по себе, нуждаются в *оптимизации*, т.е. в создании эффективно функционирующей их системы, в которой правотворческие, правореализационные, правоинтерпретационные и иные юридические средства будут взаимообуславливать друг друга, подчиняться единой цели, объединяться общими задачами и только в этом случае обеспечивать максимально полную гарантированную реализацию национальных интересов Российской Федерации.

В отмеченной связи считаем, что оптимизация использования юридических средств обеспечения национальной безопасности является условием и способом повышения их эффективности, т.к. даже самое эффективное юридическое средство может потерять свой регулятивный потенциал в результате неграмотного или несвоевременного (не оптимального) использования.

Обеспечение слаженного взаимодействия правотворческих, правореализационных, правоинтерпретационных, правообучающих и иных юридических средств обеспечения национальной безопасности Российской

Федерации, усиление взаимодействия органов публичной власти и институтов *гражданского общества*, установление в качестве ориентира традиционных российских духовно-нравственных ценностей и активное использование неюридического инструментария, направленного на обеспечение национальной безопасности нашего государства и *популяризацию* проводимой государственной политики внутри страны, позволит гарантированно реализовать национальные интересы России и обеспечить ее устойчивое и гармоничное развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144 (8198).

2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.11.2020. № 45. Ст. 7061.

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. № 298. 30.12.2014.

2. Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 29.05.2023) «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 29.04.1993. № 17. Ст. 594.

3. Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 769.

4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006. № 50. Ст. 5278.

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.

6. Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // Собрание законодательства РФ. 07.08.2023. № 32 (Часть I). Ст. 6202.

7. Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных

технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2022. № 50 (Часть III). Ст. 8772.

8. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

10. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.07.1999. № 28. Ст. 3466.

11. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4850.

12. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. 18.07.2022. № 29 (часть II). Ст. 5222.

13. Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 20.02.1995. № 8. Ст. 609.

14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

15. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 26.08.1996. № 35. Ст. 4137.

16. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

17. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 2.

18. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

19. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 48.

20. Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

21. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.

22. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

23. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

24. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.12.1997. № 52. Ст. 5909.

25. Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.01.2000. № 2. Ст. 170.

26. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2444.

27. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

28. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

29. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.

30. Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 (ред. от 25.07.2019) «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» // Собрание законодательства РФ. 30.11.2015. № 48 (часть II). Ст. 6820.

31. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 345.

32. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 14.05.2018. № 20. Ст. 2817.

33. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

34. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

35. Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.08.2022. № 31. Ст. 5699.

36. Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 12.09.2022. № 37. Ст. 6315.

37. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

38. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

39. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Собрание законодательства РФ. 24.10.2022. № 43. Ст. 7382.

40. Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 № 25-2 (ред. от 31.10.2022) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2022. № 10. Ст. 1485.

41. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 08.12.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (Часть II). Ст. 375.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ, ПРАВОВЫЕ АКТЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ, ДОКУМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

42. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., БЕК, 1996. С. 2 - 8.

43. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // Официальный сайт ЕАЭС <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 30.04.24 г.).

44. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 30.04.24 г.).

45. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года (Принята 17.11.2020) // Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС в 2020 году <https://brics-russia2020.ru> (дата обращения: 30.04.24 г.).

46. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Принята в г. Санкт-Петербурге 07.06.2002) (с изм. от 15.06.2006) // Собрание законодательства РФ. 23.10.2006. № 43.

47. A National Security Strategy for Sweden: Balancing Risks and Opportunities in the 21st Century // URL: https://archive.org/details/DTIC_AD1018366 (дата обращения: 30.04.24 г.).

48. Integrated security for Germany. National Security Strategy. 2022. // URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-Executive-Summary-EN.pdf> (дата обращения: 30.04.24 г.).

49. National Security Act of 1947 // URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/national-security-act> (дата обращения: 30.04.24 г.).

50. The National Security Strategy of the USA. December. 2017. // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 30.04.24 г.).

51. The National Security Strategy of the USA. May 2010. // URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 30.04.24 г.).

52. The National Security Strategy of the USA. October. 2022. // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 30.04.24 г.).

53. The National Security Strategy of the USA. September 2002. // URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 30.04.24 г.).

54. The Spanish Security Strategy // URL: file:///C:/Users/User/Downloads/EES_eng.pdf (дата обращения: 30.04.24 г.).

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

55. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. Ст. 1855.

56. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 30.04.24 г.).

57. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2023 № 45-КАД23-18-К7 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

58. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 88-14352/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

59. Определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 № 2896-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Инвест Ко» на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 8 Федерального закона от 14 марта 2022 года № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=789602&ysclid=lpqx13scz0872323098#dgmLvхТСYtLEvcjj> (дата обращения: 30.04.24 г.).

60. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 88-19967/2023 по делу № 2-1619/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

61. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2021 № Ф07-16661/2019 по делу № А56-102901/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.24 г.).

62. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2022 № 20АП-1221/2022 по делу № А23-8340/2021 // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 30.04.24 г.).

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с

Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.01.2017. № 5. Ст. 866.

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства РФ. № 22. 01.06.1998. Ст. 2491.

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023. № 23 (Часть II). Ст. 4272.

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2020. № 10. Ст. 1415.

67. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства РФ. 12.07.2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

68. Приговор Реутовского гарнизонного военного суда от 22.06.2023 № 1-81/2023 // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 10.01.2024)

69. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № АКПИ23-737 Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими подпункта «б» пункта 1, пунктов 3, 4 Постановления Правительства РФ от 09.04.2022 №

629 «Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы» // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 30.04.24 г.).

МОНОГРАФИИ

70. Абанина Е.Н., Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития. М., Юстицинформ, 2022. 222 с.

71. Аверин А.В., Гроза Ю.А. Правосудие и право. М., Юрлитинформ, 2020. 436 с.

72. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М., Юрид. литература, 1982. 342 с.

73. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., Юрид. литература, 1982. 359 с.

74. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., Статут, 1999. 712 с.

75. Алексеев С.С. Теория права. М., Бек, 1995. 311 с.

76. Аппело Ю. Agile-менеджмент. Лидерство и управление командами. М., Альпина, 2023. 231 с.

77. Аристотель. Политика. // Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., Мысль, 1984. 560 с.

78. Бабаев В.К. Теория государства и права. М., Юрайт, 2014. 525 с.

79. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2001. 413 с.

80. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. Ростов-на-Дону, Ростовский юридический ин-т МВД России, 2005. 358 с.
81. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос, 2003. 289 с.
82. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. СПб., Фонд «Университет», 1999. 192 с.
83. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград, ВолГУ, 2009. 896 с.
84. Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, ВолГУ, 2001. 46 с.
85. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 7. М.; Л., 1929. 496 с.
86. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. М., Мысль, 1977. 388 с.
87. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. Москва, Статут, 2022. 214 с.
88. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., Мысль, 2001. 112 с.
89. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 1988. 281 с.
90. Гражданско-правовая охрана интересов личности / Под ред. О.С. Иоффе. М., 1969. 255 с.
91. Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. М., АНО ЦСОиП, 2021. 171 с.
92. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию. М., Юрлитинформ, 2014. 180 с.
93. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М., Проспект, 2022. 240 с.

94. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]. Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2025. 459 с.
95. Дюрягин И.Я. Право и управление. М., Юрид. лит., 1981. 168 с.
96. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, Среднеурал. кн. изд-во, 1973. 247 с.
97. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид - Гегель - Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. Москва, Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с.
98. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. 154 с.
99. Иеринг Р. Борьба за право. М., Феникс, 1874. 63 с.
100. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. М., 1980. 128 с.
101. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., Юрид. лит., 1965. 204 с.
102. Кант И. К вечному миру. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., Мысль, 1966. 543 с.
103. Керимов Д.А. Методология права. М., Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2001. 520 с.
- 104.
105. Колокольцев В.А. Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 248 с.
106. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М., Норма: ИНФРА-М, 2003. 489 с.

107. Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, Саратовская гос. акад. права, 2010. 173 с.
108. Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: сущность, технологии, результаты. Монография / под ред. В.В. Субочева. М., Проспект, 2023. 176 с.
109. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов // Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1. М., Новая юстиция, 2010. 268 с.
110. Лапаева В.В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / Отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М., БЕК, 1997. С. 28 – 44.
111. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., Издательство политической литературы, 1963. Т. 37. 564 с.
112. Локк Д. Два трактата о правлении // Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., Мысль, 1988. С. 160-164.
113. Макиавелли Н. Государь. М., Планета, 1990. 79 с.
114. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., Наука, 1985. 165 с.
115. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., Юрлитинформ, 2007. 352 с.
116. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrucken, Germany, 2012. 260 с.
117. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 294 с.
118. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., Норма, 2009. 550 с.
119. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1972. 293 с.
120. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 525 с.

121. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., Юридическая литература, 1971. 247 с.
122. Платон. Государство. // Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., Мысль, 1994. 512 с.
123. Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. М., Издательский дом «Международные отношения», 2023. 1594 с.
124. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]. Под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2024. 423 с.
125. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., Юрид. лит., 1984. 224 с.
126. Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. Новосибирск, Наука, 2001. 228 с.
127. Спиноза Б. Политический трактат. Электронный ресурс // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Spinoza_P_tr.pdf (дата обращения: 30.04.24 г.).
128. Степашин С.В. Безопасность человека и общества: политико-правовые вопросы. СПб., 1994. 239 с.
129. Субочев В.В. Законные интересы. М., Норма, 2008. 496 с.
130. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., Статут, 2013. 347 с.
131. Философско-правовое познание: актуальные проблемы / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, ИНФРА-М, 2025. 418 с.

132. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. М., Формула права, 2008. 272 с.

133. Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) / отв. ред. Е. А. Фролова. Москва, Проспект, 2025. 576 с.

134. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права. М., Прометей, 2017. 418 с.

135. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., Юрид. литература, 1979. 166 с.

136. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л., изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.

137. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, изд-во Свердловского ун-та, 1990. 236 с.

138. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 4 т. М., Юрайт, 1995. 485 с.

139. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., Изд-во ЛГУ, 1984. 134 с.

140. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., Госюриздат, 1961. 172 с.

141. Buzan B., People, State and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill, 1983.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

142. Абрамов В.И. Соотношение понятий «охрана», «защита», «гарантированность», «обеспечение» прав ребенка // Государство и право. 2006. № 6. С. 68-74.

143. Авакьян С.А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. 2009. № 6. С. 2-10.

144. Аверина А.В. Международное сотрудничество по противодействию преступности как направление внешней политики Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 26 - 29.

145. Адамянц С.Т. Юридификация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Право и управление. XXI век. 2022. № 18 (4). С. 47-54.

146. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12-22.

147. Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 47–51.

148. Афанасьев В.С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 5-11.

149. Багмет А.М., Бычкова Е.И. Муниципальное правотворчество: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 60-68.

150. Бажина М.А. Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // Транспортное право. 2023. № 1. С. 6 - 14.

151. Байтин М.И. О повышении эффективности правового регулирования в социалистическом общенародном государстве // Вопросы теории государства и права. Сборник статей. Вып. 1. Саратов, Издательство Саратов. юрид. ин-та, 1968. С. 32-45.

152. Беляев В.П., Беляева Г.С., Чапчиков С.Ю. Эволюция понятия национальной безопасности (историко-правовой срез) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. № 3 (32). С. 45-53.

153. Большакова В. М. Развитие судебной системы как предмет исследования в постнеклассической науке // Государство и право. 2024. № 1. С. 197 - 204.

154. Большакова В. М. Особенности правового регулирования функционирования судебной системы в особых условиях // Государство и право. 2025. № 12. С. 55 - 63.

155. Бондарь Е.Г. Значение международного таможенного сотрудничества в обеспечении национальной и экономической безопасности Российской Федерации // Таможенное дело. 2022. № 4. С. 28 - 32.

156. Босхамджиева Н.А. Историческое развитие феномена национальной безопасности // Безопасность бизнеса. 2009. № 4. С. 36 – 39.

157. Брановицкий К.Л., Незнамов А.В., Ренц И.Г. Цифровизация гражданского процесса в масштабах интеграционных объединений (на примере ЕАЭС) // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 77 - 90.

158. Бызова М.В., Калашников В.С. Противодействие легализации преступных доходов: правовые средства прокурора и правоприменительная практика // Законность. 2023. № 7. С. 32 - 39.

159. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212 – 232.

160. Васильева Т.А. Концепция достоинства человека: конституционно-правовая интерпретация / Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста). Монография / отв. ред. Е. А. Фролова. Москва, Проспект, 2025. С. 48-57.

161. Волкова Н.С. Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 26 - 37.

162. Волова А.А. Соотношение понятий «правовая охрана» и «правовая защита» // Молодой ученый. 2023. № 43 (490). С. 186-189.

163. Володина О.В., Крижановская Г.Н., Мирошниченко И.В. Государственный суверенитет в условиях однополярного мироустройства // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 57-70.

164. Вопленко Н.Н. Способы правоприменения: понятие и основные черты // Вестник ВолГУ. 2008. Серия 5. Выпуск 10. С. 35-44.

165. Гасумянов В.И. Корпоративная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретические аспекты // Власть. 2018. № 1. С. 7-21.

166. Гирько С.И. Современный вектор развития Концепции общественной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 26 - 32.

167. Голубцов В.Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 20 - 33.

168. Горбань В. С., Маликов С. В. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли (по результатам заседания Президиума РАН от 9 сентября 2025 г.) // Государство и право. 2025. № 12. С. 203 - 206.

169. Горбунова Я.П. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности России в области культуры: проблемы теории и практики // Административное право и процесс. 2022. № 9. С. 63 - 67.

170. Гребнев Р.Д. К вопросу о судебном правотворчестве в контексте судоустройства Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 3 - 7.

171. Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 14-19.

172. Дерюгин А.А., Крижановская Г.Н. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как детерминанты безопасности государства // Нравственность и гуманизм в праве и культуре. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2024. С. 154-160.

173. Дугенец А.С., Павлова Л.В. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 22 - 25.

174. Егорова А.К. Частные военные и охранные компании или организованные преступные группы? Вопросы разграничения в международном и национальном уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 6. С. 27 - 30.

175. Ельникова Е.В. Правовое обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции // Современный юрист. 2022. № 3. С. 60 - 70.

176. Журкина О.В., Филиппова Е.О. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 23-29.

177. Зайцев О.А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 82 - 98.

178. Зозуля А.А., Немченко С.Б. Государственная безопасность как понятие в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 34-41.

179. Ибрагимова С.В. Социальная эффективность права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 227 - 232.

180. Ибрагимова Э. И. Компоненты национальной безопасности РФ // Молодой ученый. 2023. № 36 (483). С. 177-179.

181. Кардашова И.Б. Национальные ценности в предмете административного права // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 8 - 12.

182. Карпович О.Г., Смагина Л.А. Россия в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы и угрозы // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 15 - 20.

183. Карцхия А.А. Новые элементы национальной безопасности: национальный и международный аспект // Вопросы кибербезопасности. 2020. № 6 (40). С. 72-82.

184. Карязов Н.В. Противодействие преступности и защита легитимной предпринимательской деятельности: установление баланса интересов в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 82–88.

185. Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 196-225.

186. Комиссаров А.В., Комиссаров М.А., Абакумова Е.Ю. Современные подходы в правовом обеспечении механизма государственного контроля предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2023. № 9. С. 35 - 44.

187. Копина А.А. Правовые средства реализации функций налогов на современном этапе // Налоги. 2023. № 3. С. 9 - 14.

188. Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 7 – 10.

189. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Правовые средства противодействия миграционной преступности // Миграционное право. 2022. № 3. С. 22 - 30.

190. Краснова К.А., Сибгатуллина Э.Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3. С. 6–9.

191. Куликов М.А. Диалектическая природа стимулирующих юридических средств или почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 31-35.

192. Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права: понятие, содержание, технологии //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 109-125.

193. Куликов М.А. Сущность и природа юридических средств // Юридический мир. 2022. № 8. С. 26-30.

194. Куликов М.А. Технологии манипулирования правовыми ограничениями: российские реалии и международный опыт // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145). С. 7-19.

195. Куликов М.А. Юридические цели: понятие и признаки // Юрист. 2022. № 4. С. 62-67.

196. Латыпов В.С. Уголовно-процессуальное законодательство современной России в обеспечении национальной безопасности страны // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 96–107.

197. Лебедев М.П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 23-30.

198. Маккамбаев П.А. Административно-правовые меры в системе обеспечения пограничной безопасности Республики Узбекистан // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 59 - 64.

199. Максименко Е.И., Голощапова А.Г. Некоторые вопросы международного сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 4. С. 19-27.

200. Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 506-526.

201. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 54-62.

202. Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения // Юридический мир. 2007. № 3. С. 21-29.

203. Маслов К.В. Угрозы налоговой безопасности государства: правовое измерение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 187 - 207.

204. Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–51.

205. Мигущенко О.Н. Взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 3. С. 18 - 28.

206. Минц Б.И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Правоведение. 1983. № 2. С. 70-82.

207. Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 29-35.

208. Мохов А.А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. № 6. С. 62 - 67.

209. Нежинская К.С. Национальная и демографическая политика как направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: проблемы нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики // Юридический мир. 2013. № 3. С. 64–67.

210. Нерсисянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сборник статей. М., 2000. С. 6 – 10.

211. Нешатаева Т.Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113 - 125.

212. Никоноров В.М. Системы, сущность и свойства // Российское предпринимательство. 2015. № 16. С. 499-508.

213. Нудель С.Л., Горенская Е.В. Уголовная политика в области обеспечения энергетической безопасности // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 101 - 114.

214. Овчинников А.И., Далгатова А.О., Фатхи В.И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 59-64.

215. Осипов М.Ю. К вопросу о понимании феномена «правовая охрана» // Advances in Law Studies. 2023. Том 11. № 1. С. 11-18.

216. Пашенцев Д.А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 22-33.

217. Плюгина И.В. Правовые средства совершенствования федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 89 - 102.

218. Поддубный А.О., Удычак Ф.Н. К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 6 - 11.

219. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 7 - 15.

220. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 2. С. 28-35.

221. Романов И.Б. Правотворческая политика современного демократического государства: понятие, принципы, стратегия и тактика // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 32-39.

222. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1. С. 52-60.

223. Сабаева С.В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности

Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 30 - 34.

224. Сайфуллин Э.К. Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранной компании // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 127 – 142.

225. Сальников В.П. Институализация коррупционных взаимодействий - угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. 2006. № 1. С. 6 – 11.

226. Сальников В.П., Кривоносова Д.В., Крижановская Г.Н. Миграционная политика и суверенитет государства // Миграционное право. 2023. № 1. С. 21–23.

227. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173–176.

228. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. 2014. № 3. Т. 19. С. 1096–1099.

229. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70–86.

230. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. - № 1. – С. 139-150.

231. Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права. Межвузовский сборник науч. трудов. Свердловск: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 1990. С. 8-16.

232. Сапун В.А., Турбова Я.В. Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 177-188.

233. Сергеев А.А. Нужна ли России государственная идеология? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 9 – 12.

234. Сеницын С.А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 47-60.

235. Стариков Ю.Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 29–45.

236. Степаненко Д.М. Инновационная функция государства: технико-юридические аспекты реализации // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 5 – 9.

237. Степанов А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Выпуск 2 (28). С. 8-18.

238. Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16 - 22.

239. Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 137-145.

240. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125-135.

241. Субочев В.В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2 (21). С. 27-31.

242. Субочев В.В. Интерес и право: анализ взаимосвязи // Актуальные проблемы правопедения. 2003. № 3. С. 59-63.

243. Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13-21.

244. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29-43.

245. Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11.

246. Субочев В.В. Правовая политика современной России в сфере патриотического воспитания: содержание и ключевые приоритеты // Право и управление. XXI век. 2024. № 4 (73). С. 28-37.

247. Субочев В.В. Специфика правового обеспечения законных интересов // Академический юридический журнал. 2006. № 4. С. 4-11.

248. Субочев В.В. Эволюция государственного суверенитета в условиях глобализации: реалии и перспективы // Вестник Российского нового университета. Серия: «Человек и общество». 2019. № 1. С. 184-189.

249. Субочев В.В., Куликов М.А. Злоупотребление правом как юридическая составляющая европейской дезинтеграции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 85–95.

250. Субочев В.В., Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами: основы теории // Право и управление. XXI век. 2023. № 4 (69). С. 41-53.

251. Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Pro et Contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 30-37.

252. Умнова-Конюхова И.А. Духовно-нравственная мобилизация конституций как запрос и тенденция конституционного развития современных

государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 24 – 28.

253. Фетюков Ф.В. Право как средство обеспечения эффективного функционирования государства и гражданского общества // Политика и общество. 2017. № 4. С. 104–120.

254. Фролова Е.А. Право как фактор социальной стабильности: теоретико-философский аспект // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 2. С. 262–272.

255. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 45-50.

256. Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Политико-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в условиях трансформации монополярного мироустройства // Миграционное право. 2022. № 3. С. 17–21.

257. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403-414.

258. Халлиулин Р.Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 33-38.

259. Хоменко Е.Г. Национальная платежная система как гарантия суверенитета и экономической безопасности России // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 10 – 16.

260. Цветков И.В. О понятиях «правовая работа» и «правовое средство» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 3. С. 42 - 60.

261. Цыганов Р.Л., Белянская Л.И. Правовой статус иностранных агентов в России - новация или осознанная традиция // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 7. С. 16 - 19.

262. Честнов И.Л. Постмарксистская методология права: перспективы научной состоятельности // Проблемы постсоветской теории и философии права. Сборник статей. М., 2016. 481 с.

263. Честнов И.Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 5 - 11.

264. Чиркин В.Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5 - 19.

265. Шувалов И.И. Правовые инструменты преодоления кризисных явлений в экономике // Журнал российского права. 2022. Т. 26. №1. С. 61—69.

266. Эбзеев Б.С. Государство как образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире и согласии / Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста). Монография / отв. ред. Е.А. Фролова. Москва, Проспект, 2025. С. 28-43.

267. Snider D.S. The National Security Strategy: Documenting Strategic Vision // Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. Carlisle Barracks, March 15, 1995. 20 p.

268. Subochev V.V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. 2019. V. 12. № 4. P. 266-275.

269. Vylegzhanin A.N. The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses // Moscow Journal of International Law. 2021. № 2. P. 35– 60.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

270. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 149 с.

271. Бидова Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ. Дис. ... докт. юрид. наук. Грозный, 2021. 567 с.

272. Булавин В.И. Национальная безопасность современной России. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Нижний Новгород, 1999. 152 с.

273. Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 199 с.

274. Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты: теоретико-правовой анализ. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1999. 474 с.

275. Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2010. 529 с.

276. Колокольцев В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005. 496 с.

277. Куковский А.А. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. 237 с.

278. Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023. 412 с.

279. Малиновский А.А. Злоупотребление правом как юридический феномен. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. 404 с.

280. Малько А.В. Законные интересы советских граждан. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 207 с.

281. Попов Г.Г. Миграционная безопасность России (Институционально-правовой анализ). Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 140 с.

282. Пунченко С.И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 211 с.

283. Путинцев А.В. Правовой режим противодействия факторам-угрозам национальной безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 222 с.

284. Райгородский В.Л. Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 283 с.

285. Райский Д.А. Национальная безопасность России в контексте сетецентрических войн в условиях меняющейся мировой архитектуры. Дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016. 257 с.

286. Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 47 с.

287. Резников Е.В. Теоретические основы формирования и развития правовой идентичности личности. Автореф. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 55 с.

288. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. Дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 321 с.

289. Симонян К.Р. Правовое воздействие в сущностном и функциональном измерении. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 222 с.

290. Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1994. 246 с.

291. Удычак Ф.Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 174 с.

292. Федоров М.В. Конфликт интересов и его объективизация в российской правовой системе. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021. 207 с.

293. Халиуллин Р.Г. Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 231 с.

294. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2018. 48 с.

295. Чепус А.В. Теория позитивной юридической ответственности органов исполнительной власти. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 63 с.

296. Шериев А.М. Субъективные права, свободы и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: проблемы теории и практики. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 206 с.

297. Шкварок В.М. Теоретические основы и классификация угроз экономической безопасности России. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 198 с.

298. Ядрихинский С.А. Законные интересы налогоплательщиков: теория и практика реализации, обеспечения, защиты. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. 66 с.

УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ, СЛОВАРИ

299. Большая советская энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1969-1978. 3-е Изд. Т. 18. С. 525. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm?ysclid=lsbk6wzrzu574868208> (дата обращения: 30.04.24 г.).

300. Большой академический словарь русского языка. М., Наука, 2010. Т. 14. 519 с.

301. Большой Российский энциклопедический словарь. М., БРЭ, 2003. С. 1437.

302. Васильева Я.В. Основы теории национальной безопасности. Учебное пособие в двух частях. Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда, 2022. 144 с.

303. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности. Учебник для вузов. 3-е изд. М., Юрайт, 2023. 334 с.

304. Общая теория национальной безопасности. Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2. М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.

305. Основы национальной безопасности. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / Н.Д. Эриашвили, Е.Н. Хазов, Л.Т. Чихладзе и др. М., ЮНИТИ, 2018. 335 с.

306. Основы теории национальной безопасности. Учебное пособие. / А.В. Блюм, А.А. Дик, Э.А. Мамонтова, А.М. Попов. Тамбов, Тамбовский государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2017. 96 с.

307. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1. СПб., 1885. 418 с.

308. Савицкий А.Г. Национальная безопасность. Россия в мире. Учебник для студентов вузов. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 463 с.

309. Степашин С.В., Шульц В.Л. Вопросы безопасности в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации: учебник для вузов по направлению «Менеджмент» специальности «Государственное и муниципальное управление». СПб., ИПЦ СПбГТУ, 1994. 505 с.

310. Шободоева А.В. Основы теории национальной безопасности. Курс лекций. Иркутск, Изд-во БГУ. 2018. 228 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

311. В.В. Путин заявил, что ему надоели манипуляции Запада международным правом. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 30.04.24 г.).

312. В.В. Путин: некоторые страны пытаются подменить глобальную архитектуру на «придуманные правила». URL: <https://russian.rt.com/world/news/1018406-pravila-briks-putin> (дата обращения: 30.04.24 г.).

313. Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии министерства обороны. 2021. 21 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 30.04.24 г.).

314. Зорькин В.Д. Справедливый миропорядок: современные подходы // Выступление В.Д. Зорькина на юридическом форуме стран БРИКС. 30 ноября 2017. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=83> (дата обращения: 30.04.24 г.).

315. Корня А., Винокуров А. Идеологические единогласия // Коммерсант. 12 мая 2023. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5979267> (дата обращения: 30.04.24 г.).

316. Лавров С.В. Об инсценировках как методе политики Запада. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1822333/ 2022. 18 июля. (дата обращения: 30.04.24 г.).

317. Послание Президента Российской Федерации по национальной безопасности Федеральному Собранию. М., 1996. С. 8.

318. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Российская газета. 22.04.2021. № 87.

319. С.В. Лавров заявил, что Запад «наплевать хотел» на суверенное равенство государств. URL: https://tass.ru/politika/14201681?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 30.04.24 г.).

320. Scott B. But what does “rules-based order” mean. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/what-does-rules-based-order-mean> (дата обращения: 30.04.24 г.).

321. Waxman S. What Rule-Based International Order? URL: <https://bostonreview.net/articles/what-rule-based-international-order/> (дата обращения: 30.04.24 г.).